

Литературный

9

2016 год

п е р е к р ё с т о к

*Алина
Делисс*

54

*Виктор
Черняк*

61

*Лорелла
Гальцова*

86

*Владимир
Вишневский*

111

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

альманах

Литературный
перекресток
9

МОСКВА 2016

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6
Л 64

Литературный перекресток. № 9, 2016: альманах, Московский союз литераторов. — М.: — 2016. — С. 128.

Дизайн обложки:
Александр Астрин

Для писем: Москва, 125009,
Б.Дмитровка, 5/6, строение 8,
Московский союз литераторов.
Тел.: 8(495)692-06-03
Электронная почта: litcross@aport.ru

Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и авторам не возвращаются

ISBN

© Коллектив авторов, текст, 2016
© Александр Астрин, обложка, 2016

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК 9, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Наталья Лясковская.....	5
Татьяна Федоткина	12
Яна Голубицкая.....	17

ПРОЗА

Марина Райкина. Был только миг	20
Надежда Днепровская. Счастливый Мармелад.....	28
Татьяна Шипошина. Метель и вьюга	31
Жанна Голубицкая. Вечеринка с Наполеоном	37
Злата Ната. Королевская охота	45
Алина Делисс. Миллион оттенков любви	54
Виктор Черняк	61
Жанна Гречуха. В том городе горели фонари.....	71
Кира Краснова. Ах! Лошади, лошади.....	74
Марина Соловьева. «Упражнение».....	78
Лорелла Гальцова. Отрывок из книги «Ген счастья»	86
Петр Шарганов. Только ангелы с неба не просят хлеба	102

Ирина Манина. Черный бархат	105
Екатерина Курочкина Закатное солнце	109

ИРОНИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Владимир Вишневский. Стихи	111
Александр Локтев. Рассказы	117
Михаил Стародуб. Стихи	121

Главный редактор
Виктор Черняк

Координатор
Джангули Гвилава

Редакционная коллегия:

Жанна Голубицкая (*Заместитель главного редактора*), **Лариса Адлина**,
Надежда Днепровская, **Михаил Стародуб**, **Татьяна Шипошина**

Поэзия

Наталья Лясковская

*Манне-Джамиле
Голубицкой,
редактору Спид-инфо
(2004 год)*

Не знаешь ты, шайтаночка, сама,
как по твоим бежит тончайшим венам
кровей неслитных мёд и сулема,
сливаясь в сердца стук — на миг, мгновенно...

Той среднерусской милой красоты,
которой ты в дни юности светила,
вдруг заострились мягкие черты —
в славянском лике азия сгустилась....

Чадрю чёлки чёрной лоб укрыт,
но там, где быть очам чернее ночи
уместно — синь волшебная слепит,
противореча знойности восточной.

О, джем малинов в слове «Джамия»!
О, женственность движений, нежность взгляда,
и талия почти что до нуля
в Италии узбекского наряда!

Желаний жар пытаюсь пережечь,
(интеллигентное дитя журфака),
ты жёлтой прессы изучала речь
по «Камасутры» переносным знакам,

вникала в смысл отстойников Москвы,
искала душу в чучелах стриптиза,
и в слипшемся комке людской халвы
училась видеть прелесть пресс-релиза.

Тебе, о Рузы гурия, зачем
чуть утро — вновь нырять во тьму перверсий,
где дутым золотом сверкает «звёзд» гарем,
где гнили вонь несёт из всех отверстий?!

Наверно, это, Жанна, д арк-привет,
от той далёкой девственницы скерцо,
святей которой не было и нет,
в грязи страстей хранившей чистым сердце!

И ты опять рулишь сквозь рузский снег,
газетных ради строк собой рискуя,
и даже самый низкий человек
не бросит камень в женщину такую.

И ты опять вникаешь в каждый взвив
скулящих чувств людских в фасовке писем,
не разобидев и не уязвив,
всё мечешь им в ответных письмах бисер...

Чтоб в день весенний расцвели цветы,
хоть на чуть-чуть очистив воздух града,
наверно, надо вот таким, как ты,
ходить, как на работу, в офис ада.

* * *

боюсь цветаевой она влезает в кровь и шепчет воспаленными устами
в седьмом ребре есть древняя любовь ещё не осененная крестами
и власть мужчин сильнее власти слов и сладко жизнь предать в объятья ката
и страх и грех лишь повод для стихов и ты ни в чём ни в чём не виновата
и можно так от страсти прогореть что тело станет пеплу оболочкой
и так в петле мытарно умереть чтоб жить остаться в мире каждой строчкой

боюсь лишь потому что так близка её тоска и горький зов сиротства
и в бирюзовых капельках рука и искушений потаённых сходства
как и она утратила покой заснуть мечта сознания потеря
но Бог помог и крученой такой и мне поможет я терплю я верю
ей прощены мне кажется давно и дерзость речи и тщета стремлений
и увлечений тёмное вино и разрывные муки отрезвлений
за краткость безнадежного пути за то что так поэты одиноки
но чёрствый хлеб умеют превратить в стихов и слёз святые опресноки
за то что «возлюби» не звук пустой а боль и горе и страданий корчи
не оставляй о Всеблагий постой Ты сможешь изменить всё чудотворче
утешь её а мне молитвы соль вложи в ночей и дней разверстых раны
вразей последних расточить позволь и я на свой колок для прочих странный
такой достигну сердцем высоты что смерть покажется желанным хладом в зное
и разрешу убийце класть персты в им нанесённое ранение сквозное

Любовный эпос

Блиц-поэма

С места в карьер

О чём?
«Как все искусства — о любви».
Как героиню я ни назови,
она — Любовь
(по паспорту — Татьяна,
Алиса, Ольга, Рая, Гульнара,
Марина, Люсинэ — эт цэтэра)
и главная участница романа.
Её пример — наука для других?
Вот это вряд ли:
в милицейских сводках
мотив «любовь» соперничает с водкой
да с дикостью намерений благих.

Муж первый — по любви

С фигурой бога Аполлона
боец элитного ОМОНа —

таков Любашин первый муж.
 Взяв приступом бордель подпольный,
 он, в помраченье алкогольном,
 объелся малолетних груш.
 Ну ладно герпес или триппер —
 никто б из органов не выпер,
 бывает в боевых делах...
 Но жизнь — короткий столбик воска:
 золотовласка-спидоноска
 спалила война дотла.

Муж второй — от искусства

Пиджак с подбитыми плечами,
 густые тени под очами —
 таков Любашин номер два.
 Недораспознанный врачами,
 он ей стихи кричал ночами
 и всяко разные слова.
 Простой секрет шизофрении:
 в какой глазок ни загляни ей —
 всё вроде кажется тип-топ...
 Зарезав Любиного папу,
 поэт подался по этапу
 и где-то в Ангаре утоп.

Любовник — без него никак

Да, он случается однажды
 (навроде кори)
 в жизни каждой
 безмужней женщины.
 Вотще
 он покупал в кино билеты,
 дарил цветы, таскал конфеты
 и тискал в древнем «москвиче»:
 хоть в счастье верилось ей слабо,
 узнав, что у него есть бабы
 в Рязани, Тынде, Воркуте,
 в Торжке и в дебрях Барнаула —

она Ромео бортанула
 руками, матом и... вопче.

Муж третий — надо, значит надо

Не до любви ей стало там уж.
 «Я по расчёту выйду замуж!»
 И был расчёт суров:
 рабовладелец, жлоб в седилах,
 скотина даже со скотиной
 (он разводил коров).
 На фермах не было убытков:
 до распоследней тухлой нитки —
 всё в дело, без затей.
 И жизнь людей — под хвост коровий:
 угробил Любино здоровье
 и шанс иметь детей.

Эпилог, почти эпитафия

Кружась под дворовой осинкой,
 она одна гуляет с псинкой,
 закутанная в шаль,
 глядит в соседские коляски...
 А по ночам под телесказки
 пьёт, пьёт, глуша печаль.
 Вам жаль её?
 Мне жаль.

От автора

О вечный эпос жизни личной,
 столичной или нестоличной,
 (в сердцах отличий нет)!
 Почти в формате сериала
 я этот опус написала
 поскольку я — поэт
 хоть и вселенского масштаба,
 но, как и Люба — просто баба
 прискорбно средних лет...

* * *

и в этой дублёрке в которой под вечер кормили собак
 свой век коротающих кротко на дачных задворках
 пропахшей костром из листвы прелых книг и ненужных бумаг
 дублёрке из шкуры какого-то древнего орка
 в чьём правом отпадке истлел за последом послед
 пока слепошарые мявкали в шерсти измученной кошки
 где было им всё спальня мыльня обед туалет
 а в левом ещё шевелятся очистки печёной картошки
 и в ней же накинув на плечи бежали к реке
 где ловит билайн чтобы «скорую» вызвать для близких
 и горько рыдали зажав отвороты из меха в руке
 и падали в ней на тропинках от сырости склизких
 доили коров гнали кур и с оттяжкой кололи дрова
 на почту спешили припрятав под ней застирушку
 послать проигравшему сыну кусок своего кормова
 буханку последнюю чаю последнюю кружку
 ночами молились едва разбирая слепую Псалтырь
 свечной парафин слой за слоем ложился на стёртую кожу
 и слёзы горячие и разрывной как удар нашатырь
 и Лик над судьбами родных моих реющих Божий

я в этой дублёрке теперь на диване свернувшись лежу
 что после кончины владелицы мне отвели по наделу
 и температурному вновь подчиняясь легко виражу
 своим оживляю гореньем дублёркино дряхлое тело
 всё сладко смешалось виденья и явь и подмирок иной
 прошедшее будто пульсирует облаком в ямке подвздошной
 и так хорошо мне в дублёрке как будто в утробе родной
 что в ней и на небо доставьте меня если можно

Любе Грязновой

я знаю мозг похож на розовые флоксы уж мой-то точно да отсюда вижу я
 как разрывной посыл в античном парадоксе кипят цветами в нем загадки
 бытия
 и часто по ночам благоуханья мука мешает мне унять запретных мыслей
 зной

но кто-то входит в сад невидимый без звука и закрывает в мир калитку за
 спиной
 и на короткий миг слетает сон спасенье закончен летний круг я осень я
 зима
 лишь флоксы на столе в торжественном цветенье напоминают как легко
 сойти с ума

* * *

там женщина за голову схватилась — и ходит по квартире день и ночь
 над ней беда как чёрный тромб сгустилась — никто не может женщине
 помочь
 уже который год всё ходит ходит — бормочет Господи за что спаси прости
 как в хлорсеребряном мятётся электроде та штука что толкает ток идти
 не может спать — чуть вырубится — снятся кошмары — нежность счастье
 и любовь
 она к иуде тянется обняться — и снова крест и снова — боль и кровь
 не может жить — хотя и дышит вроде и что-то делает и чем-то занята —
 варганит суп толчётся в огороде и много пишет поперёк листа
 и даже иногда смеется даже влюбиться хочет сладостно грешить
 и даже смотрит платьев распродажи — куда уж ярче жест желанья жить
 да всё не то — не вуду не перформанс и про кукушкино гнездо не надо ей —
 эй фью ты кто — я буду Милош Форман-с — сними-ка братец новый амадей

Татьяна Федоткина

Я тебя не люблю, это — просто привычка,

Я тебя не хочу, это кровь вдруг взыграла,
Я к тебе не стучу — отпираю отмычкой,
И тебе двери так я всегда открывала.

Я тебя не держу, это просто случайность:
Невзначай мои пальцы сомкнули запястье,
Я тебя не пленю, согласишься, это крайность:
В отношениях искать пресловутое счастье.

Не иду за тобой — просто нам по дороге,
И над нами одно опрокинулось небо,
Я порядки в твоей не меняю берлоге,
Просто там, где упасть, постелила я сено.

Что я рядом с тобой, это прихоть поэта,
Только ты вот скажи, отчего мне тревожно?
— Ты не сможешь уйти, и ты знаешь про это,
Ведь меня не любя, разлюбить невозможно...

Ориш твоих духов

Ориш твоих духов
На моей остался коже,
Бесконечность нежных слов
И короткое: «О, Боже!»
Ирреальность наших снов
Одинаковых и ложе
В лепестках живых цветов
В памяти моей, но все же,
Я что-то жду от тебя.

Утром сполохи зари
Мерзлое согрели небо
Жалко, что слова любви
Делятся на был и не был.
Шлейфом запах, полем дым,
Мне идти в лучах рассвета,
И остался лишь один
Знак вопроса без ответа
Ты что-то ждешь от меня?

Невеста Ноя

Ты небом создана для счастья моего,
Хотя вуаль черты твои скрывает,
И лишь на миг мне ветер отворяет
Твой взгляд в меня, и больше ничего.

Твоих волос под шляпкой скрыт каскад,
И скрадывает платье остальное,
Такой, как ты, была невеста Ноя,
И снова ветер открывает взгляд.

Ковчег ты хочешь или просто дом,
Но чтобы каждой твари там по паре,
И чтоб детей рожали и рожали,
А утром нежный колокольный звон

Будил нас всех...Но то не в этом веке,
И ты сама из прошлого как сон,
И шляпка, пережиток тех времен,
Когда другими были человеки...

Ты небом создана для счастья моего,
Хочу ли я тебя счастливой сделать?
Не знаю, какой мерою отмерить
Тебе себя... Вуалька...Болеро...

Моей девочке

Моя девочка, здравствуй, милая!
Мастерица всех ласк и нег!
Обними меня с бережной силой ты,
Удержи властный времени бег.
Дорогая, возьми меня за руку,
Посмотри смело мне в глаза,
Как сияет камней твоих радуга:
Лал в сережках и бирюза.
Твоя муфта промокла, бедная,
Сырость вечно приносит март,
Юбка в пол погуляла с ветрами,
Пей горячий скорей шоколад.
Ублажать тебя буду, пестовать,
Не остаться нам при своих.
Не христовой же ты невестой мне
Даришь жизни пронзительный миг.
Твоя робость, я знаю, мнимая,
Взглядом писана по воде.
Ждешь, тебя назову я «любимая»
И до боли прижму к себе.
В душу глянуло небо низкое,
Все иное на свете ложь.
Ты сегодня мне очень близкая.
Не родная... Да ну и что ж.

Иерусалимский снег

Иерусалим засыпан снегом,
Весь будто белое панно,
И проступает век за веком
На нем видение одно.
Толпа, хламида, солнце, копьё,
Вдруг все окрашивает кровь...
Растаял морок. С неба хлопья,
В душе смиренная любовь.
А Гефсиманским старым садом,
С олив сбивая мокрый снег,
С особым, просветленным взглядом
Идет по насту человек.
Он молод, прядь седая просто,
Похоже, что из этих мест...
А тень его ложится косо,
Как весь в занозах черный крест.

Коснись меня!

Коснись меня! Ведь ласку любят все.
И зверь, и птица растаются с болью,
Когда под вечер в чуткой тишине
Погладить их тихонечко ладонью.
Коснись меня! Ведь ласку любят все.
Пусть будет лёгким первый поцелуй.

Лицо к лицу. И оживет румянец.
Как кони мчат без повода и сбруй,
Как жриц верховных ритуальный танец,
Пусть будет лёгким первый поцелуй.

Душа замрет от доброго глотка
Горячей нежности с горчинкой чая,
С врожденной верой в пламя мотылька

Сегодня враз не устою у края.
 Душа замрет от доброго глотка.

Я пальчиком от жилки на виске
 Неспешно проведу к твоей ключице,
 А небо, как кисель на молоке,
 И кожа звёздным отблеском лучится.
 Я пальчиком от жилки на виске...

Таится лишь в прикосновениях страсть:
 И сила, и энергия рождения,
 И кроткая, уступчивая власть
 Над резкостью мужского вождления.
 Таится лишь в прикосновениях страсть.

Напьется кровью каждая из жил,
 А космос, что внутри, взорвётся светом,
 Ты вдруг поймёшь, что без меня не жил,
 И осень обернется зрелым летом,
 Напьется кровью каждая из жил.

Дохнет июльским жаром в сентябре,
 Обвеет, обожжёт и враз отпустит.
 Коснись, погладь, ведь ласку любят все.
 Как светел ты, пронзителен и грустен...
 Что грифа нежить... Пястью... по спине...
 Коснись меня...

Яна Голубицкая

Свободен твой полёт

И хоть душа твоя окаменела —
 Нет больше честных, близких глаз —
 Ты знал всегда, что я хотела —
 Объятий нежных, пылких фраз...

Но нет, тебя мои смущали губы,
 Мои не нравились слова,
 Казаться стала тебе глупой
 И не кружилась голова.

Я нехотя, но отпускаю
 Тебя в свободный твой полёт.
 Ты заскучал со мной, я знаю.
 Растопим — что ж! — душевный лёд.

Желаю я тебе найти другую,
 Что в страсти, пыла не тая,
 Питалась бы твоей любовью,
 А не питала бы, как я.

Алаверды Есенину

«Ты меня не любишь, не жалеешь» —
 Как-то писал всем известный поэт.
 «Не смотря в лицо, от страсти млеешь» —
 Явно схожий с моей жизнью сюжет.

Как же так? Сквозь года и эпохи
 К нам возвращается всё тот же проект,
 Где любовь очаровывает многих,
 Но и счастья у многих нет...

«Мы любим тех, кто нас не любит»
 Известный всем, правдивый стих.
 «Бежим от тех, кто нас голубит»
 В общем, не ценим вовсе их.

Так вот, судьба наша-злодейка
 И сколько лет бы не прошло,
 Любовь звонка, как канарейка,
 Поёт о тех, кто нас не ждёт.

Мы будем все века стремиться
 Найти ответы о любви.
 Но нет секрета, что и поэты
 Всю жизнь искали, но так и не нашли...

Маска

Нам не хватает немного эмоций,
 Душевных чувств и капли любви.
 Мы чаще стали скрываться от близких,
 Надевая маску мрачной тоски.
 От чего же мы стали все так одиноки?
 Есть очевидный на это ответ:
 Вы слишком грубы и бываете жёстким,
 Часто хамите и язвите в ответ.
 В чём секрет настоящего счастья?
 Здесь, дорогой мой, загадки нет.
 Будьте искренним и благородным,
 Чаще улыбайтесь, встречая рассвет.
 Хватит казаться во всём равнодушным,
 Дайте свободы своим вы крылам,
 Полетайте над небом чувств и эмоций,
 Дайте волю своим вы словам,
 Будьте теплее, дарите надежду.
 И в скором времени расскажите мне,
 Как ваша жизнь не смогла остаться прежней,
 Как вы обрели счастье в любящей семье.

Марина Райкина

БЫЛ ТОЛЬКО МИГ . . .

(Марина Райкина, редактор отдела культуры, журналист московского комсомольца, историк театра, автор серии книг «Москва закулисная».)

Что знает человек о своем будущем? Он может только наивно заблуждаться относительно него. И когда стоит на сцене, грезя о всемирной славе, он не догадывается, что лучшей ролью в его жизни станет совсем другая, не та, что он нынче играет. И что будет он не великим артистом, а просто великим Папой. А его сценическая жизнь в чужих костюмах окажется как строка в знаменитой песне. Приглашаю в путешествие в безвозвратное актерское прошлое Иоанна Павла II.

1.

Холера! — произнес ломкий мальчишеский голос, когда я постучала в дверь. И эта грубая «холера» совсем не вязалась с историей этого дома и святостью его прежнего жильца. Именно здесь, в Кракове, за Вислой, на улице Тынецкая, 10, в двухэтажном доме из серого камня во время нацистской оккупации жил Кароль Войтыла, известный всему миру как Иоанн Павел II. И с этим старым краковским домом была связана недолгая, но очень яркая и опасная часть его биографии.

Краков — каменный и с кривыми улочками. Булыжные мостовые, островерхние крыши и башни, которые съедал осенний туман, упавший на город ближе к ночи. Он нагло отгрыз башню с часами Марицкого костела и голову памятника Адама Мицкевича по самые плечи. Эта белесая туманная тотальность, спеленавшая город, придает миру зыбкость. А было прошлое или не было?

Ах, пани, панове!.. Было все — и отряды немецких солдат с автоматами, и облавы с воплями разбегающейся толпы, и арест профессоров Ягелонского университета. И разрушение памятника Мицкевичу — символа польского свободомыслия. Был — и Кароль Войтыла, тогда еще не помышлявший о карьере священнослужителя, а читающий стихи великих польских романтиков в подпольном театре «Рапсодичный».

Здесь обязательно следует пояснить, что означал подпольный или конспиративный театр. Оказалось, что во время Второй мировой их в Польше было немало — только в Варшаве 30 и 12 в Кракове. Маленькие труппы из профессионалов, полупрофессионалов и любителей, практически без декораций, собираются каждый раз на разных квартирах и разыгрывают представления. Конспирация соблюдается тщательная. Театр «Рапсодичный» (в переводе — ода), созданный доктором Мечиславом Котлярчиком в 1941-м, считается один из самых сильных и известных в Кракове. Несмотря на то, что труппа насчитывает не более семи человек играют и репетируют по семи адресам. Один из артистов — молодой рабочий каменоломни Кароль Войтыла.

В начале 2000-х от «Рапсодичного» в живых остались — Халина Квятковская и Данута Михайловска — в Кракове. В Кракове в разыскала Квятковскую: аккуратная, подтянутая пани, сидящая передо мной в театральной школе, оказалась родом из Водовиц — из тех мест, что и бывший Папа. Она рассказывает:

— Во время оккупации в Кракове немцы разрешили только один театр «Повшехне» и там шли только комедии Александра Фредро. Они хороши, но не в военное время. Поляки бойкотировали его. Вообще все было на немецком языке, на польском — только пропаганда. В одном кинотеатре крутили немецкое кино, а поляки на заборах по ночам писали: «Только свиньи сидят в кинес».

— **Опасно было работать?**

— Знаете, при коммунистах после войны было опаснее. «Рапсодичный» несколько раз закрывали. Может, это я так сейчас говорю, когда физической опасности нет, но вообще мы конспирацию соблюдали очень строго. Если кто-то чувствовал, что за ним следят, месяц не появлялся в театре.

Риск действительно был огромный и для зрителей, и для артистов. В городе постоянно шли облавы (по польски - лапанки), начались казни — первая публичная состоялась в 1942-м году и она потянула цепь других убийств. Университетских профессоров, художников, артистов арестовывали и 183 из них были отправлены в Освенцим. Запретили польскую литературу. И в такой жуткой обстановке по вечерам в разных местах Кракова поднимался занаве и начинался театр. Аскетически скромный, он дер-

жал дух нации. Артисты словом помогали полякам оставаться поляками, людям — людьми.

Но больше всего меня потряс тот факт, что за время работы театра «Рапсодичный» (впрочем, как и в других труппах Кракова) с начала оккупации и до января 45-го года, когда войска 1-го Украинского фронта вошли в Краков, в театре не случилось ни одного предательства.

— Я не понимаю, почему вас это удивляет? — спрашивает меня пани Михайловска — это невозможно, потому что... невозможно. Вот и все.

Поляки как раз не удивляются тому, что среди зрителей и артистов подпольного театра не оказалось предателей. Это больше озадачивает русских, знавших о предательствах даже среди близких людей.

— Понимаешь, разница в менталитетах, — говорит мне известный кинорежиссер, мастер исторических фильмов Еж Хоффман. — Мы 200 лет, борясь за независимость, научились верности, а вы за несколько лет после революции у себя все испортили.

Подпольный театр Польши помнит лишь единичный факт предательства — в Варшаве. Участники движения сопротивления, когда вычислили артиста-Иуду, тут же его расстреляли. В Кракове такого не было.

— Но если вы были так уверены в своих товарищах, то откуда такая уверенность в зрителях? Откуда вы знаете, кто приходил на квартиру, где играли спектакли? — настаиваю я.

— Зрители были наши друзья. Друзья приводили своих друзей. Конечно, их никто не проверял, но мы как будто делали одно дело.

2.

А каким в то время был Кароль Войтыла? И что он представлял из себя как артист? Может быть, был заурядным любителем, у которого хватало смелости выступать во время войны? А после нее остался бы рядовым артистом, каких немало?

Каролю Войтыла в начале войны было 20 лет. Вот физический его портрет того времени: строен, сухопар, светел лицом. Работал в каменоломне, играл в футбол, катался на горных лыжах. Его несложно представить на фоне занавеса с бледной маской поэта, читающего из классиков — Мицкевича, Словацкого, Норвида...

— Кароль был одарен прекрасным голосом, незаурядной дикцией, — говорит Халина Квятковская. — Я бы сказала, он был актером интеллектуальным, все роли пропускал через интеллект. И каждая была все глубже и глубже. Такой одаренный парень был.

— Как вы считаете, после войны, останься в театре, он стал бы хорошим актером?

— Нет, не хорошим. Наверняка — блестящим. И позже, когда я наблюдала его, то видела, как он пользовался тем, что приобрел во время войны. Теми же средствами во время проповеди, в своих диалогах с паствой. Все это он умел благодаря практике в «Рапсодичном».

3.

А вот и дом, где с 1939 по 43-й год жил будущий Папа. Улица за Вислой, тихая, да и весь квартал, где находится дом, скорее, похож на элитный дачный поселок физиков, а может, и лириков, в лучшие для них времена. Дом из серого камня в два этажа, сетка-рабица огораживает небольшой сад возле него.

— Холера! — говорит ломкий мальчишеский голос, когда я постучала в дверь, не найдя звонка. Эта грубая «холера» как-то не вязалась с особенной историей этого дома и святостью его прежнего жильца.

Но дверь все-таки открыли, и на пороге появилась пани в розовом, несколько неряшливом халате, из-за спины которой выглядывал ушастый подросток. Ее облик окончательно развеял надежду увидеть музей в этом странном доме.

— Да, здесь жил Папа, — скорей устало, чем радостно подтвердила дама, передергивая плечами от вечерней сырости. — Теперь это государственная квартира, и я с детьми живу здесь уже 8 лет. Детей четверо, воспитываю одна. Да ходят тут журналисты, все расспрашивают.

— А можно посмотреть квартиру?

— Нет, не стоит. Здесь все теперь переменилось. Лучше сад посмотрите.

Артисты «Рапсодичного» вспоминают, что комната низкого первого этажа, которую занимал Войтыла, была бедная, убогая и в театре ее называли катакомбами. В «катакомбах» репетировали спектакли по средам и субботам и старались разойтись до комендантского часа. Сюда, на Тынецкую, переехал Мечислав Котлярчик, когда его брата, тоже артиста, вместе с другими арестованными отправили в Освенцим. Здесь Войтыла и его режиссер много говорили о театре вообще и о «Рапсодичном», в частности. Котлярчик формулировал принципы театра и актерской игры. Они были чрезвычайно строги к себе и коллегам: артист — это монах, а театр — никаких поз, роз, фальшивых слез. Он — как комментарий к великой запрещенной немцами литературе. И никаких декораций, причем не по причине бедности, а скорее, из принципа. Только занавес, на котором бледная маска поэта и свеча...

И именно в этом доме Котлярчик одну ночь уговаривал своего любимого артиста не оставлять театр, когда тот принял решение уйти в лоно церкви.

4.

Что же произошло в разгар войны, в период самой активной жизни театра и жизни артиста Кароля Войтылы, что он решил все круто изменить и оставить театр? Какой был импульс? Что повлияло? Может, неудачная любовь?

— Нет, Кароль не был замечен ни в каких любовных связях. Некогда ему было — работал, чтобы выжить, а потом театр, репетиции, — уверяет меня пани Квятковская и с возмущением сообщает, что только немцы задавали ей подобный вопрос.

— Он был добрый, сердечный, но очень закрытый, — подтверждает ее бывшая коллега Михайловска.

На эту интимную часть жизни Иоанна Павла II никто не может и по сей день пролить свет. Разве что его драма «У лавки ювелира», написанная им в 1960 году. Там есть такие строки.

*Слава вину в человеке,
Человек — это любовь...*

*Как же алчет человек чувства,
Как люди близости алчут...*

*Тело — его пронцает мысль,
не успокаиваясь в теле —
и его пронцает любовь.
Тереса, Анджей, ищите
в телах своих прибежище мысли;
покуда они есть,
прибежище любви ищите.*

В этом тонком, нестандартном лирико-философском труде читается и личный опыт, и зашифрована чья-то тайна. Как и в его этическом исследовании «Любовь и ответственность». Ещё при жизни на встрече со студентами в Варшаве Папа как будто признался, что во время войны его возлюбленная, еврейка из Водовиц, погибла от туберкулеза. Но это объяснение скорее красивое, чем правдивое.

Однако есть история, которая в немалой, если не в главной степени повлияла на уход артиста из театра в лоно церкви.

5.

— Художник Адам Хмелевский, — вот кто все решил. — Говорит мне режиссер-документалист Яцек Шен, работал директором театра «Богатела»

в Кракове. — Я даже хотел снимать про это фильм. Но при коммунистах мне этого не разрешили.

Итак, что это была за личность — пан Хмелевский, сыгравший в судьбе Папы столь важную роль? Узнав об этом человеке из XIX века, можно только поразиться, как грешник мог стать образцом для такого, можно сказать, чистого душой и помыслами человека, как Кароль Войтыла.

Адам Хмелевский — красавец, известный выпивоха, бабник, гуляка, но патриот. Участвовал в восстании 1863-го против царской России, где потерял ногу. Однако физическое увечье придавало его красоте нечто героическое. Позже изучал живопись в Мюнхене, вел богемную жизнь, устраивал кутежи. Считался мастером шантажа и вымогательства. Так, когда для попок с друзьями Адаму не хватало денег, он шел в казино и дожидался выезда богатого игрока, который возвращался в экипаже, разумеется, не с законной супругой.

Завидев лошадей, Хмелевский бросался под коляску, выставлял деревянную ногу и изображал несчастный случай. Чтобы «жертва» не поднимала крик, от нее откупались большими деньгами, и многодневная пирушка друзьям была обеспечена. Вернувшись в Краков, Хмелевский продолжал вести прежнюю жизнь. Но однажды...

Однажды кутила возвращался с очередной попойки домой, забрел в так называемую согревальню, где обычно ютились бездомные. И вдруг... увидел, что многие из этих людей больны червятницей, то есть у них в ранах были черви. Это на него произвело такое впечатление, что в один момент он перерешил всю свою жизнь — надел рясу и, не будучи монахом, остался вместе с этими людьми. Позже он наладил для них производство, гарантировавшее их занятость — сначала печенья, а потом знаменитой тоннетовской мебели.

Хмелевский больше не вернулся к светской жизни и ушел в монастырь. Занимался бездомными, несчастными и больными, раз и навсегда решив служить добру не через искусство, а непосредственно через дела помогал страждущим.

Вот такая история и она напрямую связана с Иоанном Павлом II. На это указывает и его пьеса «Брат моего брата», написанная Папой о святом грешнике. Интересно, что картина художника «Христос с закрытыми глазами» хранилась в одном из музеев Киева, и краковский монастырь в течение многих лет безрезультатно пытался ее приобрести. Наконец, говорят, будто бы Войтыла, будучи уже в сане, заказал картину «Ленин среди гуралов» (гуралы — население в Польше, проживающее в горах). И только тогда обмен состоялся.

6.

— Нет, нет! История с Хмелевским не имела решающего значения для Кароля, — так утверждал друг юности Войтыла ксендз Малиньский. Они

вместе жили в Водовицах, вместе учились читать молитвы в Кракове, и ксендз, единственный, с кем Папа при жизни один на один завтракал, обедал в Ватикане.

Ксендз принял меня в небольшом монастыре в центре Кракова. Аудиенция длилась полчаса и окончательно пролила свет на эту польскую историю.

— В 1940-м Кароль хотел быть и был актером и писателем. Я же изучал станкостроение. И я, и он абсолютно не думали, что станем священниками. Но однажды познакомились с паном Яном Терановским. Не то, что мы познакомились, а он нас подцепил, то есть был инициатором нашего знакомства. Терановский спросил у нас: «Не хотите принадлежать к кружку «Живые четки?»» В каждый кружок входило по 15 человек и с каждым из них он раз в неделю имел часовой разговор. Это был курс как молиться.

— Как долго это продолжалось?

— Несколько лет. И в течение всего времени у нас нарастала мысль, чтобы стать священниками. Войтыла в то время находился под большим влиянием Котлярчика, а тот учил, что актер — это как священник, то есть ведет человека к добру через красоту. И Кароль был на это закодирован. Но после встречи с Терановским понял, что нет необходимости идти к добру через актерство и искусство, а можно непосредственно. Он осознал это окончательно в тот момент, когда каждый из нас получил по 15 учеников и вел их также, как Терановский нас. Он понял, что можно быть пастырем душ, иметь влияние на человека и вести его к добру.

— Были ли сомнения при расставании с открытой светской жизнью, тем более, с театром?

— Случилось так, что Котлярчик предложил Войтыле роль в новом спектакле. «Нет, не возьму», — сказал тот. «Почему?» «Я решил стать священником» — ответил Войтыла и всю ночь Котлярчик убеждал его, что это глупость. «Ты как актер своим искусством будешь влиять на самые интеллектуальные круги, на разных людей, а как священника тебя бросят в глухомань, где твой удел — учить детей и исповедовать бабок». И все же Кароль ответил: «Нет».

— Но будучи молодым, сильным человеком, он отдавал себе отчет, что придется, например, отказаться от плотской жизни?

— Было непросто. Но идея того, что мы хотим делать добро, была настолько сильна, что мы пошли за ней. Отказались от всего, что несет светская или плотская жизнь. История художника Хмелевского не имела на Войтылу решающего значения. Сначала был Терановский, а потом уже он.

Самое интересное, что человек, так повлиявший на Иоанна Павла II, даже не был ксендзом. Терановский был всего-навсего портным. Альбинос — белые брови, белые ресницы и всегда как-то нелепо улыбался.

— Я не любил его, — говорит ксендз Малиньский, — а Войтыла всегда останавливал меня: «Неважно, как он говорит и как выглядит. Важно, что он нам хочет передать».

— Вы часто встречались с Папой. Вспоминает ли он о своем театральном прошлом?

— Он не разговаривает о прошлом. Только о том, что происходит сейчас.

Да, Папа никогда не возвращался к своему театральному прошлому, где он считался лучшим актером труппы «Рапсодичного» и даже был отмечен некоей наградой за сцену поединка в спектакле. Вспоминают, что на одном из представлений он читал фрагменты из поэмы Мицкевича, как вдруг в тишине на доме напротив заработал громкоговоритель немецкого радио. Радио сообщало об очередных победах немцев в Европе. «Кароль как будто не слышал этих слов, не изменил даже тона. Мицкевич в его интерпретации не принял этой жизненной цитаты».

Сегодня никто не жалеет, что актер Войтыла оставил сцену, что он ушел в церковь. Всей своей жизнью он доказал, что он великий славянин, и, может быть, первый и последний возглавивший католическую церковь.

Надежда Днепровская

СЧАСТЛИВЫЙ МАРМЕЛАД

Несмотря на раннее утро на аллеях парка было оживлённо. Но Маше досталась целая скамейка, не очень далеко от главного входа. Апрельский день выдался солнечный, хотя и прохладный. Вокруг неё начали устраиваться

художники, которые пришли позже. С картинами, с вязанием, с вышивками. Выстроились матрёшки с лицами Горбачёва, Рейгана, Ленина и Сталина. Маша отходила недалеко от своей скамейки, рассматривая это изобилие народных промыслов. Поневоле засмотришься...

Ближе к полудню появились покупатели. Гуляющих и зевак было много, а вот специально за картинами... Машинными работами интересовались, но никто даже не спрашивал, сколько они стоят. Одна девочка долго стояла у картин, расспрашивала про котиков, но бабушке надоело дожидаться внучку, и она воскликнула:

— Ты лучше нарисуешь! — и потащила её к украшениям из янтаря.

Проходили группы иностранцев, с воодушевлением скупая матрёшки и советскую атрибутику. Вот и к Маше подошла пара пожилых иностранцев, долго рассматривали котиков, немного поспорили, а потом старушка показала на «Мармелад». Это была кошка персикового цвета, которая жмурилась в солнечных лучах, сидя на окне, за цветком герани. Маша так назвала картину за переливающимися розовые, золотистые тона, контрастом к которым было несколько зелёных узорчатых листьев и яркие полосы кошачьих глаз.

На листочке Маша нацарапала цифру «25». Иностранцы удивились, а дама взяла у художницы листочек и карандаш, зачеркнула «25» и написала «20». Ну что ж, всё деньги, подумала, вздохнув Маша, и кивнула. Старички заулыбались, дедушка взял картину, а бабуля протянула Маше двадцать долларов... Она ещё никогда не держала в руках валюты, да и не видела живую. Это же в десять раз больше, чем она ожидала! Вот мама обрадуется!

После обеда появился Олег с дочкой.

— Молодец, — похвалил он Машу — хорошее местечко заняла. Потеснись немножко!

Он расставил свои работы, и Маше пришлось часть картин поставить на землю, прислонив их к скамейке.

— Ну как продаётся? — поинтересовался Олег.

— Никак — ответила Маша. Ей не хотелось рассказывать о своей удаче. Поток гуляющих продолжался, люди смотрели, спрашивали, но покупали больше мелочёвку, а картины только разглядывали.

— Как красиво, — говорили одни.

— Кошки! Это всё что вы умеете, — говорили другие.

Маша устала и проголодалась. Достала два бутерброда с сыром и бутылку со сладким чаем.

— Закусить решила? — откуда-то подскочил Олег. Он не стоял у своих листов, просто сказал Маше цены и гулял по парку.

Маша неохотно протянула ему бутерброд

— Хочешь?

— А то! — и Олег жадно впился зубами в жесткий бутерброд и, конечно рядом с ним тут же оказалась Анжелка. Он великодушно дал откусить дочке.

К Маше подходили и художники, некоторые снисходительно давали советы, которые она внимательно выслушивала, но ничего нового для себя не открывала.

До сумерек удалось продать ещё одну крохотную работку «Кошачий глаз», размер с почтовую открытку, в рамочке. Там был изображен то ли глаз, то ли драгоценный камень, то ли шёрстка его окружала, то ли бархат. Маша любила вносить двойное значение в свои картины.

Быстро сгущалась темнота, зажглись фонари. Олег с дочкой давно ушел с какой-то заказчицей, тем более что Маше удалось продать для него три листа. Накатила усталость. Присев на скамейку, она начала складывать картины в свою объёмную сумку.

— Слушай дэвушка! Я смотрю, у тебя хорошие картины! — смуглый лысоватый мужчина присел рядом с ней, — чего ты мучаешься, стоишь целый день, мёрзнешь?

— А что, есть предложения? — настороженно сказала Маша, отодвинувшись.

— Да ты не бойся! Я буду продавать твои картины, а ты рисуй — и не будешь как торговка здесь стоять.

— А обманешь? — улыбнулась Маша.

— Обижает! Я тебе расписку дам, ты напишешь что почём...

Этот увлекательный разговор был неожиданно прерван крупным молодым человеком с красной повязкой на рукаве:

— Пошёл вон, барыга! Увижу ещё, убью!

— Что ты, начальник! Я дэвушке бизнес предлагаю!

— Знаю я твой бизнес! Скройся!

А ты, «дэвушка», — обратился он к Маше, — собралась отдать свои картины этому жуку?

— Я ещё не поняла, что он от меня хотел...

— Известно что: он скупает оптом хорошие картины за копейки, а потом перепродает, наваривая в десять раз больше. Их тут много, таких дельцов. Мы их гоняем, но они всё равно лезут. Кстати, ты уже второй день здесь, а ничего не заплатила за место.

— Ой, а я думала бесплатно — огорчилась Маша.

— Можно и бесплатно — широко улыбнулся парень, — только здесь много всяких историй случается... то ограбят, то испортят картину, то место отберут — думаешь, почему никто тебя не согнал сегодня с этой удобной скамеечки? Лично я присматривал!

— И сколько с меня? — опечалилась Маша.

— С тебя совсем немного, двадцатку в день. На картинах много не зарабатываешь. Это те, что продают матрёшек, камушки, янтарь, — зарабатывают. А такие как ты — просто вывеска.

— Наверное... а если я ничего не заработаю?

— А мне по барабану. Хочешь здесь стоять — плати. Ты давай, собирайся, темнеет уже. За вчерашний день, так и быть, прощаю, а за сегодня, будь любезна!

Маша рассталась с двадцатью рублями, стараясь не показать вида, как рада такой небольшой плате.

Домой добиралась уже в темноте, почти ничего не соображая от голода и усталости, запомнилось только, что пришлось разменять в метро сторублёвку, чтобы опустить в турникет три раза по пять копеек. Со вчерашнего дня, со второго апреля, метро подорожало в три раза.

Мама как всегда встретила «по-доброму»:

— Нагулялась? Хоть позвонила бы! — помогая, тем не менее, выгружать картины из сумки. Маша привыкла к её ворчанию и не стала ей объяснять, что в лесу нет телефонных будок. Потом на автомате приняла душ, выпила пол-литра кефира с хлебом и упала в постель почти без сознания.

Татьяна Шипошина

МЕТЕЛЬ И ВЬЮГА

(О первой любви и не только...)

В начале восьмого класса эта история и произошла. Посадили меняза одну партус Валькой Барнашом.

Барнаш — второгодник, пришёл в наш класс вместе с двумя другими переростками. Ну, и классная наша, Ирина Моисеевна, или просто — Ирина, посадила каждого второгодника на одну парту с отличником. В целях исправления.

Валька Барнашов достался мне. Наверно потому, что моя фамилия — Балашова. Специально, чтоб дразнить полегче было.

Барнаш считался известнейшим в школе и в районе хулиганом. С кем он только не дрался! И не только дрался. Привод в милицию имел — попался на мелком воровстве.

Обдавая меня запахом дешёвого табака, Барнаш просил:

— Дай списать! Дай скатать матешу! (или что-нибудь ещё).

— Нет, — отвечала я ему со всей честностью и принципиальностью. — Списывать — не дам. Хочешь, останемся после уроков, я тебе помогу по математике.

— Не-а, — отваливался на спинку парты Барнаш. — На кой мне твоя математика!

— А что же ты дальше делать будешь? Тебе же надо восемь классов заканчивать! Ты что, учиться дальше не хочешь?

Тогдаш школе учились десять лет, до десятого. А в училища уходили — после восьмого.

— А на кой?

Барнаш смотрит на меня своими раскосыми глазами. Странно смотрит. Посмеивается. Отворачивается к окну, сплёвываетна пол.

— Не плюйся!

— Хочу, и плююсь. Списать дай.

— Нет.

Да, нас так воспитывала «семья и школа». Я же была «правильная»! А нас, «правильных», учили, что давать списывать — это вредить товарищу. Помогать — это остаться с товарищем после уроков, объяснить ему то, что он не усвоил... Ну, а потом, вместе, под звуки горна и барабанную дробь, порадоваться, что товарищ получил первую в своей жизни твёрдую тройку.

Я родилась и выросла в маленьком южном городе, на берегу Чёрного моря. В школе училась отлично. Неза страх, а за совесть.

Бабушка моя едва знала грамоту, а вот мой папа — в институте выучился. В педагогическом. Там же, в институте, с мамой познакомился.

Как же мне «правильной» не быть, в семье двух учителей...

— Ба, а меня с Валькой Барнашовым посадили. Помнишь, ты говорила, что дедушка в юности с каким-то Барнашовым дружил?

— Это какой Барнашов? Наш, форштадский?*

— Ага. Барнаш. Кличка такая. Он второгодник. Наша Ирина всех второгодников распределила по отличникам. Ба, гад такой! Ничего не учит, курит, с уроков сачкует каждый день.

— Ну, яблочко от яблоньки, — вздохнула бабушка.

— Чего?

— Да дед его, Барнаш, ну... как тебе сказать... он вором был. И картёжником. Дружил он с твоим дедом, Царство ему небесное, — перекрестилась бабушка. — Барнаш да Балаш... Твой дед не воровал, не думай. Он грузчиком был в порту. Но с Барнашом — водился, тут уж я не совру.

Бабушка присела рядом со мной, вытирая руки о фартук.

— Они в карты вместе играли, — продолжала она. — Про них так и говорили: если Барнаш и Балаш играют — остальные без штанов. Картёжники оба. Были.

— Ба, и Барнаш тоже в карты играет. Они с пацанами на последней парте собираются, и режутся. В триньку.

— Но компанейские... — продолжала бабушка, не слушая меня. — Уж как смеялись, да как песни пели! Весь Форштадт приходил — рядом с ними посидеть, байки послушать. А песни! У деда твоего — бас, а у Барнаша — так, полегче голос. Как затянут! И похулиганить любили. Всего и не расскажешь.

— Ну, ба...

— Ну?

— Ба, это ведь плохо? В карты играть?

*Форштадт — окраина нашего города, славившаяся хулиганами и бандитами.

— Да чего уж хорошего. Только ты не думай, что это каждый день случилось. Просто они, как два друга — метель да вьюга. Они с юности дружили. Потом дорожки стали расходиться. Твой дед не хотел, чтоб Барнаш воровал. Ругался с ним. Даже дрался. Но вот в карты... тут дед твой слабину давал.

— А почему дед в милицию на этого Барнаша не заявил?

— Ты что, Танька? Мала ты ещё...

— Не мала! Я уже всё понимаю! Но ты? А ты как же? Почему не возмущалась?

— Что я могла сделать! Вот с Барнашихой я не дружила, это да. Это я могла. А запретить им встречаться — нет.

— Почему?

— Ну... нельзя запретить... и всё тут.

— А могла ты деда бросить? Он же картёжником был? Или друга его, Барнаша этого, воришку — выгнать?

— Друга выгнать?

— Ба, но он же воришка! А дед — картёжник!

— Я ведь любила его... Деда твоего, Балаша — любила, понимаешь. Нет его — и никто мне не нужен. Вот смотрю на тебя, и вижу, что в тебе от него что-то есть... Упрямая ты...

— А у Барнашовых — много детей было?

— Четверо. Четыре сына. Трое — по тюрьмам, а один — погиб в молодости. В драке. Барнаш с дедом твоим... в одном эшелоне на фронт поехали, да так и пропали без вести. Оба. Барнашиха... с немцами путалась, это я точно знаю. Не зря я её не любила... Это я костями ложилась, чтоб отец твой в институте выучился.

Помолчала бабушка и вздохнула:

— А теперь вот ты... учишь, Танька! Не смотри на Барнаша! Значит, посадили тебя с ним...

— Чтоб я его исправила.

— Горбатого могила исправит.

— Ба, что ты такое говоришь! Надо же помогать товарищу!

— Помогать-то надо, если он помощи хочет. А что, просит помочь?

— Не... Накой, говорит, мне это надо... Ба, я не пойму! Почему это он — так?

— Люди разные...

— Ба, ну как — разные? Всем же говорят, что надо учиться, что надо... ну, вести себя... Добиваться, стремиться...

— Всем говорят, да слышат — все по-разному...

— Нет! Не верю! Как такое можно не понимать?

— Смотри... как бы не вышло чего... Барнаши — они мужики... Справные мужики.

— Ба, да что может со мной случиться!
 — Ох... Судьба-то как поворачивается...
 — Причём тут судьба?
 — Дед Барнаша твоего... всё ко мне в хахали набивался. По морде я его била. Деду твоему не говорила, а то бы зашибли друг друга...

* * *

Мыс Барнашом «доживали» вместе восьмой класс. Барнашкурил, дрался, сачковал, спал на уроках, играл в «триньку», напевал блатные песни, «скатывал» математику и русский. Я же училась, читала. Пыталась в книгах найти ответы на свои вопросы. Даже за Достоевского бралась. Меня по-прежнему не звали на классные вечеринки. Впрочем, не только меня. В классе очень чётко обрисовался кружок лиц как бы привилегированных. Барнаш, пара второгодников и ещё некоторые не попадали туда по причине своей хулиганской жизни, а я и ещё несколько человек — как «заучки», «отличники», «святоши» и пр. Имелась ещё часть людей, которые к ним не попадали. Это были «никакие». «Никакие» могли быть хорошистами и литроечниками, всё равно. Это были тихие, ни на что не претендующие люди. Тихо презираемые...

А мы... мы были громко презираемые. Каждый мог сказать с полной уверенностью: «Барнашов — придурок!». Каждый понимал, что с этой личностью, с явно криминальными наклонностями, лучше делане иметь.

Так же закономерно звучало и «Балашиха — дура!». Только здесь это имело другой оттенок. Наподобие: чего с ней связываться, если она начнёт на вечеринке всем мораль читать!

Мы же, по-прежнему, сидели вместе с Барнашом. Два маргинала, противоположно заряженных...

Когда он сачковал, мне его не хватало. Я привыкла к нему, к нашим дежурствам, которые он не пропускал.

Смешно, но именно в классе мы жили тихой «семейной жизнью». Именно так. Барнаш не считал зазорным послушаться «какой-то девчонки» и даже попросить у неё (своеобразно, конечно) помощи. Как это не зазорно в любой «нормальной семье».

Он напевал мне свои блатные песенки, а я несколько раз ловила себя на том, что начинаю подпевать...

Я ждала его, когда он пропускал уроки. Правда, не «у причала в юбке тёмно-синей». А на парте, в синем форменном платье и фартуке.

Обамы понимали, что за границами парты наше дальнейшее общее существование весьма сомнительно. Я мечтала о совместных научных экспедициях, норазве я не понимала, что это — просто сладкие фантазии?

О чём, интересно, мечтал Барнаш?

Что он приходит с «дела», а я тут встречаю его, ублажаю, жалею? Или он мечтал, что я хожу «на дело» вместе с ним? Апотом вру в глаза ментам? И выгораживаю не только его, а всю банду?

Мы оба всё понимали. И нам обоим хотелось, чтобы летние каникулы никогда не наступили.

Но... Восьмой класс тихо подкатил к окончанию. На последнем нашем дежурстве мы остались в классе вдвоём. Тут Барнаш взял стул и вставил его ножку в дверную ручку.

Я могла бы испугаться, но я не испугалась. Я же знала Барнаша как облупленного. Он просто рисовался передо мной, в очередной раз.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила я, усаживаясь на парту, но, на всякий случай, не выпуская веника из рук.

— Я в Керчь еду, там рыболовецкое училище.

— Примут?

— А куда денутся! — уверенности в голосе Барнаша не наблюдалось. — Керчь близко. Приезжать буду.

— Приезжай. Кто тебе запрещает.

Тут Барнаш не выдержал.

— Слышь, Танька! Кончай прикидываться!

Я хотела сказать, что не прикидываюсь. Нисколько не прикидываюсь. Просто... чем меньше дней оставалось до летних каникул, тем больше мне было глядеть в раскосые Барнашовские глаза.

Вгрудь у меня зрелотакое чувство, что мы с Барнашом доживаем последние совместные «семейные» денёчки. Что никогда мы больше не увидимся. Что за этой классной дверью мы сейчас расстанемся, и навсегда.

Расстанемся даже потому, что мы неровня, и оба это знаем. Мы ведь знали ещё и то, что подэтой «неровней», в глубине, мы такая ровня, что ровнее некуда.

Просто он был мужик и протестовал сильнее. Метался!

А я — женщина. Я просто знала, и всё. Глядя на него, я готова была плакать. И плакала... только дома. Перед сном.

Когда он подошёл ко мне, я не противилась. В этот момент я не успела привычно подумать о том, «правильно» поступаю или «неправильно».

Барнаш поцеловал меня так нежно, как только мог. Обнял. Какое-то время мы стояли, обнявшись. В открытые для проветривания окна светило солнце. Пели птицы.

Мы стояли... молчали мы...

Наверно, мы бы так всю жизнь могли стоять. Если бы не надо было делать ничего другого...

Тут кто-то забарабанил в дверь. Барнаш кинулся к стулу.

На пороге стояла Ирина. У Ирины — чутьё звериное.

— Что это такое? Почему двери в класс закрыли?

Я взглянула на Барнаша. Он не мог произнести даже своё коронное «А на кой...»

— Мы же проветриваем, Ирина Моисеевна! — сказала я.

Мой голос звучал так спокойно! Я слышала своё враньё как бы со стороны. Я умела врать лучше Барнаша. Я была лучше обучена...

Да, наверно, я могла бы врать и ментам, чтобы отмазать не только Барнаша, но и всю банду.

Только я знала, что этого не будет. И Барнаш знал.

— Мы проветриваем! Сквозняк же! Окно разбиться может. Всё, проветри! Барнаш, окошки закрывай! — скомандовала я.

Барнаш загремел рамами, а Ирина всё ещё смотрела на меня. Я выдержала. Правда, я не смотрела Ирине в глаза.

Я смотрела на её поношенные туфли и до боли в сердце её жалела...

Летом Барнаш сел (по малолетке). Когда вышел — я уже в институте училась, на втором курсе.

А как подошло время летних каникул — сел Барнаш повторно.

Там и сгинул.

Так и не увиделись больше...

Жанна Голубицкая

ВЕЧЕРИНКА С НАПОЛЕОНОМ

ЗАПИСКИ ЖУРНАЛИСТКИ

(отрывок из «Дьявол Просит Правду» — книги об изнанке российской прессы).

В первые выходные сентября главред отправляет меня ... на Бородинское сражение! В эти дни Бородинская битва празднует свою очередную годовщину, а я, как репортер развлекательного издания, обязана выяснить — есть ли секс на поле брани? Для этого мне следует элегантно влиться в ряды реконструкторов и вызвать их на откровенность, подтвержденную снимками на камеру редакции.

Реконструкция — это грандиозная инсценировка знаменитой битвы, которую проводит военно-историческое общество реконструкторов. Они подходят к задаче на полном серьезе: на Бородинском поле собираются все существовавшие в реальности подразделения русской и французской армий при полном боевом обмундировании — от пехоты и егерских полков до кавалерии и гренадеров. Тут же находятся штабы обоих великих полководцев — Кутузова и Наполеона. Прочие боевые генералы стоят лагерем вместе с подведомственными им батальонами. Строятся настоящие бивуаки и дзоты, на поле свозятся чистокровные лошади лучших пород, и все боевые орудия — настоящие. В кропотливой подготовке к сражению задействовано огромное количество человек и служб: исторические музеи, театральные мастерские, пошивочные ателье, профессиональные военные историки, а также умельцы, изготавливающие по историческим эскизам шпаги, штык-ножи и прочие атрибуты мужественности XIX столетия.

А прямо в исторический день сражения на поле начинается уникальное по своей масштабности действо, полностью воссоздающее батальные сцены

из далекого прошлого. Ради этого зрелища каждый год в первое воскресенье сентября в Бородино съезжаются люди чуть ли не со всей страны. Задача участников — максимально воссоздать дух времени и до мелочей реконструировать картину великой битвы. Моя задача — изучить роль женщины в войне 1812 года. На примере тех дам, которые находятся рядом с brave гусарами сегодня, спустя почти два столетия.

Я слышала, что и тогда, и сейчас женщин на войну берут специально — для поддержания у мужчин боевого духа. Чем, когда, где и как они его поддерживают, мне и предстоит узнать. И, разумеется, написать об этом в ЖП (*журнал Живая Правда — авт.*).

— Прощай, дорогой Стас, — обращаюсь я к мужу с неподдельной грустью. — Я ухожу на войну. Именно ухожу, потому что машины-то у меня теперь нет.

Узнав, что я отправляюсь на Бородинскую битву, муж говорит только одно:

— Ну-ну! А че не на Куликовскую?

На дело со мной, как всегда, идет фотокор Мишель со своей камерой. Мы с ним уже как Бивис и Батхед — неразлучная парочка. Гошик тоже откомандирован главредом, но на поле брани ехать категорически отказывается, ссылаясь на то, что он убежденный пацифист. И к тому же боится, что в него случайно попадут из пушки.

Мы решаем, что поставленные перед нами задачи лучше решаются в учении, нежели в бою. И на поле брани отправляемся с утра в субботу. Время оптимальное: обе армии уже разбили лагерь и приступили к маневрам. Но до решающего сражения еще целые сутки.

Для поездки в Бородино мне выделяют редакционный «Range Rover Vogue». Огромный, черный, глянцевый и хищный — прямо как моя бомбейская кошка Делия! К нему прилагается и водитель, но от него я отказываюсь. Хочу побыть крутой. Свой «Субарик» мне, конечно, жалко, но нет худа без добра. Когда еще таким зверем порулю?

У меня есть страсть: обожаю джипы! Но только по-настоящему большие, а не паркетники. Громадный джип — очень правильная машина для хрупкой девушки. Он дает чувство защищенности. Села и — чур, я в домике! То есть, чур, я в джипике!

С удобством устроившись на пассажирском месте и с наслаждением закуривая, Мишель заявляет:

— Эх, люблю, когда меня женщина везет! В этом есть что-то эротическое, не находишь? Можно я буду держать тебя за коленку? Как, помнишь, в «Основном инстинкте-2»?

— Я-то помню, что у них там дело в Гудзоне закончилось, — фыр-каю я. — И она, кстати, выплыла, а он нет.

— Ради возможности заняться петтингом на скорости 200 миль в час я даже готов не всплыть!

— ОК, уговорил, по дороге в Бородино я утоплю тебя в Москва-реке. Ты мне лучше скажи, станут исторические реконструкторы рассказывать нам, каков бывает секс на войне? Есть среди современных гусар поручики Ржевские?

— Может, и есть. Но все равно такие вещи они обсуждать не будут. Это же тебе военно-патриотическое мероприятие, а не тантрический бордель. Все при исполнении.

— Надо их замотивировать? — предполагаю я.

— Надо их напоить! — уверенно откликается Мишель.

Ссылаясь на то, что уже бывал на подобных маневрах, мой «подельщик» рекомендует закупиться шампанским и закуской, чтобы задобрить и разговорить гусаров.

Останавливаюсь возле супермаркета «Азбука Вкуса» на Можайском шоссе. Возле полок с алкоголем меня одолевают сомнения:

— Может, все-таки водку? — уточняю я. — Мужики все же! И военные мужики.

— Ты что, Толстого не читала? — возмущается Мишель. — Гусары во все времена пили шампанское!

— Ну да, — ворчу я, — только французское и из горла, а бутылку разбивали о голову неприятеля. Как бы они о нашу голову его не разбили! Ты же сам говоришь: они люди серьезные, историки, убежденные патриоты, а тут мы — с бухлом и сексом.

— Ничего, — успокаивает меня Мишель, — секс тоже был во все времена.

Но я все-таки покупаю водку — на всякий случай. А а к ней — малосоле-ную рыбу, огурцы, помидоры и всякую деликатесную нарезку. Потом решаю прикупить также пива — мало ли, как жизнь повернется!

А на кассе вдруг выясняется, что за приобретение четырех упаковок пива «Сорона» мне полагается подарок — огромная сумка-холодильник с несколькими пакетами льда внутри. Это большая удача: на улице стоит страшная жара! Довольные, мы с Мишелем упаковываем угощение в багажник «Вога» и стартуем по Минскому шоссе в область...

Часа через два перед нами открывается поистине историческая панорама: огромное поле, поодаль — монастырь и деревушка. Там и сям виднеются мемориалы, пушки и стоящие лагерями войска. На поле брани пасутся лошади. Судя по цвету попон — как наши, так и неприятельские.

Вот оно — легендарное Бородино! Прав был поэт: все тут смешалось — кони, люди... Пушки палят, солдаты кричат, зрители хлопают. Дым коромыслом, пыль столбом — настоящая война!

Покрутившись меж нашими и французами, мы обнаруживаем, что при каждом походном лагере в изобилии имеется женский пол. Различают участниц битвы только наряды, при этом костюмы всех женщин строго соответствуют эпохе. На полковых дамах — турниры, кружева и кринолины, на маркитантках — чепцы и пышные юбки, на кавалерист-девицах — мундиры, белые батистовые блузы, обтягивающие бриджи и высокие сапоги.

Очень жарко, и полковые дамы ведут себя на грани дозволенного: они ослабляют свои корсеты так, что практически демонстрируют воинам прелестные высокие бюсты. Маркитантки подбирают пышные юбки, показывая изящные ножки. А одна кавалерист-девица и вовсе разделась до кружевного negligé, для приличия слегка прикрывшись французским мундиром. Смотрится очень секси!

— Я бы такую огулял! — заявляет Мишель.

— А какую бы ты не огулял? — язвлю я.

— Вон ту! — Мишель указывает на толстую маркитантку лет пятидесяти.

Подвернув юбки и заткнув их за пояс, она возится возле обоза с продовольствием. Ее аппетитная попа направлена на неприятеля, как смертоносное орудие.

— Да что ты понимаешь! — мне обидно за старую гвардию. — Может, как раз она умеет поднимать боевой дух лучше других! У нее опыта больше! Ты мне лучше скажи-ка, дядя, ведь недаром мы сюда приперлись? Как мы будем рандеву гусаров с барышнями наблюдать? Может быть, здесь будет какой-нибудь полковой бал?

— Если только я приглашу тебя на кадрили. Вон туда, за ручей! Придешь?

— Приду. Но не одна, а с кузнецом.

— А зачем нам кузнец? Кузнец нам не нужен!

— А раз не хочешь кузнеца, тогда займемся делом и пойдем проводить в рядах алкогольную диверсию.

Мы прибываем к русской егерской пехоте. Пехотинцы более стоворчивы и не отказываются от водки. Мы накрываем поляну — в самом прямом смысле. Вскоре из соседних палаток к нам подтягиваются гусары и какие-то прочие русские офицерские чины. Тут я понимаю, что очень плохо учила историю. В военном ранжире я совершенно не разбираюсь, а субординацию здесь можно понять только по исторически выверенным мундирам и прочему милитаристскому антуражу.

Солнце палит, и нам удается подпоить наши вооруженные силы очень быстро и эффективно. Одного наводящего вопроса достаточно, и пожилой фельдъегерь начинает вещать:

— Боевые подруги — наш главный стратегический запас, боевой арсенал и жизненный ресурс! Источник, так сказать, любви и вдохновенья! Что может лучше восстановить после сражения солдатские силы? Только секс! Очень бурный секс! К нему военный человек всегда готов, если только не ранен и не убит! Эх, помню молодые годы... Пойдешь, бывало, с кавалерист-девахой вон туда за ручей... Она как оседлает тебя там — как породистого жеребца! Так потом готов неприятеля гнать хоть до самого городу Парижу!

Во время нашего полевого застолья ко мне прибивается молодой улан, ласково заглядывает в глаза и предлагает брудершафт. Я за рулем, но мальчика надо уважить. Я делаю вид, что пью, он хлопает добрый стакан водки. Мы целуемся. По — настоящему.

Я никогда еще не целовалась с настоящим уланом на Бородинском поле! Но все в этой жизни когда-то бывает в первый раз.

Спустя час настроение в рядах совсем не воинственное. Мишель слегка подшофе бродит по будущему полю боя и снимает общие планы. На нем — белая блуза французского гвардейца. У кого он ее стырил, непонятно. Но расстегнул аж до пупа. И теперь не без удовольствия демонстрирует всем вовлеченным в маневры дамам свой загорелый мощный торс. Барышни любезно позволяют Мишелю себя фотографировать и довольно беззастенчиво его разглядывают. Признаться, полюбоваться есть чем: у Мишеля с фигурой — полный ажур! И в качестве статного гвардейца он выглядит очень органично. Уверена: в 1812 году за ручей с ним пошла бы любая!

А сейчас просто времена изменились. И «за ручей» дамы охотнее идут с менее красивыми, но более надежными.

Отсняв все необходимое, Мишель с любопытством крутится вокруг неприятельской пушки. Я гуляю вокруг под ручку с молодым уланом. Он как приклеился ко мне в момент брудершафта, так и не отходит ни на шаг.

Очень волнующе! Натуральная картина маслом: поле, поздние цветы, гусар, босая девушка (на шпильках тут не нагуляешься). Это одна из тех редких по своей красоте житейских сценок, которые порой подкидывает нам жизнь, и ради которых стоит жить. Молодой улан расхочется не на шутку и норовит облобызать меня в декольте. Я уворачиваюсь, и поцелуй приходится в ключицу. Что ж, и в этом тоже что-то есть.

Заметив такие гусарские вольности, подвыпивший Мишель в сердцах за что-то дергает — и внезапно пушка дает оглушительный залп. К счастью, рядом никого нет. Но Гошик был прав: окажись он тут, Мишель пальнул бы именно в него.

Я решаю увести своего неуравновешенного фотокорреспондента подальше от боевых орудий. Улану приходится дать отставку.

Я нежно протираю разгоряченное лицо Мишеля кубиком льда из призовой сумки-холодильника, и мой напарник слегка добреет.

— Слушай, дорогой, — ласково обращаюсь я к нему, — может, теперь пойдем навестим генералитет?

— До Кутузова хочешь докопаться?

— Нет, до Наполеона. Всю жизнь мечтала познакомиться лично! Сколько славного народу мужского пола испортил комплекс его имени!

— Смотри, как бы он не угнал твой «Вог»! Маленькие любят все большое.

Смешно, но Мишель оказывается прав! Первым делом после знакомства Наполеон просит разрешения осмотреть наш «Рейнджровер», заявив, что это машина его мечты.

Я хихикаю. Мишель пожимает плечами. Все логично. Наполеон маленький, но амбициозный.

Все-таки мы молодцы! Подготовились на славу: у нас еще полный багажник шампанского, пива и закусок. Все напитки — ледяные, спасибо сумке-холодильнику от пивоварни «Корона»! На жаре от такого искушения устоять не может никто. Даже сам Наполеон.

Следующий фуршет на траве мы посвящаем французскому полководцу и его ближайшему окружению. Стелим гвардейский мундир на лужайке у ручья и приглашаем на шампанское Наполеона и его адъютантов.

Закуску в виде гигантских и пачкающихся сэндвичей с семгой, грудинкой, плавленым сыром, огурцами, помидорами, кетчупом и майонезом мы таскаем прямо из распахнутого багажника «моего» джипа. Этих монстров я сооружаю собственноручно — пытаюсь прочувствовать мироощущение маркитантки, воюющей при помощи походной кухни. Зато, благодаря моей бурной деятельности, теперь все неприятельские генералы с ног до головы в майонезе и кетчупе. По-моему, я заслуживаю боевую награду!

— Пусть эти пятна останутся самыми страшными ранениями, когда-либо нанесенными нам женской рукой! — высокопарно извиняет меня Бонапарт.

Французы хвастаются, что стирают исподнее в ручье ниже по течению — занимает шесть секунд и не требует никакого «Персила».

Тем временем палящее весь день солнце клонится к закату, и вечер начинает быть томным. Уже тянет дымком от походных костров, а неподалеку улан Ее Величества варит в походном котелке солдатскую кашу.

— У каждого Наполеона должна быть своя Жозефина, — философствует наш венценосный собутыльник. Мы уже знаем, что на самом деле он доктор исторических наук из Питера. — Исход любого мужского противостояния

всегда в нежных женских руках. И чем нежнее эти руки, тем сильнее ваш мужчина.

Мне почему-то становится очень хорошо. Хотя шампанского я принимаю ровно один бокал — вернее, пластиковый стакан — в надежде, что до отъезда он из меня выветрится. Я законопослушна, да и за «Рейнджровер» отвечаю головой. Но драйва во мне — на целый ящик гусарского напитка! Боюсь, что в столь куртуазной атмосфере окажусь готова гусарить хоть до самого утра! Я вольготно возлежу прямо на земле, на галантно предложенном мне генеральском плаще, и люблюсь закатом. Прямо как князь Андрей — небом Аустерлица.

И в этот живописный момент прямо на поле брани въезжает ... машина моего мужа, и из нее появляется Стас собственной персоной! Очевидно, супруга все же одолело любопытство, в качестве кого я могла быть мобилизована на Бородинскую битву? И он решил своими глазами увидеть мою историческую роль в легендарном сражении.

Стас приближается к месту нашего пикника и в гробовом молчании уставляется на происходящее. Некоторое время длится немая сцена. Наконец, видимо, оценив по достоинству диспозицию сил и дислокацию противника, мой супруг сквозь зубы резюмирует:

— Что ж, размах вечеринки — поистине наполеоновский! Наполеоновские запасы спиртного в багажнике наполеоновского же размера. И даже сам Наполеон в наличии. Бон суар, месье, простите, что нарушил идиллию! — Стас зачем-то берет под козырек.

Затем отзывает меня в сторону и зло шипит:

— Ты совсем чокнулась! Ты водишь автобус с продовольствием для солдат, — муж презрительно тыкает в джип моей мечты. — Впрочем, все правильно: в маркитантском обозе с потными вояками — твое самое место! Позор: моя жена лежит здесь в грязи, среди какой-то швали...

— Где ты видишь шваль? — огрызаюсь я. — Ты когда-нибудь пил с Наполеоном? Нет? Вот и молчи.

— Не смею больше тебе мешать! — разъяренный Стас разворачивается ко мне спиной, и через минуту его машина, взяв резкий разворот, с перегазовкой и столбами пыли уносится с поля прочь.

— Ты расстроилась? — заботливо осведомляется ошарашенный этой сценой Мишель.

— Нет. Но, боюсь, как бы Бородино не стало финальной точкой в моих семейных баталиях.

Через некоторое время наш Наполеон окончательно назюзюкивается и частично утрачивает свое историческое величие. Мы провожаем его в штаб французского командования. Туда же сгружаем уцелевшую упаковку пива

«Корона». Чтобы завтра с утра неприятельский полководец мог вернуть себе боевой дух.

Мы тоже собираемся в обратный путь. Все гусарские баллады о роли женских прелестей в мужских игрищах я уже приняла к сведению. Пора и честь знать. Мы с Мишелем благодарим всех, с кем успели познакомиться, желаем дальнейших тактических и стратегических успехов и раскланиваемся.

Едва добравшись до дома, сажусь за исторические труды на тему войны 1812 года. Прежде чем написать хоть слово, надо досконально изучить предмет — так говорит мой главред, а я благодарная ученица. Последний раз ходом боевых схваток с Наполеоном я интересовалась в средней школе. И если бы, благодаря ЖП, мне не довелось выпить лично с месье Бонапартом, наверняка не поинтересовалась бы больше никогда в жизни... Но и теперь я не уверена, что меня это увлечет — не люблю войны, какими бы исторически они ни были. «Ладно, начну читать, а там как дело пойдет!» — обещаю сама себе, погружаясь в гусарское былое. А что эпоха затянула меня не на шутку, понимаю только когда в окна брезжит рассвет. Я тру уставшие глаза, заглядываю в комнату, где спит обиженный муж, понимаю, что поспать мне удастся от силы часа три — и вдруг думаю такую простую, но такую счастливую, согревающую и придающую сил мысль — боже, какая же интересная, разнообразная и познавательная у меня работа!

Злата Ната

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Когда моему единственному наследнику исполнилось тринадцать, по старому обычаю нашего рода Королей, я взял его на охоту, чтобы он убил первого в своей жизни оленя. По пути я вспоминал, как непросто нам достался сын.

Супруга, от природы здоровая женщина, ребёнка почему-то носила плохо. Её постоянно тошнило, была угроза выкидыша, и все семь месяцев беременности она пролежала на сохранении. Жене сделали кесарево сечение, мальчик родился недоношенным. Тогда нам было по двадцать пять, мы окончили институт и успели встать на ноги. Сына назвали Богдан — «дитя, данное Богом».

В детстве он часто болел, ухаживали за ним бабушки и дедушки. Мы же с Людой круглыми сутками пропадали на работе. Жена была судьей, а я — прокурором.

Людмила впервые взяла больничный по уходу за ребёнком, когда Богдану было одиннадцать лет. Три дня у него держалась температура сорок. Тогда мы по-настоящему испугались, что потеряем нашего мальчика. Думали, сгорит. Я вырывался с работы пораньше и бежал домой, ставил укусовые компрессы на лоб сына и обтирал пылающее тело, сменяя на посту жену. Ребёнок метался в бреду, стонал, звал на помощь. Я успокаивал его, как мог, гладил по голове и говорил: «Сыночек, мы здесь, всё хорошо, мы с тобой! Ты обязательно поправишься!» На шестые сутки Богдану стало легче, температура упала до тридцати восьми. И уже на следующий день жена вышла на службу, передав ребёнка в заботливые руки наших родителей. На работе поступок оценили, а вот сын нам этого не простил никогда.

В тот день, вернувшись из прокуратуры домой, я вдруг почувствовал какое-то жуткое напряжение, как будто воздух в квартире наэлектризовался. Присев к мальчишке на кровать, я потрогал его лоб и радостно сказал: «Ну вот, сынок, ты уже почти здоров!» Богдан ничего не ответил и обиженно

убрал мою руку. По лицу сына пробежала тень отчуждения. Я попытался его обнять, но Богдан отпрянул от меня и с горечью произнёс: «Ты всё время, всё время на работе! Даже когда я болею! И ты, и мама!» Я опешил и стал оправдываться: «Сынок, ну что ты? Мы же недавно с тобой на охоту ездили, стреляли уток, гуляли по лесу . . . А помнишь, какой большой боровик ты нашёл?» — но сын молчал, отвернувшись к стене. Его душили горькие слёзы.

После этого разговора Богдан затаил обиду. Он перестал верить мне свои маленькие детские тайны, рассказывать, как идут дела в школе. И даже в светлый праздник Пасхи, когда мы всей нашей огромной семьёй традиционно собрались в загородном доме деда, ни с кем из родственников не поцеловался и не заговорил. В нём словно что-то надломилось, Богдан отдалился от нас. Всё время закрывался в своей комнате, откуда доносились лишь звуки пианино, и, казалось, только музыка ему близка.

Судьба Богдана была предreshена: я прокурор, мой отец прокурор, дед всю жизнь проработал прокурором. Легендарная династия прокуроров Королей! Наш род славился честностью, и все знали: хочешь разрубить гордиев узел — обратись к Королям. Как хорошо, что Бог послал мне сына! Я боялся, что будет дочка, ведь тогда жене пришлось бы рожать ещё. А врачи сказали, это опасно для её жизни. Супругу я любил и даже не представлял, что могу потерять её.

Несмотря на то, что у нас с Людмилой были прекрасные отношения, мальчик вырос нелюдимым и колючим. Богдану не хватало юношеского задора и жизнелюбия. Он ходил понурым и отстранённым. Не было в нём стержня, что тут говорить! Да и в школе сын тоже особо ни с кем не водился, рос очень замкнутым. Общался только с каким-то сиротой, чья мать, по слухам, покончила с собой. Воспитывал этого Митьку отец, но большую часть времени он ошивался у нас. Пацан был странным: тощий, похожий на привидение, вечно голодный, никогда не отказывался от добавки. Я не жалел Митьке хлеба, не становился в позу из-за их дружбы, но не таких людей я прочил сыну в друзья. «Мы с Тamarой ходим парой!» — дразнили их одноклассники. Так и бродили они по школе как два отщепенца. Моё сердце обливало кровью: сын прокурорской династии Король и Привидение, сирота без роду и племени!

Так и текла наша жизнь: мы с супругой сами по себе, сын сам по себе. Учился неплохо, и слава Богу. Первый раз мы с Богданом серьёзно поссорились после того, как жена вся в слезах, громко всхлипывая, протянула мне свой телефон с загруженным видеороликом. Просмотрев его, я просто остолбенел. На видео Привидение играло на гитаре в переходе, а мой сыночек стоял рядом и держал в руках шляпу, куда случайные прохожие бросали деньги. Зрелище не для слабонервных. Сын прокурора — попрошайка! Мой мозг отказывался это воспринимать.

Я зашёл в комнату Богдана, он тихо наигрывал грустную мелодию. С размаху влепив ему подзатыльник, я спросил: «А ты не охренел наш род Королей позорить? Тебе на жизнь не хватает, что ли, выродок недоношенный?!» Сын изумлённо поднял на меня влажные глаза, открыл рот и только собирался что-то вымолвить, но тут я сорвался и сильно ударил его кулаком в лицо. Богдан упал со стула, из носа потекла кровь. В бешенстве я стал бить его ногами. В какой-то момент он прекратил подавать признаки жизни. Это меня и остановило. Я схватил его за шкуру и бросил на кровать, как щенка. Богдан заскулил от боли.

— Ну-ка отвечай! Ты зачем деньги кланчил?

— Я хотел Митьке помочь на мопед заработать! — жалобно прошептал Богдан.

— Чтобы духу этого Митьки в моём доме больше не было! — заорал я.

После этого между мной и сыном пролегла настоящая пропасть. И если с супругой он ещё хоть как-то общался, то со мной Богдан даже не здоровался. Целыми днями не выходил из своей комнаты, стал затворником, сильно исхудал и осунулся, на нём лица не было. Словно обречённый узник замка Иф. . .

Мы с женой старались дать сыну всё самое лучшее, не жалели никаких денег, но Богдана кроме музыки по-настоящему больше ничего не интересовало. Мы проявили понимание и отдали его в музыкальную школу, куда он с огромным удовольствием бежал после уроков. И каково же было моё удивление, когда однажды позвонил преподаватель и сказал:

— Виктор Викторович, вечер добрый! Богдан дома?

— Как дома?.. Он с Вами в это время должен заниматься!

— Да он второй месяц на сольфеджио не ходит! Раньше хоть иногда появлялся, а сейчас вообще пропал. . .

— Хорошо. . . Я с ним поговорю! — в замешательстве сказал я и повесил трубку.

Когда сын вернулся якобы с уроков музыки, я спокойно подошёл к нему, обнял за плечи и сказал:

— Давай поговорим, Богдан.

Парень послушно пошёл за мной в кабинет. Мы сели друг напротив друга. В массивном зелёном кресле с дубовыми подлокотниками сын будто медленно проваливался в болото. Головы он не поднимал. «Как загнанный олень», — невольно пронеслось в моём мозгу.

— Мне звонили из музыкальной школы. . . — начал я. — Что-нибудь скажешь по этому поводу? Куда ты ходил вместо уроков?

Богдан посмотрел на меня своими большими глазами.

— Был где, спрашиваю? Чем занимался? Скажи мне правду!

— Мы с Митькой просто гуляли!

— И всё?

— Ну... Курили иногда... — признался сын.

— Только сигареты?

Богдан ещё глубже погрузился в болото кресла и промолчал. У меня переохло во рту, тело окаменело. Мой сын — укурок?! Какой кошмар!

— Как же так получилось? Сыночек, я стараюсь быть хорошим отцом! Если что не так, прости... Ведь я люблю тебя... — говорил я сам не свой. Слова опережали мысли.

— И я люблю тебя, папа! — ответил Богдан дрожащим голосом и заплакался, как маленький.

Я подошёл к ребёнку и стал гладить его по голове, приговаривая: «Ну-ну, не плачь, сынок, всё будет хорошо! На следующие выходные мы поедem в лес, убьёшь своего первого оленя, станешь настоящим мужчиной!» Я надеялся, что охота снова сблизит нас.

Мы с двумя братьями, отцом и дедом всегда охотились в Чериковском лесном хозяйстве, что примерно в ста километрах от Могилёва. Место красоты необыкновенной! Сосновые и смешанные леса, в которых водятся косули и кабаны, волки и лисы, зайцы и, конечно же, любимая добыча ценителей — благородные олени. Лесничество славилось не только отменной охотой, но и отличной рыбной ловлей. Ведь там недалеко друг от друга текут четыре реки — Сож, Удога, Лобчанка и Волчас. За нами в этих угодьях был закреплён домик. Он так и назывался — домик Королей, в нём висели наши лучшие трофеи. Шёл сентябрь, и старый друг семьи, егерь Степан Иванович, ждал нас на оленя.

Я и раньше брал сына с собой на охоту, но ему удавалось подстрелить лишь пару уток. По дороге я вспоминал, как мальчишкой трепетал в засаде, когда мы с отцом караулили злого кабана... Я отчётливо слышал зов предков, чувствовал, как просыпается генная память всех дедов и пращуров, а в крови закипает первобытный инстинкт охотника. Непередаваемое ощущение, когда человек остаётся один на один с природой и побеждает её.

На второй день охоты егерь напал на след оленя. Свора поджарых сеттеров была готова пуститься в погоню, стоял непрерывный громкий лай. Все шестеро мужчин нашего рода с ружьями наперевес расположились на опушке напротив. Спустив собак, загонщики погнаli зверя на нас. Земля под ногами вибрировала, трещали ветки. Олень приближался. Кровь в венах учащённо пульсировала, вбрасывая адреналин, возбуждая каждую клетку моего естества. Сумасшедший азарт!

Через какое-то время зверь был так близко, что я мог видеть его глаза. Скажу вам честно, не каждый может убить оленя, особенно когда он смотрит

прямо на тебя. Взгляд у него грустный, осмысленный, не зря это животное зовётся благородным. Я повернулся к Богдану и сказал: «Сынок, стреляй в шею! Помнишь?»

Но Богдан бросил «Сайгу» и пустился наутёк. В ту же секунду грянуло пять выстрелов, олень упал замертво прямо к нашим ногам.

Наступил вечер. На вертеле жарилась только что освежёванная туша животного, а в казане готовилась его печень. В углях запекалась картошечка, жарился шашлык из помидоров, баклажанов и лука. Прямо у костра мы поставили круглый деревянный стол. Царила тёплая семейная атмосфера. Только Богдана не было с нами, он прятался в домике. Я налил себе красного вина и обратился к деду, старшему Королю рода:

— Федор Поликарпович, ты всё сегодня сам видел! Прошу совета. Помогите!

— Да уж, видел... Зови сюда своего Богом данного. Будем что-то решать!

Я пошёл за сыном. Он лежал ничком на кровати. Ласково потрепав его по волосам, сказал:

— Пойдем, ужин готов!

Богдан нехотя поплёлся за мной.

Егерь разложил мясо по тарелкам. Картошку, зелень, овощи и печень он поставил в центр стола и всем разлил вина в глиняные кружки. Дед произнёс тост:

— Ну что, за удачную охоту!

Все чокнулись и крикнули: «Ура! Ура! Ура!» Выпив, мы с аппетитом наинулись на добычу и стали поедать её руками. Олень удался на славу! Был сочным и прожаренным, а печень просто таяла во рту.

— Внучек, а ты что же мяса не ешь? — поинтересовался отец.

Мальчик ковырял вилок картошку и помидоры, размышляя о чем-то своём, и ничего не ответил.

Тогда я спросил у него:

— Почему ты так и не выстрелил в оленя, сынок? Что тебя остановило, скажи мне?

— Потому что я увидел его глаза, папа, они как у человека. Ну не могу я убить такое существо!

— А как же ты в уток стрелял?

— Мне и уток жалко было, но они безмозглые. А у оленя такой умный взгляд... Он был таким красивым! Раньше люди убивали для пропитания, а сейчас — ради забавы!

— Сынок, это простые люди убивали для пропитания, а знать всегда охотилась ради развлечения. Поэтому такая охота и называлась королевской!

— Я никогда не смогу забыть, как этот олень смотрел на меня! Это подло — стрелять в животное, когда оно в страхе бежит от собак! Вот выйди против него с голыми руками, папа, тогда и посмотрим, кто кого!

... Мой единственный сын, наследник рода, моя надежда и гордость! Нет, я просто обязан выбить из него эту блажь, и сделать из парня настоящего мужчину, а не сопливого философа. Жена и та со мной на оленя ходила, боевая баба! И в кого он только таким уродился? Ума не приложу...

Дед расправился с огромным куском оленины и спросил:

— Работать кем собираешься, неженка?

Мальчик потупил взор и ответил:

— Пианистом, я музыку люблю.

— Это на рояле тренькать, что ли? — громко рассмеялся старший в роду и отхлебнул вина.

— Не тренькать, а играть, мелодии сами рождаются внутри меня!

— Ты это брось! Мужик должен быть мужиком! Уметь охотиться, за семью постоять, людей рассудить. На то он и мужик, а не баба!

Богдан встал из-за стола и молча ушёл в дом. Повисла неловкая пауза.

Я развёл руками и сказал:

— Не знаю, где я его упустил!

На этом семейном совете единогласно было принято решение отдать Богдана в секцию рукопашного боя и начать готовить его к поступлению на юридический факультет Минского государственного университета, который в своё время с отличием окончили и мой отец, и братья, и я. Разделавшись с мясом и изрядно захмелев, мы сели в круг у костра. Дед ходил за Богданом, и они вернулись с гитарой. Пламя отплясывало свой адский танец, выплёвывая в темноту кроваво-красные искры. От огня шло тепло, которое согревало наши Души, и верилось — всё будет хорошо. Мы смеялись, вспоминали какие-то старые истории, пели песни, и я подумал: «Как же мне повезло с семьёй! Я счастлив быть звеном такого рода!» Братья, как ни старались, смогли произвести на свет лишь дочерей. Мой мальчик — единственный наследник и продолжатель фамилии Король.

... Все легли спать под утро. На следующий день, в воскресенье вечером, мы вернулись домой.

После охоты я посмотрел на Богдана другими глазами и понял: он уже не ребёнок. У него сложилось своё мировоззрение, которое сильно отличалось от моего. Я решил ломать пацана, пока не поздно. Пианино вывезли к бабушке, чтобы он о нём забыл. Наняли репетиторов по математике и русскому языку. Учился Богдан хорошо, но без страсти. Три раза в неделю по вечерам ходил на рукопашку. Я был уверен, это закалит его мужской дух.

Прошло больше года. И вот однажды утром на работе раздался звонок, сухой и казённый голос в трубке сообщил, что Богдан находится в местном отделении милиции. Мы с женой тут же примчались в участок. Выяснилось, что у сына нашли десятку гашиша на кармане. Внутри всё оборвалось, жена

разрыдалась, я сидел в оцепенении. «Не может быть! Мой сын — барыга?! «Наркобарон» Могилёва?! Торговец смертью?! Я сам сотни раз бросал этих ублюдков за решётку, и вот, мой единственный отпрыск — туда же! Быть не может! За что мне это?! Как жить дальше?! Как спасти свою репутацию?! Как я мог это допустить?! Как замять дело?! Как избежать огласки?!» — все эти мысли со скоростью света проносились в моей голове. Перед глазами поплыло, очнулся я в больнице под капельницей.

Вопрос удалось решить. Дело повесили на нищего дружка Богдана, того самого тощего Митьку, и он укатил на малолетку. Дома я жестоко выпорол сына военным ремнём с пряжкой. Он даже не сопротивлялся. Казалось, парень находился в какой-то прострации. Упав на пол, он закрыл голову руками и ни разу не вскрикнул, хотя я избил его до крови. «Отвечай, сучёныш, где бабки брал на наркоту?! У меня по карманам тырил?!» Тот признался, что забрал деньги из секции восточных единоборств, а к репетиторам ходил через раз. На это они с другом и банковали. Не хватало ещё, чтобы посадили дурака! Мой сын не станет позором для нашего славного рода Королей — я этого просто не допущу!

Прошло пару лет. На единоборствах мы не настаивали, репетиторов приглашали на дом, я всё контролировал лично. Пианино вернули, но Богдан к инструменту больше так и не притронулся. Жил как квартирант, с нами почти не разговаривал — не мог простить, что заставили его написать на дружка. У него бывали резкие перепады настроения: от внезапной эйфории до глубокой депрессии. Мы с женой проверяли руки, не колется ли он втихаря, но вены были чистыми. И только когда в доме начали исчезать вещи, я понял — пришла беда.

Сначала я обнаружил пропажу перьевой ручки Montblanc с бриллиантами. Искал её по всему кабинету, мысленно кляня домработницу, но сердце уже подтачивала тревога. В другой раз я открыл стеклянный шкаф, чтобы взять набор ручек Parker и совершенно случайно бросил взгляд на свою коллекцию кинжалов, как вдруг заметил, что одного из них нет, самого дорогого, с рубинами. Руки похолодели. Я молнией бросился в комнату Богдана. Он как обычно лежал на кровати, слушал музыку и смотрел в потолок.

Сорвав с него наушники, я спросил, не знает ли он случайно, где мой кинжал. Богдан промычал что-то невразумительное. Меня захлестнула волна ненависти. Я с остервенением накинулся на сына, стал хаотично колотить его по всему телу. Но тут шакалёнок показал мне зубы: ударил в челюсть так, что я отлетел в другой конец комнаты. Богдан стянул с себя штаны и, брызгая слюной, заорал:

— На! Смотри! Вот где твой кинжал! Доволен?!

В паху у сына, как два огромных рубина, атели жуткие кровоподтёки. Всё это время он колотся.

Боже, ему всего шестнадцать, а жизнь потеряна! От бессилия я рухнул перед сыном на колени. Рыдания сдавливали грудь, я произнёс, задыхаясь: «Прости, наверное, мы с матерью сами виноваты — всё время работали, но это было ради тебя, сынок, всё ради тебя! Пообещай бросить наркоту! Пообещай, что пролечишься! Отправим тебя в лучшую клинику, там придёшь в себя. Богдан, я тебя умоляю, послушай меня! Ты же мой единственный сын, Богом данный!» — я обнял его за ноги и завыл. Сын стоял неподвижно.

Мы послали парня в анонимный реабилитационный центр для наркоманов в Швейцарию. Я всем соврал, что Богдан поехал учить языки и развеяться за границу. Возлагал большие надежды на смену обстановки и профессионализм зарубежных врачей, ведь медицина знает немало положительных случаев избавления от пагубной зависимости. Плюс работа психологов и свежий горный воздух. Жену словно кто-то подменил: она состарилась в считанные дни, с работы ушла, все разговоры были только о Богдане. Стала по церквям бегать, молебны заказывать, службы выстаивать. Дом превратила в храм: повсюду иконы, свечи, Библии, святая вода. Наши отношения разладились, ночи напролёт она стояла на коленях перед образами. О близости и речи не шло, мы жили как в трансе. Моя Душа онемела, ничего не радовало. Я хотел лишь одного — чтобы сын жил.

Из клиники Богдан вернулся румяным, окрепшим, и в нас затеплилась надежда. В доме снова поселилась радость, напоминая те безмятежные времена, когда он был совсем ещё маленьким. По субботам мы всей семьёй плавали в бассейне и парились в бане, по воскресеньям я играл с ним в футбол. Но сына хватило ненадолго. Он снова оказался в плену глубочайшей депрессии. Могилёв действовал на него удручающе и, словно спрут, медленно высасывал кровь.

Бить пробовали. Лечить пробовали. Экстрасенсов, магов, колдунов, гипноз — всё перепробовали. Бесполезно. Руки опускались. «Господи, забери лучше меня, оставь жить сына! Он ведь ещё так молод!» — взмолился я.

Весной Богдан окончил десятый класс и неожиданно для нас захотел летом пожить на даче. Мы с женой не раздумывая схватились за эту идею: рядом Днепр, свежий воздух, большой сад, за речкой огромный лес, где когда-то он так и не смог выстрелить в оленя... Может, девочку себе найдёт, посёлок элитный, родители у всех приличные. Влюбится, женится и забудет эту гадость...

В июне я отвез супругу с сыном на дачу. Всё шло хорошо, каждый свободный день я мчался к семье, удавалось и порыбачить, и пострелять дичь. В Душе поселилась вера, прошлое казалось дурным сном. Неужели Господь наконец услышал наши с женой молитвы, и мальчик будет жить?

Шёл конец августа, пора было возвращаться в город и готовиться к учёбе, выпускной класс как-никак. Богдан решил поступать на филологический факультет — он всегда любил с книжечкой поваляться. «Будет переводчиком с английского. В университете образумится и морально окрепнет, а как закончит — отправлю в Штаты работать от греха подальше. Там знакомые есть, пристроят в какую-нибудь редакцию, пусть стишки переводит», — крутилось в голове, пока я рыбачил на озере.

Домой я принёс целое ведро карасей. На крыльце меня встретила жена в юбке в пол и в платке, который покрывал её рано поседевшую голову. «Старуха! Даже не верится!» — промелькнула мысль. Она принялась чистить рыбу, я сел попить чаю.

— А где Богдан?

— Да в ванной уже час сидит, купается, наверное, — ответила жена.

Я машинально сделал ещё пару глотков, и вскочил, опрокинув чашку. Подбежал к двери, стал дубасить по ней кулаками, кричать: «Богдан!» А нука открывай!» В ответ — тишина. Я выбил дверь. Сын лежал голый на полу в позе эмбриона, рядом валялся пустой шприц. Богдан был весь белый, глаза закатились. Я заорал: «Люда! Скорую!» Но тут сын задёргался, изо рта пошла пена. Мы с женой положили его в ванну и включили ледяную воду. Мальчик еле пришёл в себя.

Следующим утром, пока жена паковала вещи, я предложил Богдану поохотиться. «Идём! Уток постреляем!» — скомандовал я. Сын молча перекинул сайгу через плечо и покорно направился в сторону леса. Под ногами крутилась наша белая лайка Васса. Богдан шагал чуть впереди. Когда мы забрели довольно далеко, я тихо произнёс:

— Ну, вот мы и пришли, сынок. Повернись, попрощаемся!

Он безропотно повернулся и спокойно сказал:

— Прости меня, отец!

— И ты меня прости! — ответил я и нажал на курок.

Алина Делисс

МИЛЛИОН ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ

(отрывок из книги «86400 секунд счастья»)

На эту вечеринку Полина идти не хотела, зная, что брюнет тоже был приглашен. Ей все труднее было встречаться с ним, играя на публику свою расслабленность и уверенность, раздавая направо и налево улыбки, шутя и веселясь, заигрывая с мужчинами, обсуждая последние новости с женщинами и выглядя при этом естественной и довольной жизнью. Ведь на самом деле все ее мысли и чувства притягивались им, словно он был черной дырой, засасывающей в себя все живое. И когда он был рядом, ее сердце болело так сильно, что она даже испугалась за свое здоровье.

После одной из таких встреч она отправилась к врачу, который, сняв кардиограмму, только пожал плечами. А потом, прозорливо посмотрев ей в глаза, заметил, что сердечные переживания не всегда по части кардиологии. А в любовной науке он, увы, совсем не сведущ. Врач был добродушным стариком, называвшим всех женщин «дорогими» и «милыми», и Полине почему-то было рядом с ним приятно и спокойно.

— Знаете, доктор, мне часто кажется, что в Москве вообще нет любви, — сказала Полина, застегивая блузку. — Люди здесь только изображают: влюбленность, привязанность, страсть, женщины имитируют оргазм, а мужчины — любовь. Они притворяются счастливыми, но на самом деле глубоко несчастны.

Врач, спустив очки на нос, с интересом посмотрел на нее:

— Знаете, дорогая, ко мне часто приходят молодые люди, мужчины и женщины, мучающиеся болями в груди. Они так страдают, что на стену лезут от боли. И по всем признакам я должен бы диагностировать у них как минимум обширный инфаркт. Но их кардиограммы, как и ваша, вполне себе хороши.

— Что же их мучает? — заинтересовано спросила Полина.

— Одиночество, милая. Оно разъедает их сердца, как черви яблоко.

Помолчав, Полина спросила:

— А вы женаты, доктор?

— А как же!

Он показал ей фотографию на столе, на которой улыбалась красивая молодая женщина. Полина недоуменно посмотрела на доктора, которому было уже к семидесяти.

— Это ваша жена? Такая молодая? — Она не скрывала удивления.

Старик заразительно засмеялся:

— Это моя жена сорок лет назад, когда мы с ней поженились. Я ее очень любил. И сейчас люблю. И хотя она уже седая и старая, как и я, для меня она молодая и красивая, такая, какой была раньше. Потому что, милая, люди стареют не внешне, а сердцем. Это я вам как кардиолог ответственно заявляю. Бывает, приходят ко мне молодые, а сердцем старики. А бывает что старые с виду, а сердцем молодые.

— Как вы, дорогой доктор, — с восхищением сказала Полина.

Старик, улыбнувшись, стеснительно промолчал. А вместо прощания пожелал:

— Берегите свое молодое сердце, милая. И не давайте ему стареть.

— Обещаю оставаться молодой! — шутливо подняв руку, поклялась Полина. И чмокнула доктора в щеку.

Что ж, ей предстояла новая встреча с любимым мужчиной, и нужно было быть во всеоружии. Полина вернулась домой после салона красоты и, пробыв в гардеробной комнате несколько часов, долго выбирала подходящее платье. У нее был целый шкаф красных платьев, всех оттенков и фасонов, от коротких, едва скрывающих ногу, до длинных, в пол, для особо торжественных случаев, от кумачовых, словно знамя, до цвета давленной клубники, от бордо до алого, от кораллового до багряного. Полина примеряла каждое и со смехом думала, что ей пора уже открывать музей красного платья. В конце концов, она остановилась на алом, в обтяжку, чуть ниже колен. В нем она выглядела совсем девчонкой, несмотря на то что не за горами маячило сорокалетие, а слова кардиолога о молодых и старых сердцах все никак не шли у нее из головы. Да, она решила, что в этот вечер она хочет затмить своей молодостью юных девушек. Полина надела шпильки с тонким тонким каблучком, подумав, что этими шпильками пронзила немало мужских сердец. Кроме сердца того единственного, чьи поцелуи горели на ее губах так ощутимо, как будто прошла минута, не больше, а не целых одиннадцать лет ее жизни. Одиннадцать лет, которые она жила им одним.

Вечеринка проходила в центральном парке, в кафе у пруда, спрятанном от посторонних глаз в глубине деревьев, за густыми ивами. Под белыми зонтиками стояли плетеные кресла и низкие столики, вокруг был высажен можжевельник, барбарис и кусты роз, в вазах стояли пальмы и фикусы. Приглашенные музыканты играли легкий, ненавязчивый джаз. Здесь терялось ощущение времени и места, и всем гостям кафе казалось, что они переместились из Москвы в какой-то затерянный в безвременье райский уголок. Вечеринку устраивала супруга банковского управляющего, шестидесятилетняя женщина с бронзовой загорелой кожей и очередной подтяжкой лица. Она упорно боролась со своим возрастом, но, как и все женщины, все равно в этой битве проигрывала. Из-за частых пластических операций у нее была странная мимика, а лицо старело неестественно, так что она была совершенно не похожа на собственные фотографии двадцатилетней давности. Но, несмотря на патологическую заботу о внешности, она была славной женщиной и безумно любила шумные компании. Ее супруг не жалел денег на вечеринки своей жены, на которых всегда собирались самые разные люди, богатые и бедные, знаменитые и никому не известные, умные и глупые, интересные и не очень. На этих встречах всегда было много музыки, много вина, много разговоров и много новых знакомств. Последнее особенно привлекало Полину, которая любила знакомства с новыми людьми.

Когда она приехала, гости уже собрались, свободно прогуливались вокруг пруда или сидели за столиками, а хозяйка вечера порхала между пришедшими, умело подхватывая разговоры и знакомя всех с новыми гостями. Жена банкира расцеловалась с Полиной и побежала на кухню, чтобы узнать, почему до сих пор не вынесли закуски.

В центре пруда, к которому вели ступеньки, был домик для птиц, белый, с коричневой крышей. Рассекая гладь, плавала пара белых длинношеих лебедей, и дети, стоявшие у кромки воды, кормили их хлебом.

— Лебеди живут парами, — сказала Полина, задумчиво потягивая вино. — Когда один лебедь умирает, второй сходит с ума от тоски и морит себя голодом, не в силах жить без любви.

— Совсем как люди, — вздохнула стоявшая рядом женщина, жена какого-то чиновника, как шепнула Полине на ухо устроительница вечеринки.

Но Полина покачала головой:

— Лебеди без любви умирают. А люди — нет. Точнее, им так кажется. Они живут, развлекаются, зарабатывают и тратят деньги, пытаются не замечать пустоту в груди. Обзаводятся семьей или проживают жизнь, все время меняя партнеров, и так никогда и не испытывают настоящего чувства. Настоящей любви.

Жена чиновника раскрыла рот, глотая воздух, и стала похожей на глупую рыбу. Ее чем-то разозлили ее слова, но чем? — Полина не понимала. Вроде бы она не сказала ничего, что та могла бы принять на свой счет.

— Чуть! — наконец-то нашлась она, что ответить.

Полина удивилась, пожав плечами. Но тут догадалась, почему так разозлилась женщина. К ним, довольно улыбаясь, походкой вразвалочку направлялся сам чиновник, в котором Полина узнала сотрудника правительства, изредка мелькавшего на центральных каналах. Он был грузный, одышливый, хотя и не старый мужчина, судя по фигуре много евший, а судя по красному лицу — много пивший. Наверное, это единственные удовольствия, которые он мог себе позволить в жизни. Обернувшись на мужа, жена чиновника перехватила взгляд Полины и разозлилась еще больше, как будто певица разгадала тайну ее расчетливого и несчастливого брака.

— Девочки, как настроение? — спросил чиновник, улыбаясь.

— Прекрасно! — вспыхнула его жена и, развернувшись на каблучках, отправилась к пруду, кормить лебедей.

Полина смущенно посмотрела на растерявшегося чиновника, который, видимо, привык к тому, что жена все время недовольна, и виновато втянул голову в плечи:

— Я помешал?

Полина покачала головой.

— Я что-то не то сказал?

Заглянув в его погрустневшие глаза, Полина почувствовала жалость к нему. Видимо, неудачная семейная жизнь оставляла отпечаток на всем, проступая в его взгляде побитой собаки и понурых плечах.

— Мы говорили о любви, — осторожно сказала Полина. — И наши взгляды оказались совершенно противоположными.

К ним присоединилась хозяйка вечера и, услышав последнюю фразу, всплеснула руками:

— Полина, дорогая, как можно спорить о любви? Разве на этот счет у всех не одинаковое мнение?

Полина улыбнулась, сделав глоток вина. К ним подошел ее старый знакомый, продюсер:

— Я не знаю, о чем вы тут говорите, но тоже хочу вставить слово.

Женщины засмеялись.

— А слово мое такое. — Продюсер поцеловал руку хозяйке, чмокнул в щеку Полину и продолжил: — Все люди хотят одного — любви вечной, взаимной и счастливой.

— Какое глубокомысленное изречение! — сыронизировал чиновник. — Сами бы мы, конечно, не додумались до такого.

В этот момент Полина увидела, как по ступенькам, от пруда с лебедями, поднимается брюнет. «Моя вечная, взаимная и счастливая», — с грустью подумала она, чувствуя, как по ее щеке рассыпаются мурашки, будто он целует ее мелкими поцелуями. Брюнет был, как всегда хорош, в кажущейся небрежности костюма на самом деле проглядывались тщательная продуманность и хороший вкус. Он был в летнем сером костюме в едва заметную клетку, с одной пуговицей на животе и укороченными рукавами. Замшевые туфли были надеты на голые ноги, и Полина в который раз подумала, что он умел быть идеальным до кончиков ногтей, этот знойный красавец. Годы его не портили, только добавляли какой-то умудренности и печали, еще сильнее волновавшей ее. Она смотрела за ним краем глаза, так, чтобы он этого не заметил, и со стороны казалось, что Полина внимательно слушает, что говорят ее собеседники.

Между тем вокруг нее уже собралась компания, к разговору присоединились и другие гости, и, очнувшись, Полина услышала, что все оживленно спорят о любви.

— Полина, а ты чего молчишь? — спросил ее продюсер.

Все повернулись к ней.

— Ты говорил о вечной, счастливой и взаимной любви, — напомнила она ему его слова. — Так вот, вечной, взаимной и счастливой не бывает в природе.

— Как же так! — капризно вытянула трубочкой губы какая-то девушка. — Как же не бывает!

Полина увидела, как брюнет остановился позади нее, и, почувствовав какое-то странное тепло, разлившееся по спине, ощутила, что он совсем рядом. Она осторожно, как будто небрежно, обернулась и обнаружила, что он находится прямо за ней, но стоит, отвернувшись от нее к своим собеседникам, спиной к спине Полины.

— Представьте пирамиду с тремя сторонами. Представили? Пусть одна сторона будет счастьем, вторая — взаимностью, третья — вечностью. А теперь попробуйте удержать перед собой пирамиду так, чтобы одновременно видеть все три грани. Как ни старайтесь, не получится. Максимум, что вы можете, это видеть одну грань или две, но по половине.

За спиной громко хмыкнули, и она едва не запнулась.

— Так и чувства. Если вы выбираете любовь счастливую и взаимную, то вечную можете вычеркнуть. Взаимное счастье может длиться недолго, со временем и счастье и взаимность будут ослабевать, пока чувство не умрет. Выбираете вечную и взаимную? Забудьте про счастье. Чтобы любовь длилась, не прекращаясь, придется мучиться, страдать, переживать взлеты и падения своей любви, расставаться и вновь сходить, изматываясь чувствами.

Любовь не должна застаиваться, как вода в болоте, она должна нестись стремительно, как река. А если хотите счастливую и вечную любовь, то придется вычеркнуть взаимность.

— Как же так? — недоумевала хозяйка вечера.

— Очень просто, — грустно улыбнулась Полина, и ее сердце билось так сильно, что ей мерещилось, будто все слышат его стук. — Можно пронести свою любовь через всю жизнь, можно любить одного-единственного мужчину и быть счастливой от того, что тебя переполняет это великое чувство. И при этом не испытывать взаимности.

— Так не бывает, — покачал головой продюсер. — Полина, это что-то из дамских книжек.

Но она только пожала плечами. В конце концов, как можно поделиться чувствами с теми, кто таких чувств не испытывал? О любви написаны миллионы книг, миллиарды стихов, спеты триллионы песен. И все же людям, произносящим слово «любовь» по сто раз на дню, по поводу и без, все равно трудно говорить об этом чувстве и, самое главное, нелегко его испытать.

И вдруг она услышала, как за ее спиной начался другой разговор. Брюнет своим вкрадчивым, бархатистым голосом, как ни в чем не бывало, сказал почти что ее словами:

— Да, любовь может быть либо вечной, либо взаимной. Что ни говори, отношения убивают чувства и любовь. Мужчина и женщина — как земля и солнце. Пока на расстоянии, им хорошо, земля вращается вокруг солнца, а оно ее согревает и освещает. Но как только они сойдутся — все, взрыв, ночь, смерть. Чтобы любить, нужно оставаться на расстоянии.

Гости, собравшиеся вокруг него, стали спорить. Мужчины поддерживали, женщины отстаивали отношения и семейные ценности.

Тогда Полина, подхватив беседу, обратилась к своим собеседникам:

— Впрочем, любовь бывает разная, согласитесь. Так уж получилось, что одним словом мы называем и любовь к сладким десертам, и любовь к детям, и любовь к родителям, и безумную, изматывающую любовь-страсть, и тихую, семейную любовь-счастье, и быструю любовь-интрижку, которая дарит мужчине и женщине легкое, ничем не обязывающее развлечение, и любовь к морю, и любовь к хорошему вину, и еще сотни разных любовей... Может, просто из-за бедности нашего языка мы путаем понятия, путаем себя и своих возлюбленных? Может, если бы у каждой любви было особое название, мы бы перестали морочить друг другу голову?

— Ох, а я люблю умных женщин! — поднял бокал один из мужчин, предлагая выпить за Полину.

— Знаешь, Полиночка, ты права, все дело в словах, — поддержала ее хозяйка вечера. — Вот на турецком языке для слова «капля» есть несколько

значений. Например, «дамла» — это капля, уже упавшая на землю. А «сибель» — это капля в полете. Это мне один турок рассказал, — мечтательно протянула женщина и, спохватившись, покосилась на супруга, стоявшего вдалеке со своими друзьями.

В этот момент подошли официанты, разносившие закуски на широких подносах, и Полина отступила на шаг, пропуская одного из них. Но тут же и брюнет, видимо, сделал то же самое, так что на мгновение они сомкнулись спинами, и она почувствовала, как ее обожгло его прикосновением. «Мои чувства к тебе — это «сибель», капля в полете, еще не прикоснувшаяся к земле, а твои ко мне — «дамла», — подумала Полина. Но не отступила. Да и он продолжал стоять, так что они подпирали друг друга и, наверное, довольно забавно смотрелись со стороны. Но никто из гостей этого, похоже, не замечал.

— Ой, это как любовь Наташи Ростовской, — радостно вставил слово чиновник. — Любовь к Болконскому — это одно чувство, а семейное счастье с Безуховым — это, как говорится, совсем другая история.

Вокруг засмеялись тому, как он по-чиновничьи коряво интерпретировал Толстого. Но чиновник этого не заметил, а похоже, вспомнив собственную семейную жизнь, опять приуныл. Так что Полине захотелось подбодрить его.

— А вообще жизнь у нас одна, а мы ее проживаем так, будто у нас их, как у кошек, девять. Как будто у нас сейчас не жизнь, а релетиция. Тратим свое время на людей, которые нам неприятны, на жен, которые нас не любят, на мужчин, которые нами пренебрегают, на ложь в чувствах и словах, на затянувшиеся отношения, в которых есть только привычка и усталость. Кажется, что мы готовы тратить жизнь на все, кроме любви и счастья. Так не должно быть!

Она чувствовала спину брюнета, удивляясь, как мало ей самой нужно для счастья.

— А как же должно быть? — робко спросил чиновник.

— Очень просто: в жизни нужно делать то, что хочешь. Любить тех мужчин, которых любишь, говорить то, что думаешь, пить и есть сколько хочешь... — Тут она покосилась на обрюзгшую фигуру чиновника: — Но все же не злоупотреблять этим, — со смешком добавила она. — Нужно петь — если хочешь петь, спать столько, сколько хочешь спать, плакать — если слезы просятся наружу, смеяться — если смешно, целовать того, кого очень хочется поцеловать.

Виктор Черняк

ЗВОНОК ИЗ ПАРИЖА

Жора Мудров терпеть не может совещаний. Но присутствовать вынужден. Он начальник архитектурной мастерской, должен быть в курсе. Сидит вместе с другими начальниками в зале библиотеки, где в другое время проходят научные советы, коротает время на профсоюзных, партийных, квартальных, закрытых, посвященных торжественным датам или которые ни с того ни с сего. Семь начальников, парторг и профорг. Кому-то это, может, и нравится, а Жора слушает в полуха, думает о Наташке — у нее просмотр, там к ней какой-то тип клеится, кстати, надо к директору зайти — насчет Пражской quadriennale. Коллеги выступают, доказывают, запрашивают ленту для пишущей машинки, отсрочку для выпуска проекта. Бессменная Лидия Петровна стенографирует.

Неожиданно дверь приоткрывается и в читальный зал заглядывает Вика, обнаруживает Мудрова и говорит громким шепотом:

— К телефону — из Парижа.

Вика новенькая, она быстро вошла в коллектив, а из-за Жоры вообще бросила подготовительные курсы в архитектурный институт. У нее длинные ноги. Наши аспирантки измеряли. Но выиграла Нинулька из моего отдела. Кто-то предлагал учесть это достижение в соцсоревнованиях. Но профорг Лера сказала: вы с ума сошли, нас могут не так понять.

— Не вовремя, — говорит сам себе Жора с досадой, дескать, сами видите, вынужден.

С шумом, чиркнув стулом по линолеуму, и сосредоточив на себе общее внимание, он уходит — говорить с Парижем. И такое представление не сходит со сцены уже лет двадцать. Меняются только шепот и города.

Идею с телефоном из Парижа Жора застолбил, говорил надо патентовать. Другим, чтобы удрать с совещания, приходилось придумывать что-нибудь новенькое, поинтереснее или досиживать до конца, хоть до программы

«Время». Вика врет с таким серьезным видом, что другие начальники Жоре завидуют, а Марк Савченко даже выпрашивает ее у Жоры для своего отдела, обещает диван отдать.

Жора уходит и не возвращается, совещание проходит без него. Ему со всего света звонят. Откуда они там знают, когда у него совещание?

Лет через пять Вика, повзрослев, разочаровавшись в намерениях своего начальника и, заодно, потеряв надежду на высшее образование, тихо уволилась.

Мы случайно встретились с ней в книжном магазине «Москва» на Тверской. Нет, посидеть в кафе она не может, работает в иносфере, там дисциплина знаешь какая, опаздывать нельзя. После работы тоже, извини, не получится, ее начальник подвезет. Работает она кем-то вроде секретарши: чай — вам черный или зеленый, кофе — вам со сливками? Записывает телефонные звонки. Начальнику напоминает — куда, когда, зачем. Иногда бывает со своим шефом в разных странах. Как-то позвонила из Парижа, Жора засмеялся, оценил шутку, мол, девушка все еще в образе. А она в самом деле звонила из Парижа.

— Как он там? — спросила Вика, она знала, что в НИИ всем было понятно про нее и Жору, — Хотя какая теперь разница? — усмехнулась Вика. — Как вы все там поживаете? Ужасно рада тебя видеть. Она поискала что-то в своей модной сумочке, достала авторучку, фирменную, — Передай ему, — сказала она. — На память из Парижа.

ЗАВОЕВАНИЕ МОСКВЫ

Худющий Борис постригся наголо, когда это еще не стало модой, и отпустил бороду, чтобы реже ходить в парикмахерскую, денег у него не было даже на столовую. У нас общие друзья — театральные осветители, художники, молодые артисты, непризнанные сочинители, истопники, ночные сторожа. В ту ночь мы сидели в старом бараке, ожидающим своей очереди на снос, у метро «Аэропорт». В этом длинном бараке было сорок комнат, причем совершенно свободных, так как счастливые жильцы разъехались в новые пятиэтажки, можно выбрать любую. Мы выбрали угловую с печкой. Сделали огромное ложе — если поперек и опустив ноги на пол, то хоть на десятерых.

Борис сидел на табуретке, сжимая коленями ладони, и долго смотрел в раскрытую дверцу печки на огонь. Он что-то бубнил себе под нос. В радиоприемнике сквозь помехи пробивалась зарубежная музыка. В Москве Борис появился недавно, приехал, из какой-то глубинки. Ему негде жить и нечего жрать. Я по дороге купил пачку пельменей. В тот вечер мы нашли в доме бутылку «белой головки» с ободранной этикеткой, даже удивительно, как ее не допили предыдущие гости. Борис выпил, шумно подышал в тыльную

сторону ладони, втянул запах кипящих пельменей и сказал, что вчера убил человека. Что, что? Я чуть ни упал, он до крайности дошел — от него всего ждать можно. Борис был пьян, язык заплетался.

— Из-за женщины, — добавил он, проглотив слюну.

Я уставился на него. На него страшно было смотреть. В жаркой комнате стало холодно. Я плохо соображал, вернее, совсем не соображал. Ясно, что Борис сейчас слиняет, если успеет, растворится в стране, и мы больше не услышим о нем. Кстати, неужели, из-за Томки? Из-за нее любой убьет, кого хочешь. Ну, Томка! Надо ребятам позвонить, решать, что делать будем.

Борис продолжал бубнить, не замечая меня. Даже глаза стали мокрыми. Он обхватил ладонью лицо, аж нос вдавил, зачем-то ударил себя в лоб. Потом он вдруг замолк.

— Как ты думаешь, у меня есть талант? — спросил совершенно трезвый Борис.

В ту ночь этого задрипанного гения, понаехали тут, я чуть ни убил.

— Поверил? — обрадовался он. — Точно — поверил?

Все-таки я врезал ему и повалил. Мы радостно боролись на десятиместной кровати. Не знаю, чем бы закончилась наша драка, но закипевшая в кастрюле вода пролилась на раскаленную печку, зашипела.

В конце концов, Борис завоевал столицу. Его взяли в труппу молодежного театра, он сбрил бороду и сделал нормальную прическу. Потом его заметили известные режиссеры. Бориса приняли в драматический театр, он замелькал на телеэкране, появилась положительная рецензия в вечерней газете. Он снимался в кино, на него ходили. Звонить он перестал, встречаемся редко. На месте старого барака построили многоэтажный дом с мансардой и подземным гаражом. Друзья разбежались по разным дорожкам. Теперь Борис один из самых известных артистов в Москве. Однако в жизни он не устроился, с женами сильно не везло. Впрочем, сам он так не считает.

СМЕРТЬ ПОЛКОВНИКА

Криминальный труп в виде сюрприза преподнес столичным стражам порядка парк «Лосиный Остров», — так написали в газете. В тот июньский день парк был заполнен щебетаньем птиц, жужжанием насекомых, благоухали травы и перешептывались деревья.

Убитым оказался 50-летний полковник Сергей Дудко, преподаватель Военно-воздушной академии имени Гагарина.

Труп несчастного обнаружили гулявшие по парку обитатели расположенного неподалеку туберкулезного санатория. Они и сообщили в милицию.

Рассказали, что накануне около их калитки была драка: двое мужчин били третьего, а затем потащили в лес. Тело Дудко находилось в пятидесяти метрах от платформы Яуза, на полянке рядом с просекой, через которую проходит ЛЭП. Это место давно облюбовали бомжи: здесь остались кострище, поваленные для сиденья деревья, старые вещи и мусор. Дудко лежал на краю поляны лицом вниз, в одной рубашке и единственном носке. Рядом валялись брюки, пиджак, нижнее белье и удостоверение офицера (его почему-то зачихнули в ботинок). Убийцы столь поспешно снимали одежду с жертвы, что разорвали вещи полковника. Мужчину зверски избили: у несчастного были сломаны челюсти и нос, имелись множественные травмы головы.

Последний раз Дудко видели живым в экономической академии имени Плеханова в Стремянном переулке, где боевой летчик подрабатывал охранником. Он стоял у входных дверей вместе с напарником и мельком бросал взгляд на пропуска, которые студенты и преподаватели послушно предъявляли в «раскрытом виде». С некоторыми незаметно здоровался. Работу эту он ненавидел, усердия не проявлял, но — какие-никакие деньги к пенсии и зарплате.

В субботу утром он собирался ехать после суточной смены домой, в гарнизон в поселке Монино. Убит же он был, по мнению экспертов, во второй половине дня. Очевидно, зашел в лес и привлек там внимание бомжей, которые решили напасть на одинокого путника. Несчастный был убит накануне своего дня рождения. Дома его ждали жена и двое детей.

В академии имени Гагарина, ошеломленные коллеги, о Дудко отзываются как о профессионале высокого класса. Кандидат наук, доцент, во время войны в Афганистане он как летчик участвовал в разведывательных операциях. Имел много наград, в том числе и ордена. В мирное время преподавал в академии тактику разведывательной авиации командирам эскадрилий. Написал на эту тему несколько книг и пособий. Год тому назад полковник вышел на пенсию, однако остался в академии на полставки.

Его друзья, тоже бывшие летчики, по одному или вдвоем прогуливались в парке «Лосиный остров», слушая щебетанье птиц и дыша лесным воздухом, забираясь в чащу и выходя на поляну. Порой они изображали подвыпивших. В жару и под проливным дождем, руки в карманах или волоча сумки. Но никто на них не нападал. А так хотелось!

БЕЛОЙ АКАЦИИ ГРОЗДЬЯ ДУШИСТЫЕ

Самое трудное — это таскать с третьего этажа пачки отчетов и справочников. Наш НИИ покидает дом, в котором обитал почти двадцать лет. Сколько всего здесь написано — статьи, монографии, доклады. Какие научные

схватки были! Да и капуста — тоже.

Сотрудники, пользуясь суетой переезда, слиняли, не отпрашиваясь. В отделах пусто и тихо. Остались двое — я и Николай. Такова участь начальников. Теперь, когда всю мебель вынесли, даже кактусы в кадках, даже кошку отправили на новое место, — в доме остался шкаф. Огромный и тяжелый, из настоящего бука.

— Как он сюда попал? — интересовались начинающие ученые, они еще не знали, что на все есть имеются ответы. — Такой огромный и такой тяжелый.

— Но все же как-то попал.

Пожилые сотрудники, когда были молодыми, предлагали разные версии, но так ни к чему и не пришли, только заполняли шкаф бесконечными проектами.

В самом деле, как и когда. Говорили даже, что сначала шкаф поставили, а потом вокруг него дом построили. Но это вряд ли, так как дому лет четыре-ста. Про этот шкаф молодые шутники песни слагали, в капустниках острили. За многие годы шкаф привык к нам, и мы — тоже привыкли. Теперь хотим забрать его с собой. Впрочем, не знаем, где его там поставить, чтобы потолок не рухнул. Однако для начала надо спустить его к машине или хотя бы сдвинуть с места.

Пытаемся раскатать шкаф, а он не раскатывается. Николай с одной стороны, я — с другой. Руками, плечами, спинами, головами.

— Целую ночь соловей нам насвистывал...

Это мы поем или вроде того. Напрягаемся, изо всех сил пытаемся раскатать уважаемый шкаф и, как бурлаки на Волге, поем, только не «Дубинushку».

— Город молчал и молчали дома...

Вот, блин, гвоздями его прибили, что ли?

— Белой акации гроздь душистые...

Давай пол намылим, может, сам пойдет...

— Ночь напролет нас сводили с ума...

У Николая получается лучше, в смысле пение, но у меня громче.

Густо намазали пол туалетным мылом у задних и передних ножек шкафа.

— Сад весь умыт был весенними ливнями...

Попробовали встать плечо к плечу — с одной стороны шкафа, навалились.

— Зря ты так, — сказал Николай, — я думал, что промолчишь.

Я понимаю, он имеет в виду последнее заседание ученого совета.

— Ты сам-то слышал, что говорил? — отвечаю я.

— В темных оврагах стояла вода...

Ну, ну, блин! Еще немного, еще чуть-чуть!

— Боже, какими мы были наивными...

Наконец, чудо свершилось, ножки шкафа отлипли от пола, шкаф покач-

нулся и сдвинулись с места, задев мыльное пятно.

— Он хотел дослушать наше исполнение, — говорит Николай, похлопав шкаф, как упрямую лошадь,

Подойдя к окну, он прислонил горячий лоб к холодному стеклу.

— Как же мы молоды были тогда...

Пока мы с Николаем мучились, пытаюсь сдвинуть проклятый и любимый шкаф, за окнами стемнело, подтянулись сотрудники. Потому что: уходить с работы принято со звонком. Наши молодые ученые, со своими амбициями стоят в стороне, тихо обсуждая своих чекнутых начальников. Сдался им этот монстр, они не понимают!

— Невозвратимы, как юность моя...

На следующий день мы с Николаем назначили себе «библиотечный день». И не появлялись на работе два дня. Пусть понервничают. А когда мы пришли, на месте бывшего шкафа на полу темнели четыре глубоких следа. Как это они спустили шкаф с третьего этажа и погрузили в грузовик? Сообразили, значит. В пятницу мы строили проработку. В чисто педагогических целях.

Невозвратимы, как юность моя...

РЕДАКТОР ФЕДОРОВ

С редактором журнала «Жилищное строительство» Федоровым, Вячеславом Всеволодовичем или просто — Славой, я дружил с первой своей статьи в его издании.

— Что ты волнуешься? Напечатаем. Тебе когда надо? Наташа, в 11-м номере найдется место? Хорошо: шесть страниц. Сократи немного.

Когда-то он профессионально играл в футбол. Лихие 90-е он нервно не любил, переживал.

— Ты можешь себе представить, чтобы в Госгражданстрой кто-нибудь взятку принес?! — говорил он, помешивая в стакане крепкий чай в стакане с железнодорожным подстаканником. — Да его бы с лестницы спустили. Самое большее могли подарить книгу о своем городе, но это не считается взяткой. А сейчас что творят!

Редакция несколько раз переезжала — Новослободская, Пушкинская, Дмитровское шоссе, с этажа на этаж — тоже. В комнате Федоров говорил очень тихо, хотя за годы совместной работы сотрудницы стали своими — от них никаких секретов — ни домашних, ни служебных. Обычно он провожал меня до 1-го этажа. На лестнице рассказывал анекдоты и ржал на все пять этажей. Однажды, дослушав анекдот, он с криком «ой, не могу!» разлегся на

лестничной площадке затылком на руки, и, глядя в потолок, бился в хохоте, сотрудницы равнодушно обходили лежащего на полу главреда, старались не наступить.

— Если б ты знал, как все осточертело, — говорил он. — А бросить нельзя. На пенсию что ли жить? Сам посуди. Никакой стабильности. Почему мы все стараемся делать, как у них? Весь мир признавал нашу систему образования. А бесплатная медицина? Кому это мешало? Ведь наших специалистов в любой стране берут на работу, значит считаются. Смотри, от нас уезжают физики, к нам едут дворники.

Журнал выдержал трудные времена — дефолт, кризис, второй кризис, конкуренции, наезды. Федоров даже обложку не дал поменять. У него по всей стране друзья. Иногда он звонил мне:

— Напиши, прошу тебя... Это актуально... Срочно. К понедельнику. Спасибо, дорогой.

Неожиданно журнал захватили, объединили с другим журналом. Бренд исчез. Самостоятельная, дама, с завышенной самооценкой, новый главред, демонстрировала ученность и давала понять «кто в доме хозяин». Слава отдал ей все «свои» готовые рукописи для очередного номера, но дама не напечатала ни одной из этих статей.

— Извини, старик, такие дела, — сказал Слава. — Позвони, когда время будет. Посидим в Домжуре, как когда-то.

Полезный был журнал, да и времена — тоже.

ФАНТИКИ С КАРАСЕВЫМ

Карасев редко выходил из кабинета. Потому что кабинет тесный, а Карасев тучный — пока выберешься. Мы встречались на ученых советах, конференциях и банкетах. Иногда в коридорах разных институтов. Было, о чем поговорить, посплетничать. А тут вдруг оказались в одном институте. Мы сразу обнялись, чтобы все видели, что мы вместе и на «ты». В таких учреждениях важно знать, кто с кем.

— Подпишешь «отзыв»?

— Нет проблем.

Он не глядя подписывал «отзыв» моим аспирантам, я — его.

Дружбы особой не получилось. Однажды, скрыв от меня, моя аспирантка принесла ему коньяк в коробке и положила в черновик автореферата деньги, кажется, тысячу. Я спросил наугад:

— Зачем ты это?

Она подумала, что я узнал, и раскололась, сказала:

— Он же председатель совета.

— Он взял? — спросил я.

Тогда она сообразила, что я про это не знаю, и промолчала, сожалея, что донесла.

После защиты был традиционный банкет. Профессора, сняв напряжение, расшумелись, произносили тосты за молодых ученых, за оппонентов и третий тост, как заведено, за женщин, а потом анекдоты — что называется на пределе. Было весело. Мы с Карасевым оказались на углу стола. А тосты продолжались. Слышалось: еще: передайте немного, будьте добры, рыбку, вам грибочки, вы что кофе с лимоном? Поздравили новоиспеченного кандидата, потом вспомнили, что за него уже выпивали. Он поблагодарил председателя и членов ученого совета за принципиальность и доброжелательность.

Конфеты мы с Карасевым давно не едим. Но, развернув, сложили фантики, как положено — вдвое, потом уголки, вроде конверта.

— Не забыл еще? Помнишь, в школе?

— У вас тоже?

— Спрашиваешь. Обменивались, собирали.

— Э, ты подвинул.

— Кто? Я?

Мы поспорили. За столом наступила тишина. Мы не сразу заметили, что все молча смотрят на нас. Декан Карасев «обдумывал» ходы, как в шахматах. Мы отодвинули рюмки и тарелку с семгой, чтобы не мешали. Играли азартно, спорить. Наконец, мы поняли, что за столом почему-то наступила тишина. Коллеги молча смотрят на нас. Еще бы — бесплатный концерт. Два уважаемых профессора играют в фантики. Причем с самым серьезным видом — спорят, доказывают, обсуждают.

Потом наступили летние каникулы. А в сентябре мне сказали, что Карасев больше не придет.

ОДНОКУРСНИЦА

На закрытой презентации в роскошном Палас-отеле на Якиманке, среди элегантных мужчин я увидел Нину Пульманович, бывшую однокурсницу. Она пополнела. Мы расцеловались.

— Где же твой телохранитель? — пошутил я.

— Вот они, — сказала она серьезно.

Неподалеку топтались два амбала в черных костюмах, стараясь не выделяться в толпе банкиров и предпринимателей. Один не спускал с меня глаз —

что, мол, за тип пристаёт к хозяйке, другой обозревал пространство фойе.

— Значит, все всерьез? — удивился я.

— Ты о чем? — спросила Нина.

— Чем ты занимаешься?

В институте она не гналась за «красным дипломом», как сестры Савеловы, не пропадала в библиотеках, как Люська Киселева, легко прогуливала с мальчишками лекции и не пропускала домашние вечеринки. Она сказала:

— Женька, как ты конечно знаешь, оставил мне сына и свою фамилию...

Пришлось начинать с нуля, верней с минуса.

От кого-то из однокурсников я слышал, что они разбежались. В институте Женька к ней никого близко не подпускал.

— Даже удивительно, что ты женился: очень уж стеснительный был, — сказала она и, заметив кого-то в глубине зала, заторопилась.

У нее была назначена встреча, она все время кого-то высматривала в полумраке огромного зала, люди стояли кучками, разговаривали.

— Позвони, поболтаем, — сказала она. — Или лучше приезжай ко мне домой. Я телефоны отключу.

Она достала из сумочки серебряную визитницу, инкрустированную малахитом, протянула свою карточку, Я взглянул: «Генеральный директор». Нина подошла к группе мужчин, которые ждали ее.

Она жила на Ямской, в высоком узком доме, втиснутом ловкими архитекторами в пешеходный проход между домами, с нарушением противопожарных правил. Возле подъезда прохаживался охранник, другие охранники дежурили у лифта и на этажах. Все они были предупреждены, поэтому равнодушны к визитеру. Квартира была отгорожена от лифта металлической решеткой, которую открыла какая-то женщина. Показала, куда пройти. Стены небольшого кабинета — ореховое дерево, окна закрыты тяжелыми шторами, книжный шкаф с книгами в роскошных переплетках, письменный стол с заморскими безделушками. В стенах неглубокие ниши с фарфоровыми восточными вазами.

— Между прочим, все сама, — сказала Нина, увидев, что я рассматриваю кабинет.

Она показала на кресло за письменным столом. На столе была фотография полковника в рамке.

— Мой отец, — сказала она. — Ты его, наверно, помнишь.

Женщина, которая открыла мне дверь, принесла поднос с кофейником и конфетами. Быстро оглядела гостя и вышла.

— Расслабься, — сказала Нина — Это я. А тебя я что-то не узнаю.

— Если честно, — сказал я, — это не ты.

— Сильно изменилась?

— Изменилась. Откуда такая роскошь?

— О моей жизни роман написать можно — как бывшая троечница докатилась до жизни такой, — сказала она. — Напишешь? У тебя самого-то дома все в порядке?

Был поздний вечер, улицы освещали фонари, витрины, фары. Можно было подождать троллейбус, но я решил пройтись.

ПОСЛЕДНЯЯ ФОТОГРАФИЯ

Во дворе спилили тополь, большое старое дерево. Двенадцать раз в год я фотографировал это дерево — зимой, весной, летом, осенью. С одного и того же места — от футбольной площадки. Мы вместе росли — дерево и я.

Однажды я вышел из парадного и увидел пустое небо над нашим большим двором: знакомое дерево, большое, как Гулливер, лежало на траве, а возле него толпились работяги, пятеро в оранжевых безрукавках, разговаривали. Среди них выделялся мужчина лет тридцати в длинном фиолетовом плаще, в черной жесткой шляпе, руки в карманах, сразу понятно — начальник.

Увидев лежащее на земле свое дерево я, честно говоря, загрустил, а когда пришел в себя, достал из кармана фотоаппарат-мыльницу, который всегда таскаю с собой просто так. Начальник в плаще заметил меня и решил подойти, сначала шел медленно, нерешительно, потом быстрее. Я ждал.

— У вас разрешение имеется? — спросил начальник, подойдя.

— Не понял, — я, правда, не понял.

— Я вам говорю, — сказал суровый начальник, — вы у меня спросили, я хочу, чтобы меня фотографировали? Спросили, а?

Вот теперь понял. Я вырос на московских улицах на рабочей окраине города, там была хорошая послевоенная школа жизни. Я запомнил ее уроки, например несколько слов на универсальном языке. Молодой начальник от неожиданности остолбенел, постоял с открытым ртом, и не приходя в сознание, отбежал, споткнулся и, оглядываясь, спрятался за работягами. Они уже начали распиливать лежащее дерево на куски.

Неужели за помощью побежал? — подумал я. И действительно, начальник что-то там поговорил, показывая в мою сторону. Работяги обернулись. Равнодушно посмотрели на меня с фотоаппаратом в руке. Они что-то сказали, и начальник быстро-быстро пошел от них, куда сказали.

В тот день я последний раз сфотографировал мое дерево, уже мертвое.

Жанна Гречуха

В ТОМ ГОРОДЕ ГОРЕЛИ ФОНАРИ

— Честно говоря, я Вам не советую ехать в командировку в этом месяце. Впрочем, Вы же всё равно поедете.

И Дама-астролог устало улыбнулась.

Вечером я вышла на балкон. Посмотреть на фонари. И вдруг они погасли.
— Что случилось?

С соседнего балкона меня окликнул Некто в кожаном пиджаке и белой рубашке. Мы раскланивались, встречаясь по утрам в кафе.

— Пойду, посмотрю.

— Вы не против, если я составлю Вам компанию?

(Мне хотелось сказать: «Конечно, против». Но что-то меня остановило.)

Тёмный, мрачный город. Мой спутник осторожно поддерживал меня за локоть. Неожиданно он зажгёт фонарик.

— Разрешите представиться. Олег Ильин.

— Рената.

Разумеется, я его узнала. Его сериал только что с успехом прошёл по Первому каналу и я неосторожно воскликнула: «Как бы мне хотелось с Ним познакомиться! Как бы Он восславил Музей Александра Блока! По моему сценарию». Космос услышал.

— Рената?

Внимательно посмотрел.

— Это Ваше «второе имя»?

— Иногда мне хочется быть просто «частным лицом». Когда узнают, что ты — журналист, с удовольствием начинают рассказывать про свою личную жизнь, примитивно-скучную, как правило откровенно несчастливую, поэтому я иногда разрешаю себе побыть инкогнито.

— Я читал Ваши статьи. У Вас — лёгкое перо.

И тут раздались выстрелы. Совсем рядом. Он втолкнул меня в арку. Прижал палец к губам, погасил фонарик и прошептал: «Спокойствие, только спокойствие». (У него маленький сынишка. Недавно Он ему прочитал «Карлсона, который живёт на крыше».)

Мимо нас промчался мотоцикл, и в свете фар я увидела двух подростков, стрелявших по окнам и гоготавших. Мотоцикл сделал круг и тот, который был в шлеме, спокойно сказал по-русски: «На сегодня хватит. Слезайте. Вот ваш дом».

Я ощутила, как его спина придавила меня к стене.

— Закурить не дадите? — его голос заставил их остановиться.

Голос был старческий с акцентом.

— Я заплачу.

Тот, кто считал себя самым «крутым», сказал: «Извините, батоно, ни одной сигареты». И они прошли мимо.

Олег повернулся ко мне, и только, когда стихли шаги, шёпотом приказал: «Ни звука. Дайте руку».

В холле гостиницы никого не было.

— Вы не знаете, кроме нас с Вами, здесь ещё кто-нибудь обитает?

— Не уверен. Вы прилетели во вторник утром, а стрельба продолжается вторую неделю.

— Но ведь война давно закончилась. Вскоре начинается курортный сезон.

— Мой продюсер тоже так думал. Что будем делать?

— Призовём на помощь поэтов. *«Превратила всё в шутку сначала,/ По- няла, начала укорять,/ Головою красивой качала,/ Стала слёзы платком утирать.»*

Он выслушал меня, даже слегка похлопал.

— Это — Блок?

— Мне хочется как-нибудь Вас отблагодарить.

— За вечернюю прогулку?

— Угу. Я открою Вам мою тайну. Обещаете хранить её вечно?

— Обещаю, — очень серьёзно ответил он.

— Вы уверены, что в Вашем генотипе присутствуют аристократические гены?

— Ранее скрывали, а теперь даже особняки показывают. И поместье. В Калужской губернии.

— Тогда я спокойна за свою честь. Я прилетела специально, чтобы «сжечь информацию». В этом Городе много-много лет тому назад я была самым счастливым и самым крылатым существом. Мне захотелось переделать. Перемонтировать. Забыть. Вычеркнуть из памяти. Моё прошлое.

— Не получилось, — тихо произнёс Он.

И мы улыбнулись.

В холл, шумно обсуждая что-то своё, вошли сытые, наглые, пожилые мужчины.

Не обращая на нас никакого внимания, стали подниматься на второй этаж.

— Вы в каком номере? Я не могу оставить Вас здесь одну.

— Комплекс старшего брата?

— Пусть так.

— Что ж, кофе, печенье, орехи имеются в наличии. Буду зачитывать Вас стихами. Вы любите стихи?

Так мы с ним и провели ночь. Сидели напротив друг друга в креслах и читали свои любимые стихи.

Ранним утром Он проводил меня на аэродром. Вдоль дороги безмолвной свитой горели фонари.

— Я буду Вас защищать. Торнтон Уайльдер заметил: «Когда мы любим человека, мы передаём ему свою любовь к жизни. Мы отпугиваем демонов».

— Вы его... так любите?

Вздыхнул.

— И как же Вы будете меня защищать? От меня самого?

Я не ответила.

Объявили «выход на посадку».

И последний кадр, который подарила мне Судьба, его спокойная уверенная фигура на фоне белой стены аэропорта. Каждый из нас возвращался в свою собственную жизнь. Не уверена, что мне захочется кому-нибудь рассказывать про эту командировку.

Кира Краснова

АХ! ЛОШАДИ, ЛОШАДИ...

Я очень люблю животных. Всех. Даже змей и лягушек., в чём меня далеко не все понимают. Но больше всего я обожаю лошадей. Не помню, когда у меня появилась эта страсть.

Но пройти мимо лошади, не поговорив с ней, не погладив, а если есть такая возможность, то и не угостив её чем-нибудь, я никогда не могла.

Наверное это передалось мне от мамы. Её детство пришлось на дореволюционное время. Мамин дядюшка был кавалерийским офицером и держал собственных верховых лошадей, среди которых одна принадлежала ей. Она тоже страстно их любила.

Я родилась уже в советское время, в Москве, на Большой Пироговской и, насколько помню, по улицам тогда гроыхали, отчаянно звеня и визжа на поворотах, трамваи. Грузовиков было мало. Легковые машины появлялись очень редко. В них тогда ездило только большое начальство.

Основным грузовым транспортом был гужевой. Ну кто из современных детей знает такое слово? А это были просто лошади, запряжённые в телеги для перевозки различных тяжестей. Управляли лошадьми извозчики. Вдоль улиц были установлены тумбы, к которым привязывали лошадей, чтобы отойти на какое-то время.

Напротив нашего дома на Пироговской был сквер, который назывался «Девичье поле» или попросту «Девичкой». Он существует и нынче. Меня водили туда гулять. Как и с кем я там встречалась, сейчас даже вспомнить не могу. В память врезалось моё основное занятие. Я постоянно рвала на газонах траву, бегала к стоящим вдоль обочины лошадям и кормила их с ладошки, наслаждаясь от нежного прикосновения их губ. Когда травы на газонах не было, я запасалась сахаром и чёрным хлебом, который сама заботливо посыпала солью.

Извозом занимались частники. В холода лошадей на стоянках прикрывали самыми разнообразными попонами, а в жару на голове у каждой красова-

лась соломенная шляпа. Она имела фасон капора. Из специальных отверстий выглядывали уши.

Почему-то все эти лошади и на ходу, и на привязи постоянно качали головой. Рассказывали, что когда мне было года два, я спросила кого-то из взрослых, почему они так делают? Это же они тебе кивают, здороваются — пошутили мне в ответ. И потом я долго ещё, увидев кивающую лошадь, останавливалась и вежливо кланялась ей, веселя зрителей.

Из тесной коммуналки на Пироговской мы переехали в другое место. Там лошадей я не помню. А потом перебрались на окраину Москвы. В военный городок. Это был очень красиво спланированный посёлок городского типа, окружённый сосновым лесом и отделённый от Москвы-реки деревней Щукино и её возделанными полями. Да, да! С тех пор Москва шагнула далеко за пределы этого посёлка. Сейчас там станция метро «Щукинская». Деревни нет. От леса мало что осталось. А тогда...

Тогда мы жили автономно. Со своей школой, магазином, клубом, где можно было посмотреть кино, и даже с очень хорошим стадионом. Москва в разговоре называлась словом «город». Лес был под окнами, до Москвы-реки — рукой подать. Но главное, городок имел собственную конюшню! И там мы, ребята, были своими. К сожалению, сесть на лошадь нам не давали. Считали — баловство. Но сесть на телегу и поуправлять лошадью позволяли. А тем, кто приходил с угощением, разрешали погладить, пообщаться. И это было счастьем!

Кроме гужевого, другого транспорта в городке практически не было. Изредка появлявшийся на наших улицах грузовик, а еще пуще — легковушка вызывали в ребячьих душах попросту ажиотаж. Дети и собаки бежали вслед, крича и лая от восторга. Даже самолёты не потрясали до такой степени. И ничего странного! Просто за рекой, в Тушино был учебный аэродром, и молодые лётчики, для которых в военном городке было построено общежитие, видимо из озорства любили на бреющем полёте пройтись над крышами наших домов. Так что мы жили среди лошадей и самолётов. Лошадей я любила больше.

А потом началась война с фашистами. Женщин с детьми отвезли на вокзал, погрузили в длинный эшелон с двумя паровозами — впереди и сзади — и долго везли, пропуская встречные составы с бойцами и техникой, подальше от боёв. Эшелон был составлен из так называемых теплушек, в которых обычно перевозили скот. Наш вагон был шестьдесят третьим. Он находился где-то посередине состава. Выглядывая на повороте, далеко впереди и сзади можно было видеть оба паровоза.

Высадили нас в приуральском городе Катайске. Тут нас снова ждали лошади. Распределив по деревням, всех погрузили на подводы и долго везли просёлочной дорогой до деревни Шутино.

На той войне в боях ещё активно использовали кавалерию. Поэтому всех годных для войны лошадей из деревень забрали на фронт. В деревенской конюшне остались только старые и бракованные лошади. Но всё-таки это были лошади! И я прилипла к конюшне. Мне повезло. У хозяйки, в доме которой нас поселили, был шестнадцатилетний сын, который работал конюхом. Естественно, домой пообедать он приезжал верхом и на время еды оставлял лошадь в моём распоряжении и только внутри двора. Насколько помню, прокатиться на ней мне удалось пару раз, не больше. Я просто не могла на неё сесть! Во-первых, она была без седла. На её выпирающий хребет был брошен мешок. Я сообразила, что добраться до спины лошади я смогу только с завалинки. Вы не знаете, что такое завалинка? В северных деревнях, чтобы утеплить подвал, дом заваливали по периметру землёй. А чтобы земля держалась, огораживали её досками. Вот и получалась вокруг дома как бы земляная скамейка.. Так, с полметра высотой. Я подводила лошадь к дому и, не выпуская повод, лезла на завалинку, а лошадь тем временем, перебирая задними ногами, отходила от неё. Голова рядом, а до спины не достать. Пока Шурко (там Шурка — это девочка) обедал, я успевала сделать несколько безуспешных попыток забраться на непослушную скотину. Думаю, что пару раз мне кто-то помог на неё сесть. Но, к сожалению, езда на этой тощей лошади не доставляла мне удовольствия. Её хребет был, как забор! Зато, если нужно было впрячь лошадь в телегу, чтобы поехать, к примеру, за дровами, я для мамы была первой помощницей.

Вспоминаю забавный случай. Когда мы получили лошадь в первый раз и с помощью конюха впрягли её в телегу, мама расположилась на передке телеги дёрнула за вожжи и прикрикнула: но-о! Лошадь — ни с места. Ещё раз. Опять в ус не дует. Все местные, кто был в конюшне, собрались, чтобы позабавиться над «москвачами». Наконец, один сжалился и сказал: да разве она такое понимает? Она к другому приучена. И как пустит матом! Многие москвички очень быстро освоили эту науку. Но моя интеллигентная мама нашла другой выход. Она бралась за вожжи и энергично, копируя интонацию, произносила: буря мглою небо кроет! И знаете? Срабатывало!

Тягу к верховой езде я ухитрялась компенсировать ездой на телятах, овцах и даже на свинье! Но вот со свиньёй мне не повезло.

Заборов, как таковых, в деревне не было. Их заменяли плетни. Так вот, что такое плетень. На расстоянии полутора метров в землю вбиваются толстые колья, а потом переплетаются, как корзина, длинными гибкими прутьями. А за плетнями были огороды. И чтобы свиньи, приподняв плетень пяточком, на огороды не забирались, им на шею прилаживали треугольник из деревянных брусков.

Присмотрев во дворе моей местной подружки подходящую свинью с гладкой спиной и прикинув, что за треугольник можно будет хорошо дер-

жаться, я решила на этой свинье покататься. Как мы договорились, подружка подманила свинью к высокому крыльцу, где я уже стояла, а, пока та чавкала, я сверху прыгнула на её спину и крепко ухватилась за деревяшки. К моему удивлению свинья и не подумала бегать по двору. Она с грозным визгом стала быстро вращаться на одном месте.

Конечно же я знала, что эта свинья отличалась злым нравом. Поэтому, когда подружка распахнула дверь в дом и заорала, чтобы я спасалась, я спрыгнула на землю и рванула по ступенькам вверх. К счастью, дверь открывалась наружу. К счастью, потому, что свинья, справившись со ступеньками, начала тараном биться в дверь. Если бы дверь открывалась внутрь, ей бы не выдержать такого напора.

После того дня свинья буквально выслеживала меня. До глубокой осени я лазала в гости к подружке через окно, выходящее на улицу. И только когда свинью перевели на окорока, я в этом смысле обрела покой.

В конце войны мы вернулись домой. На улицах Москвы лошадей уже не было. Там появились и наши, и трофейные машины. Первыми легковыми, которые могли купить частные лица, были «Победы». В военном городке тоже появились машины. Но конюшню оставили. И ещё довольно долго внутренние перевозки делали с помощью лошадей, пока те не вымерли сами по себе. И не ушли из моей повседневной жизни. Из жизни. Но не из души.

Школа, институт, работа, семья с всё это отодвинуло мою мечту практически в небытие. Каким только спортом я не занималась! Это были лыжи и коньки, гребля и велосипед, лёгкая атлетика и спортивная гимнастика. А я с завистью смотрела на конных милиционеров.

Прошли годы. Вырос и женился сын. И вот однажды молодёжь отдела, где я работала, заговорила о том, что в конно-спортивном комплексе Битца после Олимпиады открылись для желающих группы по обучению верховой езде.

В ту пору у меня был тяжёлый остеохондроз, который я упорно преодолевала при помощи самостоятельно подобранных упражнений. Услышав о возможности сесть на лошадь, я забыла про все свои болячки.

Марина Соловьева

«УПРАЖНЕНИЕ»

— ...и тогда я подумала, ну почему, он, известный музыкант, сошелся с такой непрезентабельной дамой, когда кругом так много красивых, интеллигентных одиноких женщин?

— Возможно, когда они встретились, определяющую роль в его жизни играли другие факторы. К примеру, ему негде было жить, не было денег, все шло под откос... А как ты себе это представляешь? Он подходит в фойе театра к одинокой интеллигентной женщине в норковой шубе и говорит ей: «Простите, у меня был творческий кризис, я все деньги отдал на лечение от запоя... Зато теперь все хорошо, мне скоро деньги за симфонию заплатят, можно я у вас поживу... а то так есть хочется, что переночевать негде...» И что бы ты ему ответила?

— Во-первых, у меня нет норковой шубы...

— Не важно... а выглядишь, как будто есть... Постсоветский мужчина считает, и совершенно резонно, что подобные тебе женщины хотят богатых мужей, а не альфонсов... А что в этом плохого? Я тоже хочу богатого мужа — и это нормальное здоровое желание. Хочется жить как за каменной стеной...

— Стена Плача тоже, между прочим, каменная...

Мы беседуем с Юлей в ее кабинете. Она — психолог. Я ее подруга, и время от времени прибегаю к ее профессиональной помощи. Юля моложе меня на двадцать лет. Но по восприятию жизни — мы почти ровесницы. Обе разведены, воспитываем по ребенку примерно одного возраста. Я родила очень поздно, она — очень рано. Обе бегаем по утрам, предпочитаем косметику одной фирмы, любим болтать о сексе, утром и вечером пить кофе, ну что еще...наверно, мы просто родственные души. Разницу в возрасте выдает моя намечающаяся склонность к полноте, которую я пресекаю тем же бегом, и поразительное невежество Юли в некоторых вопросах культурно— исторического ряда. Возможно, это даже не невежество, а просто временная пропасть. То, что когда-то читала я, и было у всего нашего поколения на слуху,

Юлино поколение просто не застало. И на ее подкорке данная информация не отложилась.

— Богатый муж... — задумчиво отвечаю я, — у меня был богатый муж... Пускай альфонс, как ты говоришь...но ведь под этим словом ты имеешь в виду человека с ограниченными средствами, а не профессионала. Бедные мужчины имеют свои достоинства. Это очень начитанные, творческие, эмоциональные люди, легко относящиеся к жизни. Богатые же мужчины делятся на две категории: или очень жадный, или держит все под контролем и давит на тебя. Ты к этому готова?

— Ну, нет, не все такие. Вот, например, Кротов, мой шеф...

— Кротов... Один приличный обеспеченный человек — и тот врач-психиатр, женатый третьим браком!

Мы с удовольствием начинаем обсуждать Кротова, потому что любим его. Любим платонически нежно. Так, в общем-то, и надо любить хорошего и талантливого коллегу. Я смотрю на Юлю. Она красива, как плод преступной любви черта и ангела. Когда она слушает, ее лицо принимает кроткий утонченно-ангельский вид. Вступая в разговор, она тотчас меняется: черные длинные волосы начинают развеваться, а глаза загораются синим и холодным пламенем инфернальницы.

— Почему ты думаешь, что тебе нужен муж? — начинает она меня воспитывать. — Ты — человек, который сам себя сделал и для всех существуешь в единственном числе. Нет, видите ли, для полного счастья или несчастья — хочу быть в комплекте. То есть разрушить все, что так долго созидала. Кротов, например, воображает себя поэтом. Стихов правда не пишет. Просто — он поэт! И ему так приятней жить. А тебе приятней жить, воображая себя замужем...

— Я мечтаю не о замужестве, а о любви. Хочется найти свою половину... И это тоже нормальное, здоровое желание. Как твоя каменная стена. Кстати, Константин Симонов считал себя драматургом, а не поэтом...это у многих так бывает...

— Какой Симонов? Из второго отделения?

— Ты не знаешь?!...стихотворение «Жди меня» его знаменитое...еще у него жена была актриса Валентина Серова...

— Я же спросила не кто, а какой? Их много. А я одна. Ой, ладно, не давайте с Кротовым из меня Иванушку — дурачка... Все! Решено! Если только ты не боишься. Я знаю одно упражнение. Очень древнее шаманское упражнение. Мы его сделаем, и ты найдешь свою половину. Но за последствия не ручаюсь. Значит так: пишешь на листке — кто тебе нужен. Но очень подробно. Профессия, возраст, внешние данные, характер, вообще все. Можно даже свои мечты о вашей будущей жизни. А там — посмотрим...

Написать словесный портрет своей мечты мне советовали многие специалисты по взаимоотношению полов. Но у меня дальше одной строчки дело обычно не шло. Становилось как-то неловко. Мне сразу представлялось — вдруг кто-то посторонний прочтет и решит, что я сошла с ума. Но Юлия меня заинтриговала своими шаманскими упражнениями. Приехав домой, я включила компьютер и задумалась перед изображением замка на моем экране. «Хочу ли я мужчину, живущего в замке? Нет, это уж слишком». Я поменяла фон — появилась голубая лагуна. «Хочу ли я жить в бунгало на берегу океана? Только после семидесяти пяти... Приятно ждать смерти, сидя на пляже, среди пальм и красивых мулатов». Картинки меняли одна другую, пока не появилось заснеженное шале в горах. Почему-то именно этот пейзаж настроил меня на романтический лад.

«Я готова встретить мужчину не моложе сорока и не старше 60-ти, спортивного, загорелого, веселого, образованного. Желательно творческой профессии, чтобы нам было о чем говорить долгими зимними вечерами. И успешно реализовавшего себя в творчестве, чтобы между нами не было соревнования и зависти. Не очень богатого, но и не бедного, легко относящегося к деньгам. Любящего секс, но не бабника... А главное — он должен влюбиться в меня с первого взгляда и любить долго, до самой смерти. И мы умрем с ним в один день, и каждый день нашей совместной жизни будет наполнен счастьем». Больше я ничего не могла придумать. Потом, немного поразмыслив, вписала еще несколько слов об отсутствии вредных привычек и про наличие любви к детям и животным.

В ближайшую субботу я отправилась на занятие Кротова. У входа в зал, я вручила Юле листочек с описанием мужчины моей мечты. Она пробежала глазами и спросила: «А как насчет порядочности, отношения к людям, криминальные связи... морально — этические взгляды?»

— И это писать? Я же не в компетентные органы характеристику пишу для секретной работы резидента...

— Это бумага поважнее характеристики. Значит, Кротову показываем?

— А он не будет смеяться?

— Над всеми смеяться — сам станешь идиотом.

Михаил Кротов, по домашнему добродушный, но в тоже время загадочный, как доктор Фрейд с портрета напротив, стоял в центре зала и доверительно рассказывал о депрессии. Его внешность напоминала помесь Жерара Депардье с Александром Блоком. Дамы млели от счастья. Разговор все время сползал куда-то в сторону. Слушатели давно забыли про депрессию и рьяно включились в философский спор под кодовым названием «за жизнь». Я сидела и задумчиво вертела в руках свой листочек. Кротов подошел ко мне и, наклонившись, сказал: «Рад видеть», забрал листок, пробежал глазами и, вздохнув, положил в карман.

Отойдя от меня на середину, Кротов продолжал:

«Каждый из вас знает в глубине души, что ему нужно. Существует несколько упражнений, помогающих найти и убрать то зерно, из которого пророс в вашей душе страх, недоверие к жизни, неуверенность в себе, ваша депрессия, наконец... Мы попробуем распутывать все эти клубки нашего запутанного подсознания, но на сегодня, пожалуй, достаточно... За сим прощайте...»

Все еще больше оживились, сгрудились вокруг Кротова, каждому захотелось рассказать свое. На Кротова сыпались вопросы, а он весело и пространно всем отвечал до тех пор, пока не вошла грозная Юлия. И не объявила, что-то вроде: караул устал.

Оставшись одни, мы пошли пить кофе.

— Михаил Аркадьевич, сделайте с Аней упражнение, — с притворной задушевностью попросила Юлия, — я вас прошу как врач врача.

— Ну, если вам так надо... жизнь, конечно, можно скорректировать... но что-то в ней перевернется, и пойдет не так, как изначально было задумано...

Я заволновалась:

— А откуда мы знаем, как задумано? Может, так и было задумано. Чтобы я вас встретила и сделала с вами упражнение. Хотя, по большому счету, я не вкладываю во все это мистический смысл.

Сказав это, я выжидательно уставилась на Кротова.

— Не вкладываешь, а тратишь... Расслабься — с задумчивой обреченностью произнес Кротов, — и делай мысленно все, что я говорю... И, кстати, не забудь отдать кому надо свой листочек...

...Я долго блуждала по лесу, знакомому мне деревенскому лесу моего детства. Старинная усадьба чем-то напомнила миниатюрную усадьбу Кусково. В комнатах было просторно и стильно, как в доме у знакомого дизайнера. Спальня оказалась бывшей спальней в старой квартире моего неудачного замужества. А вот и маленькая дверь за пологом. Она скрипуче открывается. Маленькая комнатка, книги, и мой собственный компьютер со знакомым фоном на экране. Мужчина, сидящий за бюро, вылитый дедок со второго этажа. Он берет мой листок, читает его, кивает головой. «Принимай все приглашения, особенно деловые». «И что будет?» Он пожимает плечами, разворачивает монитор, и а я там вижу заснеженное шале, две фигуры — мужчину и женщину. Они идут на лыжах, смеются. Заходят в дом. Сидят в креслах перед горящим камином. Он протягивает ей руку, она кладет свою ему на ладонь. Но в это время с горы спускаются люди в черном. С автоматами. Это явно из другого сериала. Один из мужчин вскидывает автомат и целится в окно шале. Выстрел. Экран гаснет.

— Быстрее уходи, — слышится мне голос Кротова, — тем же путем, но быстрее.

Я выскакиваю из комнатки, пробегаю спальню, спускаюсь на первый этаж. Выхожу из дома и бегу по тропинке. Открываю глаза. «Где ты?» — спрашивает Юля.

— Я в кабинете Кротова.

— Какой это город?

— Москва.

— День недели?

— Суббота...

— Все, эксперимент прошел удачно... Что видела?

— Вообще-то черт знает что... Нет, сначала все шло как вы обещали — лесок, домик, кабинет, потом дедушка. Он велел ходить на все деловые встречи. И показал мне картинку... Очень странную. Я с мужчиной в Швейцарии зимой на лыжах, так мило. А потом какой-то десант киллеров, в нас стреляют...

— Зима, лыжи... может это Финляндия или Норвегия... Что-то мне не нравится этот десант... Покажи свой листочек...

Листочек куда-то делся. Я часто теряю свои бумажки, и меня это не удивило. Но Юля почему-то расстроилась. «Такие вещи терять нельзя», — сказала она строго. «Она не потеряла, — тихо и весело произнес Кротов, — она его там оставила»...

— Да ну вас, — сказала я, — будет вам апокалипсис гнать.

Дома сын Алеша встретил меня словам: «А тебе из студии звонили. Какой-то мэн, Юрий Анатольевич. Фамилию не разобрал... И голос очень знакомый. Наверное, актер какой-нибудь... телефон оставил. Целых три: служебный, домашний и мобильный»...

Я набрала домашний. «Анна Петровна! — раздался действительно очень знакомый голос, — какое счастье, что вы меня застали! Я вам с утра звоню... Мне тут ваш сценарий случайно попался. Какая прелесть! Я так хохотал...

— Простите. Сын вашу фамилию не расслышал...

— Да, Мельников моя фамилия. Юрий Мельников. Можно просто Юра...

Я ошалело молчала. Юрий Мельников был известный кинорежиссер, актер, преуспевающий продюсер, недавно его фильм получил какую-то премию то ли в Каннах, то ли в Сен-Реми. Мы договорились встретиться на следующий день у него дома — он, оказывается, жил от меня через две улицы. Я тут же ринулась в Интернет, читать про Мельникова... так старше меня на пять лет. Я думала моложе... овдовел, развелся, еще развелся... бывшая жена финка, чего не поделили? Взрослый сын, преуспевающий бизнесмен. Вот откуда денежки на фильмы. Фильмы... «Ночь в раю» — я еще в Лондоне смотрела по телевизору с английскими субтитрами... А об этих даже не слышала... Этот тоже его? Я думала, Кончаловского... Все, можно идти встречаться.

Это был первый звонок в моей жизни от настоящего режиссера. Мои сценарии гуляли по электронным адресам знакомых и незнакомых продюсеров. Я по пять раз переписывала сценарии, делала из них сериалы, потом мне говорили, что нет денег и проект не пошел. Поэтому я зарабатывала на жизнь преподаванием, да еще, время от времени, сочиняла для Кротова научно-популярные книги по вопросам любви и брака.

Мельников открыл мне сам. Стройный, загорелый, с проседью в темно-русой бороде и волосах. В руках он держал дымящуюся сковородку.

«Загорелась почему-то... — весело сказал он, — Будем ужинать? Рыбу любите?»

— Очень — ответила я.

Мне показалась, что я здесь уже была и была много раз. Он побежал относить сковородку на кухню, вернулся, помог мне раздеться. Я достала из пакета туфли. У всех свои причуды. Я ненавидела чужие тапочки. «Я тоже не люблю надевать чужую обувь, — сказал Мельников, — сейчас поедим и поговорим. Не обиделась, что я на ты? И ты говори мне ты, это ничего, что я старый.»

— Не настолько вы меня и старше. Всего на пять лет...

— Правда? Не может быть... А ты что, пластику делала?

— Нет... Просто красавица...

Он засмеялся и бросился меня обнимать. Я поняла, что пропала.. Но все-таки очень ловко выскочила из его объятий, уронив на пол свои рукописи.

— А у тебя еще есть что-то? Давай мне все!

Мы сидели за столом, пили белое вино, ели жаренную рыбу с зеленым салатом, и Юрий рассказывал, какой у меня прекрасный сценарий и какая у нас будет замечательная жизнь, когда мы из него начнем делать фильм. Мы разговаривали долго, смеясь, перебивая друг друга, и меня уже начала пугать мысль о том, что рано или поздно придется уходить.

— Может, останешься? — вдруг спросил он, — ты ведь большая девочка. Оставайся... Я сейчас один. То есть вообще один, уже три, нет, два, ну, неважно, несколько месяцев... А вчера я получил официальную бумагу о разводе. Целый год не присылали, а тут — как специально. К твоему приходу. На свободу с чистой совестью.

— Я не могу остаться. У меня дома ребенок, собака, черепаха... Надо всех кормить, выгуливать, спать укладывать.....

— Черепаха без прогулки не уснет, это понятно... Ладно, давай по — честному! У тебя кто-то есть?

— Нет. Просто Кротов сказал мне, что оставаться надо хотя бы через месяц после знакомства, а то мой образ не закрепится в памяти...

— Какой Кротов? Твой духовник что ли?

— Психолог. Мы с ним вместе работаем. Он очень знающий специалист... Что ты смеешься?

— Ну, будем закреплять в памяти... Через месяц так через месяц... какое сегодня число?

И он обвел сегодняшний день, в свисающем над столом календаре, красным карандашом.

Через месяц я уже жила в его квартире вместе с моим сыном, собакой и черепахой. А через год я стала его женой. Фильм был снят и вышел на большой экран. Когда его показали по телевизору, мы уже заканчивали очередной сценарий...

Близился Новый год. Моего сына пригласил на Рождественские каникулы в Питер его родной отец.

«А давай уедем куда-нибудь в глушь?— предложил Юрий,— Я чего-то устал в этом году от людей... У меня, кстати, есть дача в Финляндии. После развода мне отошла. Я, правда, два года не был. Но там так красиво!»

Дача Юрия была в финской лесной глуши на границе с Карелией. В аэропорту мы взяли напрокат машину и покатали в снежную даль. Машину все-таки пришлось оставить на ближайшей парковке, а мы пошли на лыжах по снегу. Сквозь сосны в голубом инее проступали сказочные засыпанные снегом скалы, ледяные овраги. Дом был тоже сказочный. Он мне напомнил тот самый, что я видела во сне. И я вдруг вспомнила свое видение, наши занятия с Кротовым, Юлю— моих друзей из прошлой жизни. «Я тебе должна кое-что рассказать»,— воскликнула я, жадно вдыхая зимний воздух. «Я тебе тоже...— задумчиво сказал Юрий.

Оказывается, пока Юрия здесь не было, за дачей присматривали соседи. К нашему приезду дом был убран, поколоты дрова, а во дворе стояла срубленная к празднику елочка.

— Я им денег оставил в прошлый раз, — объяснил Юра, — и сообщил, что приедем. Ну, хозяйка, входи и володей...

— Господи, почему мы здесь раньше не были! Так здорово! Давай поживем тут подольше...

— Может и поживем...

Юра погрустнел, но тут же развеселился. Он не умел грустить больше трех минут. Мы начали шумно устраиваться. Но под вечер разморились. Рухнули в кресла у камина, Юра протянул мне руку. Я положила свою руку на его ладонь. И вдруг поняла, что абсолютно счастлива. «Знаешь, я все это уже видела однажды...— начала я рассказывать.

«Подожди. Я должен сказать тебе одну важную вещь. Только не волнуйся. К тебе это не имеет отношения. У меня начались большие неприятности. Сын ввязался в какую-то криминальную историю, пришлось отдать ему все

деньги. Я сам занял, чтобы фильм закончить. И тоже неудачно— оказались... из той же компании.. Все наши деньги с фильма пойдут за долги. Наверно, и эту дачу придется продать или мою квартиру...надо как-то решать. Но, самое неприятное, я перед отъездом забыл позвонить, ну этим людям... насчет отсрочки, я кретин...теперь сижу и думаю, как бы чего не вышло... И позвониться не могу. Еще подумают, что я от них сбежал...»

Я почувствовала, как на месте сердца у меня образовался ледяной шарик, он начал расти, мне стало холодно. Я посмотрела в окно. В проеме окна стоял человек в черной маске и целился в меня из автомата...

...Аня... Аня... очнись! Кротов, ну сделайте что-нибудь, она не дышит!

— Да дышит она...не психуй... «Покажи упражнение. покажи упражнение»... две идиотки непуганные...Последний раз иду у вас на поводу...

Я увидела темное пятно, которое медленно превращалось в Кротова. «Миша, это ты? А Юрий...А где...» Я вдруг ясно увидела себя в Кротовском кабинете. «Так это все мне привиделось...Это все вы устроили? Кастанеды поганые! Как будто сто лет прошло... Мне так плохо, плохо...»

— Так и знал! У всех такая реакция... Ведь не хотел же...Юлия Феликсовна, все из-за вас! Аня, успокойся, прошло минут десять...всего или даже меньше...Все, все закончилось... Я тебя отвезу домой на машине...

Когда я приползла домой, Алешка кинулся ко мне со словами: «Мама тебе с киностудии звонили... Вот оставили три телефона рабочий, домашний и мобильный...Какой то мэн... и голос очень знакомый...»

Лорелла Гальцова

ЛЮБОВЬ С ОБРАТНОЙ СТОРОНЫ

*(Эзотерическая проза, отрывок
из книги «Ген Счастья»)*

Откуда мы пришли? Для чего? Этими вопросами хотя бы раз в жизни задается каждый человек. Род, его энергия, информационное поле семьи, формирование сознания законы осмысленности, сохранения энергии, динамического равновесия, фрактальности и другие — все это знания, способные повлиять на качество нашей жизни и дающие нам возможность самостоятельно «перекроить» свою судьбу. Важно знать, что родовое древо — это наша защита и опора, подпитка и поддержка во все времена. Относитесь к вашему роду с уважением и почтением, и вы облегчите себе жизнь и жизнь последующим поколениям.

Проводник Лорелла Гальцова в своей книге показывает работу этих законов на конкретных примерах: книга состоит из реальных историй из жизни и «практикума» — советов по исправлению собственной судьбы. Сегодня мы приводим самый неоднозначный отрывок из книги — исповедь с того света. Это письмо героини — умершей светской дамы — новой жене своего мужа. Эта «исповедь с того света» наглядно иллюстрирует, как, обладая определенными знаниями, можно воссоздать ход мыслей той, которой уже нет в живых. Это под силу только проводнику, посвященному в тайну Гена Счастья.

Привет, птичка! Ну что, хорошо ли тебе в золотой клетке? Все-таки ты заняла мое место. Как же тебе это удалось?

Как правило, все как по нотам получается у тех, кто не ведает сомнений. А не ведает сомнений тот, кто не слишком много размышляет. Из этого тезиса и рождаются всякие присказки вроде «Видеть цель и не видеть препятствий», «Не заморачивайся», «Наглость города берет» и иже с ними. Видно, все дело в том, что анализ, сомнения, а уж тем паче угрызения со-

вести разрушают энергию, направленную на осуществление данной конкретной цели. Отсюда и выходит, что дуракам везет. Они не обедняют свой энергетический запал сомнениями в своих силах. Это им несложно, потому что они даже не в состоянии сопоставить свои возможности с реальностью. И часто у них все получается, согласитесь — города сдаются, чтобы их не сожгли сгоряча... Но сейчас я не про города, а про личную жизнь.

На мой взгляд, в отношении полов работает примерно тот же принцип. Человек может быть сколь угодно интеллектуально развит и образован, но в деле (уж пардон май френч) спаривания он руководствуется древнейшим инстинктом и полагается не на искусственные манипуляции, а на простой животный призыв. Ибо наличие этого призыва сигнализирует о положительном исходе предприятия — то есть, о безопасном и комфортном спаривании (а в случае с живой природой и желающими создать семью — еще и о здоровом потомстве). Но кто же транслирует этот «простой животный призыв»?

Ну во-первых, действительно цельные личности — простые здоровые люди обоих полов с повышенной сексуальностью, как-то — молодые пышногрудые доярки, крепкие физруки и пр. Ты же понимаешь, милая, что я сейчас даже не про тебя конкретно, а про образ. А во-вторых, такие же сигналы подают люди, у которых в смысле сближения нет границ, комплексов и страхов. Которые искренне любят секс, свое тело, не сомневаются в своей привлекательности и не боятся идти на контакт. Понятно, что это все идет изнутри и это не принудительные, а естественные мысли (хотя некоторые пытливые личности обучаются этому на специальных курсах). Думаю, люди обоих полов или рождаются с таким счастливым ощущением внутри — или их к нему приводит качественный позитивный опыт. Абсолютно точно, что внешность тут не при чем. Красавцы обоих полов нередко бывают еще более напряженными внутри, чем люди с обычной внешностью. И они не транслируют никакого притяжения, потом оправдывая это тем, что «я так хорош, что ко мне даже боятся подойти».

Вот мне тут шаман сказал, что подсознание (или «третий глаз», если по-шамански) формируется до 5 лет. Поэтому ребенок, которому ничего не запрещалось до 5 лет, вырастает неуправляемым или королем — и наоборот. И прочие ощущения от жизни и хода вещей записываются на подкорку именно в этом возрасте. Но, впрочем, это не так важно, потому что это можно исправить — стоит только захотеть...

Жаль, я знаю это только теперь — когда меня УЖЕ нет. Знай я заранее, расклад сил сейчас был бы другим.

В моей жизни было время, когда у меня не было ничего. Настолько ничего, что приходилось носить драные колготки. Но и тогда я на этом не ци-

клилась. Как говорила Элизабет Тейлор, роскошь — это не имущество, это отношение к нему. Если нет этой крохоборской «психологии нищеты», когда считаешь запасенные сухари, чтобы их хватило до конца недели, жизнь меняет систему координат — и появляется невыносимая легкость бытия. Жизнь превращается в праздник, и сухари сами собой сменяются эклерами.

Но пока считаешь сухари, у тебя и будут сухари! Как говорится, если копишь на машину, то однажды обязательно купишь машину. А если копишь на черный день, то однажды он обязательно настанет. Некоторым это тяжело осознать, а я поняла сразу: ну что толку экономить сушеный хлеб? Лучше уж наесться досыта сегодня, а на сытый желудок непременно что-нибудь придумается! А завтра будет новый день — и будет пища. И неужели можно впрямь бояться умереть с голода? Чтобы умереть от него, придется еще изрядно потрудиться! Вон моя приятельница Алиса месяц в клинике голодала за бешеные деньги — и не только не умерла, но даже не похудела!

А вот чтобы каждый день иметь установленную порцию «сухарей», достаточно просто начать относиться к жизни «по-сухариному». И будет у тебя по жизни «бедненько и чистенько» — и с голода не помрешь, но и звезду с неба не схватишь. По мне, такой уклад — он для усредненных, серых личностей. Они наедаются продуктами из «Пятерочки», а их воображение — сериалами и сплетнями с соседками и коллегами. Я из другого теста — и поняла это сразу, как стала себя осознавать.

Вы знаете, что такое аллегория?

Впрочем, это неважно. Айфон наверняка у вас есть, а в нем сегодня каждый может открыть википедию.

Моя жизненная аллегория — родом из песочницы. И самое время поделиться ею.

Наверное, в раннем детстве каждый из нас выходил во двор, вооруженный совочком, лопаточкой и формочками, чтобы поиграть с себе подобными в песочнице. Через час самозабвенного копания «народ» в песочнице начинал мериться «орудиями труда» — совочками, формочками и прочими копательными принадлежностями. Это была важная часть игры: качество, цвет и эстетическая красота «оборудования» прямо зависели от зарплаты родителей и у кого-то всегда были лучшие аксессуары. Маленькие копатели переживали, завидовали, жаловались родителям или учились мириться с тем, что у кого-то лучше, чем у тебя. Это соревнование на совочках было неотъемлемой частью социальной жизни в песочнице. И как я позже узнала, далеко за ее пределами. Впрочем, жизнь и есть одна большая песочница. Только копаются и соревнуются лопатками по тем же законам в ней не карапузы, а взрослые дяди и тети.

Я отличалась от прочих обитателей песочницы кардинально и это бросалось в глаза. Отличалась в главном: мне скучно было мериться формочками. Я никогда не падала до того, чтобы играть по правилам песочницы, правила выживания в которой мне в мои 4 года стали сразу ясны как белый день. Их было немного, но они неизменно работали.

Как и в мире взрослых, под всеми интригами в песочнице стоял экономический фактор — в нашем случае, самые красивые формочки и совочки. Их счастливые обладатели автоматически становились в песочнице главными — но только до тех пор пока им удавалось удерживать свои «активы» при себе. А за активы эти шла постоянная, незримая взрослому глазу борьба. Форму этой борьбы каждый обитатель песочницы выбирал, исходя из своего характера. И, что любопытно, в 4 года характер уже виден: и однажды избранная в песочнице форма битвы за свое благополучие частенько сопровождает подростка, а затем обрюзгшего и полысевшего, тщеславного карапуза с совочком по гроб его жизни.

Одни дети подлизывались к владельцам лучшего песочного инвентаря и выпрашивали их формочки и совочки сначала просто «подержать», потом поиграть. А дальше в зависимости от морально-волевых качеств попрошайки: кто-то усердно льстил хозяину лучших игрушек, чтобы стать лучшим другом и быть поближе к восхитительным формочкам и лопатке. Другие выжидали и в нужный момент применяли к владельцу «активов» манипуляцию: не успел дать поиграть, как назад просишь! Ты что, жа-а-а-дина???? Если вдруг хозяин модной лопаточки оказывался независимым от общественного мнения, отвечая «Ну и пусть я жадина, отдавай быстро!», в ход шел рев, шантаж или бойкот. Рев адресовался старшим — в основном, бабулям, сидящим неподалеку на лавочках с вязанием или беседами: «Бабууууулаяя, а Катя у меня совочек отнялаааааа!» И пока бабушки разберутся, что Катя отняла собственный совочек, искомый резонанс уже достигнут — крик, шум, песок в глазах... И уж глядишь, самая невыдержанная из бабушек напоминает Катиной бабушке былые обиды: а твоя-то вообще неизвестно от кого родила, вот и видно грязную кровь! И вот уже двор гудит, как улей, в песочнице девчонки таскают друг друга за косы, у Анютки кровь носом, гордая Катя швыряет обидчице свой песочный набор: да не нужен он мне вообще! А бабули, забыв о внуках, выясняют свои коммунальные отношения от царя Гороха. И никто не помнит, с чего все началось...

Шантаж от рева отличался предупреждением: будешь отбирать, заору! И если хозяин вожделенного всеми набора для песочницы оказывался пуглив до публичных скандалов — того самого, описанного выше масштабного рева с участием бабушек — он предпочитал быстрее отдать совочек

вымогателю — лишь бы не связываться. И случалось еще и сам выкручивался перед собственной бабулей, куда дел игрушки. Стоял глаза в пол: ну потерял... Не помню.. Больше не буду...

На таких родители обычно кричали: ты что думаешь, все с неба падает? Да твои родители день и ночь горбчатся, чтобы тебе игрушки покупать, а он потерял... Общество из песочницы обычно с любопытством прислушивалось к подобным сценам, после чего горе-хозяин «отжатого» совочка раз и навсегда получал статус — с ним так можно. И отдаст свое, и потом еще сам на себя вину возьмет и сам отмажет. Казалось бы, молиться надо на такого друга из песочницы! Но нет, даже самый маленький человеческий коллектив из песочницы устроен иначе. Что это ты такой добренький? Не, так не бывает! Мы-то не такие! Или ты хочешь показать нам, что ты лучше нас? Тебе и совочек новый купят, если что, а этот тебе не жаль, чтобы купить нашу дружбу? Ну уж нет: дружба наша не продается!!! Вот мы тебя научим «родину любить» — и игрушки не вернем, и жизни не дадим!

Проверенным способом овладеть чужими игрушками был и бойкот. Наиболее энергичный и харизматичный ребенок подбивал остальных дружить против обладателя лучших, чем у большинства, игрушек. Технично насаждал зависть и ненависть — и хозяин самого яркого совочка однажды оказывался перед выбором — или отдать игрушку, или оставаться изгоем. Любопытно, но стоило отдать свое гонителям, как вчерашние обиженные, вооружившись чужими «богатствами», начинали свысока относиться к дарителю. Ха, а у тебя такого нет! А у меня есть! Во ты лох!

Из этого первого жизненного опыта в песочнице маленькие люди выносили разный опыт: кто-то приходил к выводу, который взрослые называют «не твори добра, не плоди негодяев!» другие — хочешь быть вхож в песочницу и приемлем там, отдавай! А третьи открывали первый секрет успеха: хочешь быть всегда при делах и красивых игрушках, не отдавай, а отнимай.

Были и те, кто решал свои проблемы через «вышестоящие инстанции» — родителей. Они молчали в песочнице, зато дома выносили мозг папам и мамам, скандаля и топя ногами, требовали совочек получше. Какое-то родители сдавались и покупали, чтобы чадо было «не хуже остальных». Другие объясняли, что не в совочке счастье. Третьи или игнорировали, или советовали: «Хочешь? Ну вот и сделай так, чтобы и у тебя был! А из родителей любой дурак вымогать умеет!» И жалобщики из тех, кто посмелее, с благословения предков переходили в разряд рекэтиров.

Но были и детки, которые проявляли свое желание обладать завидным совочком вообще нерациональным способом! Они оговаривали обладателя предмета их зависти перед своими родителями, те жаловались другим родителям — пока удивленный владелец желанного всем совочка не получал

по полной за то, что «подговорил всю песочницу сыпать друг другу песком в глаза». Он ничего такого не делал, но и оправдаться ему не удавалось: все были против него. И либо его наказывали за то, что он не совершал, либо его мама назло врагам не верила в виновность своего чада — но тогда ему приходилось играть в другом месте. «Песочное общество» при поддержке старших больше не принимало «гнусного заговорщика» в свои ряды.

Лично мне всегда казался странным «гешефт» таких ябедников, ведь они не достигали главной своей цели — искомых игрушек! Очевидно, им было просто приятно наблюдать то, что взрослые называют «богатые тоже плачут». Мол, совочек у тебя, конечно, самый крутой — но отшлепали тебя как простого смертного!

Лично я никогда не опускалась до того, чтобы получать интересующие меня игрушки силой или интригами. Я просто искренне восхищалась ими и хвалила. Я могла совершенно без задней мысли сказать: какая ты счастливая, Катя, у тебя такая красивая формочка и совочек в тон! Я тоже мечтаю о таких и, надеюсь, однажды и мне такие купят!» Я искренне верила, что Катя (Маша, Ваня, Оля и как бы их не звали), очевидно, в чем-то более достойные дети, чем я. Может, более послушные или ласковые, раз они заслужили такие чудесные подарки! И очень часто Катя или Маша исключительно по собственному почину говорили: «Ну что ты, подумаешь! Да у меня таких совочков целая комната! Бери и играй, сколько хочешь! А хочешь, насовсем забирай! Да мне таких еще папа сколько хочешь купит!"

Я брала и играла. Но сколько в этом возрасте можно радоваться совочку и формочке? Игрушки быстро надоедают, а вот чарующее обаяние великодушия запоминаются надолго! Обитатели песочницы, способные на широкие жесты — вот были мои герои! Их игрушки я всегда возвращала и старалась быть рядом: тем, кто умеет дать поиграть (дарить, угощать, помогать, etc) красиво, благородно, элегантно и не унижая того, кому желает помочь, жизнь все время возвращает их подарки втройне!

Но только в том случае, если даритель делает это от чистого сердца — это тоже урок жизни из песочницы во дворе. Если делаешь это от только того, что тебя берут «на слабо» (а слабо тебе мне подарить твою формочку, мама заругает, ха-ха-ха!), жизнь тоже вернет тебе не раз — но только не игрушку, а то самое «слабо". И людей, которые в разные периоды твоей жизни будут вынуждать тебя к разным поступкам — но именно вот таким способом. Как говорили в 90-е, будут «брать на понт» и «ловить за язык».

А чтобы получать подарки от души, надо и дарить их от души, и если и завидовать, то белой завистью, искренне восхищаясь. А чтобы искренне восхищаться и радоваться за других, надо их любить. И вот тут главная фишка: если ты от природы не олигофрен и у тебя есть критический ум и

логическое мышление, то любить этот мир ох как трудно! Это, пожалуй, самая трудная из задач. И вот тут приходит на помощь воображение: оно накладывает идеальную картинку, которая живет внутри тебя, на реальность. Покрывает ее, как переводилка из детства.

Ты же не можешь идти легко, красиво и благородно по жизни, которая пахнет дерьмом? И дарить свое общение и «совочки» неприятным и не порядочным людям? Значит, нужно раскрасить действительность своими силами — своим позитивом, надеть розовые очки не только на себя, но и на всех вокруг. Жар-птицы не живут в грязных курятниках. Стало быть, хочешь быть жар-птицей, создай курятник под себя.

Конечно, прекрасных живительных запасов воображения не всегда хватает на то, чтобы закамуфлировать всю ту чернуху, которая нет да проникнет в золоченую клетку для гордой яркой птички с диковинным оперением. И тогда приходится помочь воображению: подпитать его парой-тройкой бокалов дорогого шампанского. Чтобы слегка измененное сознание вытасило твой внутренний идеальный мир и наложило его на этот, несовершенный. В конце концов, бытие определяет сознание или наоборот — человечество, по-моему, так и не разобралось...

«Болезнь безупречности, от нее и спиваются», — я понимала, откуда взяли эти строки «Смысловые галлюцинации», когда еще их можно было услышать по радио. Но не зря в моей «песочнице» хоть и любят порассуждать о высоком на раутах, среди своих все друг другу советуют «не морочиться». Исстари в нашей стране так повелось, что элиту губят не кризисы и войны, а рефлексия. А если ты еще и склонна к ней от природы, то поддаваться ей — сродни самоубийству! Лучше бутылка шампусика перед сном, чем час самокопания. От первого утром голова поболит до первой таблетки алказельцера, а от второго душа всю жизнь может болеть. Рефлексия — это тревога ни о чем или, как говорит одна моя подруга, «мысли в пользу бедных». Это морщины и хмурый вид, которые, в свою очередь, приводят к появлению веселой тупорылой молодухи у мужа и выпадению из обоймы. Поэтому у нас все знают: если чувствуешь себя не в тонусе, то уж лучше элитное вино и молодой физрук, чем тяжелые мысли, недовольное лицо и претензии.

Идти по жизни легко и с песней. Ровно столько, сколько держат ноги. И эти ноги должны быть на шпильках — даже если устала, даже если больно. Даже если очень хочется мягкие тапки с мишками и расплакаться в мамينو плечо — потому что все не совсем так (а если честно, совсем не так!), как эта глянцевая картинка, которую ты собственноручно превращаешь в жизнь.

Это как в бальных танцах или фигурном катании — вспомните! Вот эта пара танцует красиво, сложные па выделяет, видно, что профи, что годы

тренировки... А вот эта танцует легко: вроде все то же самое — и сложность, и мастерство... Но, глядя на них, как-то не думается об изнурительных репетициях, о поте у станка, о силе воли и упорстве... Кажется, что они уже родились танцующими. Кажется, что им все дается легко и без труда. Это люди, поцелованные Богом, это люди-праздник. Они излучают ту самую невыносимую легкость бытия и одновременно загадку. Несложно узнать, где, кто и за сколько натренировал первую пару. Но «почему-тебе-все-дается-легко», узнать невозможно! И это вызывает самую глухую и тяжелую зависть!

Девочки — и маленькие из песочницы с совочками, и подростки — из тусовки, «все на шанели» — одинаково странные существа. Все в глубине души считают себя лучшими, но напряженно думают при этом: я, конечно, намного лучше, чем она... Но вот если бы мне еще ее мужа (бриллианты, авто, шубу, образ жизни), уж я бы ее точно переплюнула! Нет, ну ей все досталось несправедливо! Она каким-то образом ухватила то, что куда лучше бы смотрелось на мне. И муж ее лучше бы на мне смотрелся, и все остальное ее добро тоже...

Ну вот теперь на тебе и мой муж, и мои побрякушки — стало ли тебе все даваться легко? Нет? И не знаешь, почему?

Ну не зря же я тут так подробно рассказывала про законы песочницы. Временный, промежуточный, успех всегда оборачивается горечью песка во рту и в глазах. Увы. И это я тоже теперь знаю точно. Неприятно, когда тебе на голову сыплют песок. Вообще неприятно, когда тебя засыпают землей! Вот никому не пожелаю слышать это звук, честно!

Мне сверху (или снизу — кому как удобнее воспринимать) видно все — это и грустно, и отратно. Грустно, потому что мир в очередной раз доказал свое несовершенство, как уже бывало бесчисленное количество раз от сотворения мира. Люди лицемерны и изворотливы, но при наблюдении сверху и со стороны (или снизу и со стороны — что, в сущности, одно и то же — в общем, оттуда, где сейчас я) даже самые одаренные лицедеи однажды сбрасывают личины и оказываются тем, кем являются на самом деле. Чаще — негодьями.

А негодья делятся на талантливых и креативных (это, пожалуй, лучшие из всех) и на негодяев скучных — тупо жадных, завистливых и злых. А те, кто не подонки, те обычно слабаки. Слабаки делятся на «блаженненьких» — они наивно верят в лучшее и делают все бескорыстно, поэтому долго никогда не живут. Ну или живут, но в дурдомах или тюрьмах. Слабаки же банальные живут долго и счастливо — считая те самые сухари, с которых я начала.

Есть и другие, но их меньшинство. Те у кого «точка сборки» выше половых органов, в которые надо заарканить выгодного партнера, и пупа,

который надо набить под завязку. Точка сборки на уровне сердца требует переживаний иного порядка. Если такие есть среди моих читателей, они сейчас понимают, о чем речь. И у них не возникает глупого вопроса, зачем мне понадобилась вся эта история?!

А те, чья «точка сборки» на уровне лба, может, и не одобряют мою затею — но они так давно просветлились и привыкли к буржуазному покою своей индивидуальной нирваны, что уже никогда не опустятся до осуждения моих маленьких экзерсисов на тему жизни и смерти. Тем более, это бесценный опыт для тех, кто еще жив!

Люди похожи на тряпичных кукол, вечно сетующих на своего «жестокоего Карабаса-Барабаса». Но стоит этому кукловоду бросить нитки от марионеток, как вчерашние герои обмякают и лежат безвольными тряпочками.

«Скучно, господа!» — как повторяла героиня какой-то мелодрамы из моего детства. Без шампанского можно было бы уже умереть со скуки! Кстати, оно дает более чистую энергию, чем любимый вами секс. Интим как физиология не дает ничего — если только тем, кто недалеко ушел в своем духовном развитии (не путать с моралью и нравственностью) от Жучки, совокупляющейся с Шариком в дачном дворе. В простом — иногда веселом, иногда жестоком, но здоровом духом мире животных и правда важно другое — чтобы у Шарика был большой и стоял, чтобы Жучка понесла здоровых щенят. Закон продолжения рода и сохранения жизни. Примитивные, но жизненно-важные ценности, которые иногда бывают спасительными при запущенной рефлексии, о которой я тоже не случайно говорила выше.

Но если вы не дорефлексируетесь до желания наложить себя руки из-за судеб человечества, простые «шариковские» ценности вам пока ни к чему. И тогда вам важен не столько сам секс (любовь, дружба, путешествия, пр), а те энергии, которые ваше окружение транслирует в этих обстоятельствах. Вы ими питаетесь. Если вы живете среди богатых и успешных, то питаетесь их излучениями. Вам может не хватать, например, высоких энергетических «излучений» — и тогда вас неудержимо тянет на вернисаж, в музей, пожертвовать на благотворительность... Вы компенсируете то, чего вам не достает. А конкретно энергетика секса — а вернее, энергетика мужского желания — нужна как раз не тогда, когда тебе хочется физиологического полового контакта, а наоборот!

Я не сумасшедшая и посвященные меня поймут. Именно когда ты понимаешь, что этот вопрос перестает тебя волновать, надо срочно подпитаться энергией мужской страсти — если ты женщина. И наоборот — если ты мужчина. Или от тебя станет невольно отдаляться твой постоянный партнер.

Тот единственный, кого ты любишь без оговорок. Без сносок и оценок его морально-волевых качеств. Это твой единственный на всем свете че-

ловек. Потому что он единственно энергетически-правильный для тебя, а ты для него. Он полностью удовлетворяет твой голод, а ты — его. Но чтобы сохранять эту идиллию, ни одна из сторон не должна истощаться, своевременно подпитываясь в разных местах — чтобы самое лучшее и самое важное отдавать единственному. Такая связка нерушима — и ты тоже это знаешь. Ее можно разрушить только в том случае, если одна сторона полностью истратила свой ресурс и от нее осталась только оболочка. Ты наивно думала, что выпила меня изнутри. Но я умею притворяться выжатой, если это надо для того, чтобы затаиться и взять паузу. Но и способы быстро восстановиться я знаю, когда нужно восстать из пепла — прямо как птица Феникс.

Есть на свете такие пары, разлучить которые невозможно. Вернее, это можно сделать технически — развести, оговорить, даже умертвить одного из двоих. Но кармическая их связь столь сильна, что «обратки» будут приходить даже не ежедневно — ежеминутно. В виде болезней, пьянства, депрессии, агрессии. Пока не настанет логический конец — соединение назад, на этом ли свете, на том ли...

Впрочем, поверьте мне: разницы большой нет — этот свет, тот свет, высший свет, свет в конце тоннеля...

Мы — это не только набор хромосом, но и набор мыслей — высказанных и нет. И эта субстанция существует и воздействует на другие субстанции даже когда физического тела уже нет в помине.

Как говорил мудрец, есть время разбрасывать камни, есть время их собирать. Есть время строить и есть — рушить. Все мы время от времени оказываемся во времени «рушить». Но если соблюдать осторожность, можно миновать его без потерь и вырасти над собой — без ошибок и синяков не бывает роста.

...Зарождаясь, серебряный свет в голове дает шанс новой жизни — нового, пронзительного и острого взгляда сквозь время, сквозь события и даже сквозь людей. К этому надо привыкнуть, но дорогу к этому я начала не вчера. Теперь я вижу намного больше, чем свет и тень, предметы и лица, я вижу их причинно-следственную связь, которая и движет миром. И вижу способ на нее влиять.

Практикум. «Устами умершего» к нам может обращаться наш род, который и состоит из предков и потомков. Услышать его — вот наша главная задача, и тогда мы сможем влиять на собственную судьбу. Но для этого нам необходимы базовые знания, которые и дает книга «ГЕН СЧАСТЬЯ». Читайте и помните — *Все, что происходит с нами — не случайно!*

МЕСТЬ АМАЗОНКИ: ДРАМА В СЕДЛЕ

(Отрывок из книги «Ген счастья»)

Рита — невысокая, крепкая, русая. Ее можно было бы назвать красивой той воспетой поэтами «неброской среднерусской красотой», если бы не тяжелый взгляд и затаенная боль в опухших красноватых глазах. Сейчас они просто заплаканные, а вообще василькового цвета. Ритин папа Петр Ильич (или попросту Петро, как его величают братья по казачеству) с детства любил верховую езду, а в конце 90-х хобби Петро стало бизнесом.

— Раньше отец в областном центре работал главным инженером на крупном предприятии, — рассказывает 21-летняя дочь Петро Рита. — Нагрузка большая у него была. Домой придет, мать ужин подаст. Он съест и падает на кровать как мертвый. Но чуть выходной появится — он сразу меня и маму в охапку и в деревню, где родился. Там у бабушки дом с большим участком, и отец у нее на подворье лошадей держал. Всегда две-три коняшки у него были. Он говорил, что они ему жить помогают. Я тоже с трех лет в седле, и ухаживать могу, и объезжать.

После августа 1998 лошади действительно помогли Петро и его семье: он потерял работу, но накопления остались. На них он отстроил близ родной деревни просторную конюшню с манежем и левадой. А к ней — небольшую гостиницу. Петро прикупил к своим трем лошадам еще 5 голов, а заодно взял на постой и обслуживание несколько частных лошадей, нанял коноводов, шорников, кузнецов, тренеров и открыл конный прокат. Недалеко от тех мест как раз отстроился элитный дачный поселок, и затея Петро стала пользоваться успехом у новых дачников. Рита тогда еще училась в 5 классе, но на выходные приезжала в деревню и помогала отцу обучать новичков — водила по манежу на корде. А Ритина мама, Елизавета Петровна, экономист по образованию, вела общую бухгалтерию. Назвали семейное предприятие романтично — «Приют амазонки».

Спустя пару лет Рите доверили объезжать и воспитывать новых лошадей под прокатные нужды. И вскоре у нее появилась любимица — ахалтекинка по кличке Особенная.

— Отец ее жеребенком привез, я ее буквально выходила-выкормила, воспитала. Я тогда только школу окончила, а в институт пока поступать не стала — полностью посвятила себя лошадям. Сначала думала: годик поработаю, а потом подам документы в сельхозакадемию. Но через год у мамы случился инсульт. А еще через три месяца — второй. Она почти перестала разговаривать, у нее обездвижилась левая часть тела. А ведь ей всего 42 года!

В тот год в городской квартире Рита бывала лишь наездами, но все равно стала замечать: между родителями что-то неладно. Отец практически переселился в гостевой домик при конюшне. Мама выглядела подавленной и нездоровой. Рита нередко заставляла папу и маму за разговором на повышенных тонах, но при ней они тут же умолкали:

Я особого значения этим разборкам не придавала, — признается Рита. — Они ж у меня с техникума, то есть, с 17 лет вместе — на одном курсе учились. Три года встречались, потом поженились, а когда им по 21 было, у них я появилась. Я думала, если у людей целая жизнь вместе за плечами, разберутся как-нибудь...

Ахалтекинка Особенная — тонконогая лошадка, характерная и гордая, как и любая красивая женщина. Если что-то ей не по нраву или просто встала не с той ноги, никому не даст к себе подойти — кроме Риты. А если Особенная в хорошем расположении духа, то покладистее и мягче лошадки не сыскать.

— Как-то Особенная приболела, — вспоминает Рита. — В тот вечер на конюшне я одна была, да сторож в будке. Ветеринар только с утра мог приехать. Я дала Особенной на ночь лекарство и заперла в стойле. Приехала в бабкин дом, а на сердце неспокойно — не станет ли плохо от этого лекарства лошадке моей? Я же все-таки не врач. Хотела у отца совета спросить, но он на мобильник не отвечал. Накануне он предупредил, что едет на казачий слет в соседний город. Ну, думаю, празднуют небось что-нибудь в мужской компании. В последнее время частенько папаня мой стал и кутить, и поддавать...

Так и не уснув, Рита в час ночи примчалась проведать свою Особенную. И услышала шорохи в одном из гостевых домиков «Уж не воры ли?» — испугалась Рита. Сторож крепко спал в своей будке. Подкравшись к окну, Рита тихонько заглянула внутрь домика. Луна стояла полная, и Рита прекрасно разглядела все, что там происходит. На кровати ее отец занимался любовью с молодой девушкой.

— Я знала ее, — говорит Рита — и в ее глазах до сих пор читается ненависть. — Это наша клиентка, с соседних богатых дач. На тот момент где-то полгода приезжала к нам каждую субботу. Отец ее сам в седло сажал, сам азам обучал и сам первый раз в поля вывез. Он еще ее Дианой называл — мол, в седле держится со статью богини-охотницы. Да какая она на фиг богиня! Так, ерунда — только папик богатый, морда смазливенькая да волосы до попы.

Ее Анной зовут...

Рита поняла одно: она невольно стала свидетельницей чего-то фатального. Ее саму отец воспитывал в строгости в отношении парней, и в свой 21 год Рита оставалась девственницей.

— Увиденное меня поразило так, что я сначала разрыдалась, не могла остановиться. Прыгнула в машину, ринулась назад в бабкин дом, в погребке нашла самогонку и с горя хватанула целый стакан — первый раз в жизни! Так хреново было на душе! А потом взяла и матери позвонила. Я даже как-то не подумала, правильно ли я поступаю? Может, мне надо было отца подкараулить и сначала с ним поговорить? Но я не соображала ничего, мне самой будто бы совет нужен был: как мне относиться к тому, что я увидела?

На часах был третий час ночи, но Елизавета Петровна сняла трубку сразу. Выслушав рыдающую дочь, она вялым, ровным голосом, а таким он у нее был весь последний год после инсульта, она сказала:

— Я давно все знаю, ее Анной зовут. Отец со мной серьезно говорил: он уже год с ней встречается, сильно влюблен и теперь решил уйти к ней насовсем. Сказал, что будет нас с тобой обеспечивать. У этой Анны очень богатый отец, так что Петро уйдет жить к ней, квартира останется нам. То есть, тебе, — поправилась мать. — И на конюшне ты сможешь бывать сколько захочешь. Мы должны понять его, дочь, он еще молодой мужчина, а я сильно болею...

— Мать, ты что — дура? — закричала Рита в отчаянии и нажала отбой.

Через день была суббота. Рита, как обычно, с утра была на конюшне, принимала клиентов. Стояла сильная жара, лошади были квелые, но нервные — их мучили слепни.

— Отец приехал часов в пять, — вспоминает Рита, — выглядел он бодрым и счастливым. У меня аж дыхание перехватило, когда он, выходя из своего новенького блестящего джипа, раскинул руки и прокричал: а жизнь-то налаживается! Тогда впервые в жизни во мне шевельнулась ненависть к нему. Я забежала в тренерскую и позвонила матери, которая была в городской квартире:

— Срочно позвони ему и вызови в город, — сказала Рита матери. — Придумай что-нибудь: скажи, что тебе стало плохо, лекарства нужны. Или что с бухгалтерией путаница. Или... Ну, в общем, все сойдет.

— Рита, не дури! — пыталась осадить дочь Елизавета Петровна.

— Я сказала тебе, делай! — крикнула дочь. — Хотя бы ради меня!

Рита нервно лупит себя по коленке конским хлыстом.

— Я не была уверена, что мать позвонит, — продолжает она. — Был ли у меня план? Скорее, нет. Я просто точно знала: в 7 обычно приезжает ОНА, она любит скакать на закате, ее отец приучил. Я подсчитала: если матери удастся вызвать отца в город, он не успеет вернуться к ее приезду. Зачем мне это было нужно, я тогда еще до конца не понимала. Возможно, я хотела поговорить с ней с глазу на глаз. У меня на душе была сумятица.

Елизавета Петровна все же исполнила просьбу дочери и позвонила мужу. И Петро, сказав, что дело срочное, сел в машину и умчался в город. Вернуться обещал не раньше, чем часа через три.

Лошадь ее мечты

Как только — ровно в 7 — у конюшни появилась кокетливая «Тойота» Анны, Рита крикнула инструктору смены Даше:

— Седлай Особенную!

— Уверена? — усомнилась опытная Дашка. — Она еще не оклемалась еще, даже в стойле стоит беспокойно.

— Сказала — седлай! — оборвала Рита справедливое возражение на правах хозяйки.

— Я знала, что эта Анна всегда просила у отца Особенную, буквально выпрашивала, — поясняет Рита. — Это была лошадь ее мечты. Но отец пошел ей навстречу всего-то два раза, и то только в своем присутствии — боялся за свою милую. Все-таки Особенная — лошадь под опытного седока, а Анна эта в седле без году неделя. Я была уверена: разрушительница нашей семьи обрадуется моему выбору. Так оно и произошло.

Клиентка растерянно озиралась по сторонам.

— Я-то видела, что она ищет глазами отца, не понимает, почему его нет, — продолжает Рита. — Обычно он сам ее встречал по субботам. А спросить, где он, она боялась, конечно, змея! Но, увидев, кого ей выводят из стойла, эта дурища обо всем на свете забыла, и об отце тоже, и закричала: «Ура! Ура, Особенная! Рита, большое спасибо!» А Дашка стояла и все с сомнением качала головой.

Рита делает глубокую затяжку:

— Я знала и другое: после 7 вылетает мошка, Особенная ее переносит плохо, «козлит» (отбивает задними ногами) и делает свечки (встает на дыбы). И еще я знала, что Особенная до сих пор не выздоровела. А в болезни эта лошадь непредсказуема и неуправляема. Я хотела проучить эту наглую Анну. Я хотела, чтобы она почувствовала себя ничтожеством. Я хотела, чтобы ей было так же плохо, как мне. Но у меня не было конкретной мысли ее покалечить.

— Езжайте в поля! — махнула Рита Даше, увидев, что та заводит Особенную в леваду. Даша снова с сомнением уставилась на Риту: обычно в поля выезжают «сменной», а это не менее пяти всадников. В большой смене легче удержать лошадь, если ей вздумается «нести» — мчаться по собственному настроению и направлению, не слушаясь команд всадника и инструктора. Вдвоем в полях — почти так же опасно как одному. В одиночестве гарцуют по открытому пространству только очень опытные наездники. И Даша, конечно, понимала: если Особенная начнет «козлить» в полях, даже опытный

инструктор едва ли поможет ее наезднику. Но ничего не сказала, она боялась, что Рита нажалуется отцу и тот ее уволит. А Даше нужна была эта работа.

— Я стояла и смотрела, как две фигурки всадниц рысью удаляются в сторону леса. Я ни о чем не думала, — продолжает моя собеседница свою исповедь. — И когда вдруг, откуда ни возьмись, появился отец и с криком «Почему в поля отпустили двоих?» вскочил на Орлика и умчался в сторону леса, я тоже ни о чем не думала. Мне впервые за последние дни стало спокойно и как-то ... безразлично!

Я даже не помню через какое время со стороны леса появился отец на Орлике. Его ненаглядная Анна лежала у него поперек седла — как в сказке про похищенную красавицу. За ними ехала Дашка на Балчуге — бледная как полотно. Наверное, они уже вызвали «скорую» с мобильного, потому что она подъехала практически сразу. Оттуда вытащили носилки, на них положили Анну... Я все это наблюдала как во сне. Только спросила: где Особенная? Ее нигде не было. Слышала только, как Дашка сказала кому-то: «Сбросила, упала на спину, копытом ударила, убежала в лес». Я поняла только, что на спину упала Анна, а все остальное — сбросила, ударила, убежала — сделала моя Особенная, моя умная девочка. Еще я поняла, кому были адресованы сказанные в никуда слова отца: «Я тебе никогда этого не прощу!»

Особенная вернулась сама, часа через три. Она была вся ободранная, в репейниках и еловых иглах, со съехавшим набок седлом — наверное, от всей души носилась по лесу. Рита аккуратно вычистила ее, накормила и поставила назад в стойло.

Падение на будущее

— С этой Анной все в порядке, — заканчивает Рита свою исповедь. — Вроде подозревали серьезную травму позвоночника, она три дня пошевеливаться не могла. Но все обошлось, это просто шок был. Отделалась ушибами и испугом. Слышала, что богатые родители собираются увезти любимую дочурку куда-то в Швейцарию на реабилитацию. Ну туда ей и дорожка! Отца я с тех пор не видела, он куда-то уехал. Может, под окнами палаты своей Анны ночует, я не знаю. Но самое обидное, что мать со мной не разговаривает. Она, как узнала, какая лошадь и кого скинула, только и сказала: «Это не могло быть случайностью!» Она же всех лошадей не хуже моего знает. С тех пор вообще молчит...

— А ты не боишься, что Анна подаст на тебя в суд?— отвечаю я вопросом на вопрос.

— У нас все клиенты, перед тем как сесть в седло, подписывают типовую бумагу, что с техникой безопасности ознакомлены и, в случае чего, претензий к прокатчикам не имеют, — уверенно отвечает Рита. — Лошадь же живое существо — и если неопытная наездница не смогла с ней управиться,

кто же в этом виноват? Не можем же мы, в самом деле, отвечать за то, какое у лошади настроение! Знаешь, что мы, конники, называем «падением на будущее»? Если какой-то зарвавшийся новичок «теряет берега» — лезет на необъезженного или чужого коня, пытается его подстроить под себя, гарцует и выпендривается перед другими — никто его не останавливает. Все равно такого всадника сам конь рано или поздно сбросит. Это больно, нередко с серьезными травмами. И тогда у упавшего два пути: проявить слабость и навсегда распрощаться с верховой ездой. Или проявить силу воли и вернуться. И если такой всадник возвращается, он всегда приносит торт — тем, кто позволил ему упасть. В благодарность за науку и в знак того, что урок получен и осознан. Я, конечно, уверена, что эта Анна — слабая! И не вернется никогда — ни на конюшню, ни к моему отцу. А даже если и вернется с тортом, теперь она на всю жизнь усвоит: чужого коня без спросу не садлают.

Петр ШАРГАНОВ

ТОЛЬКО АНГЕЛЫ С НЕБА НЕ ПРОСЯТ ХЛЕБА

сказка

Большие снежинки падали на мокрый булыжник мостовой и таяли. Еще быстрее они таяли на клеенке. Не мудрено — клеенкой был

укрыт теплый, только что спеченный хлеб. Раннее утро, зябко, тревожно. Улица еще не проснулась. Грустно, тоскливо на душе.

На дворе двадцатые годы, январь. В Москве голодно, а на тележке полста буханок, укрытые старой домашней клеенкой.

Да, духовит хлебушек! Моська корочку спозаранку прожевал. Но есть хотелось все время, от того он старался не думать о еде. Но легко сбивал с мысли дурманящий запах ржаного хлеба.

Буханки громадные, чуть не в три фунта. Одна такая выручит семью ртов в шесть-семь. Каждая, с поджаристой коркой, с коричневым гребешком на боку.

Рыхлый мякиш не сравнить с плотной коркой. Мякиш сразу тает во рту и без оглядки летит в утробу. Не успеешь понять, что проглотил кусок теста или отруби. Вкуса не почувствуешь, пользы не принесешь, одно расстройство и неприятности. Словом, если ты не удержался и отщипнул от чужого хлеба мякиша, изуродуешь буханку и обретишь позор, как мелкий пакостник и воришка. Вовеки от дурной славы не очистишься. А мистер Сомерс доверяет Моське. Мистер Джонатан Сомерс представитель дяди Сема в молодой Советской республике. Он помогает стране справиться с голодом и разрухой на Американской товарной бирже. Да, разве такую ораву, как Москва, прокормишь!

Ох, как соблазнительно пахнет теплый хлеб! А при морозце запах усиливается, прямо сшибает с ног, спасибо тележка удерживает. Опять пошли мысли о хлебе.

Другое дело гребешок от буханки. Сломай краешек гребешка, буханки не убудет. Тут никто обижаться не станет. Откуси ноздреватый, чуть пригорелый плотный кусочек. Задержи во рту, на секунду, ощути целительную, терпкую его

сладость. Сколько оттенков вкуса у него, у ржаного хлеба!словно все поле ржи с колосками, васильками, стрижами, знойным воздухом, напоенным полдненным солнцем, ухватил. Плотно зажми губы, небом и языком раскроши гребешок в мелкие комочки. Потом похрусти от души, смачно. В нос задиристо пахнет ароматным кисловатым жомом. Неспешно прожуй спасительную для твоего всегда голодного организма массу и проглоти, как самую полезную пилюлю. С гребешком от корки почувствуешь всю щедрую душу хлеба. Кто ж поспорит: ржаной хлеб — еда!

С такими, мыслями, Моська толкал перед собой тележку и опасливо озирался по сторонам. Быстро и незаметно надо пройти, что бы, кто не учуял. Особенно, местная шпана.

Впереди, три переулка и одна улица, и бульварами с полчаса ходу. Прошлый раз столкнулся с тремя обломами, сразу заворачивать стали телегу в подворотню. Хорошо мимо взвод солдат охраны, в баню шел. Моська заорал: «Караул, грабят! Хлеб у трудового народа грабят!» Отбили у обломов тележку. Правда, обошлось это американской бирже в девять буханок.

Теперь в кармане у Моськи, брата Вовки пугач «Бульдог». «Ежели, кто сунется, прямо в нос шарахну», — храбрится Моська.

А сам боится и в кармане его держать. Вдруг разрядится в ногу или в низ живота.

— Мальчик, что везете? — откуда только выискалась, пискля такая. Вся платком обвязана с ног до головы. Маленькая, чуть выше тележки, соплячка.

— Чего надо, то и везу, — нарочито грубо ответил Моська, ускоряя движение. А девчонка рядом бежит, Молчит, не спрашивает больше ничего. Долго бежит, вот и переулок ее позади.

— Чего пристала? Брысь, малявка.

— Хлебушком пахнет. Мальчик, дайте кусочек, мочи нет, как хочется хлебушка.

— Еще чего, хлебушка захотела, — пробурчал Моська, А сам, озирается по сторонам, нет ли у девчонки подмоги, вроде тех обломов. Кажется, нет.

Глянул на закутанное в платок лицо девчонки. Глаза, как у большой, громадные, в слезах. Брови изломаны в мучительной гримасе. Брр! Страшно даже смотреть на нее, как мучается голодом. Моська отвел глаза, тем более, что левое колесо, как раз со стороны девчонки, попало в рытвину и тележка подпрыгнула. Из тележки выскочили пара буханок. Ловко, как кошка, девчонка подхватила их, прижав к груди. Пока Моська тормозил движение тележки, она, как бы боясь буханок, словно это были бомбы, резким движением отбросила их на прежнее место. Затем, также быстро погладила их, словно извиняясь, и подсунула под клеенку. Мгновения, кажется, не прошло, как она отпрыгнула в сторону и застыла, спрятав руки за спину.

Моська, просмотрев этот быстрый кадр из немого кино, только и сообразил в конце произнести скупое:

— Спасибо.

Машинально, стронув тележку с места, он покатил ее дальше. Пройдя несколько шагов, обернулся, Девчонка стояла на прежнем месте. Он толкал тележку, а девочка стоит и смотрит ему в след. Поразительно: хрупкое и беззащитное существо становилось все меньше и меньше, а глаза, смотревшие на него, со смертной тоской, все больше и больше. Снежинки облепили ее ресницы, тонким пухом устлали голову и плечи, так что платок сделался белым, как саван.

Моське показалось, что в утренних сумерках стоит Снегурка. Кажется, вот-вот растает от голода. Щемящая жалость резала сердце пополам.

— Беги сюда, — крикнул, он, — скорей!

Снегурка бросилась к нему.

Что с ним происходило, он не понимал — Моська, словно потерял рассудок. Откинув клеенку, он стал ломать золотистые гребешки корок. Один, другой, третий. Не уgomонился, пока не обломал всё. Образовавшую горку он не мог собрать разом руками и, схватив часть в охапку, лихорадочно соображал, куда ее сунуть.

— Дай что-нибудь — строго, потребовал он.

Снегурка, вначале, схватила за подол. Тут же передумала и скинула платок. Из-под платка ссыпалось водопадом на плечи шелковое золото длинных волос. Золото так искрилось, путаясь в снежинках и такой сумасшедшей красотой переливалось, что Моська застыл, как в столбняке, разинув рот. Снегурка протянула ему платок.

— Возьмите, мальчик.

Моська очнулся. Уложив, гребешки корок в платок, свернув его втрое, протянул Снегурке.

Господи! Кто же это, такая? Перед ним стояла и Снегурка, и удивительной красоты Фея. Да, разумеется, это была та самая девчонка, с огромными серыми глазами, пушистыми ресницами, с нежной, почти прозрачной белизной лица, с шелковой роскошью золотых волос. Та самая, соплячка, малявка. Мотылек, только-только, перешагнувший ту невидимую грань, отделяющую девочку от красавицы девушки.

Она благодарно улыбалась Моське, как Фея, рыцарю, благородному освободителю своему от злого дракона Голода.

— Спаси тебя Христос, мальчик, — ласково сказала Фея.

— Да, ладно, чего там, кушай на здоровье.

Моська сердито и решительно ухватил тележку за рукоятки, и она загрохотала по булыге. Свежестью и белизной снега, зимнее утро, показалось Моське, необычайно пригожим.

Девчонка, Снегурка, Фея, осталась позади. Смотрела ему в след. А когда он свернул на бульвар, стряхнула с головы снежинки и бросилась бежать к своему дому. «И то, правда», — подумал Моська: — «только ангелы с неба не просят хлеба».

Ирина МАНИНА

ЧЁРНЫЙ БАРХАТ

Сегодня воскресенье, 17 мая. Собираясь на важное мероприятие, я решила выйти во двор, чтобы понять, как правильнее одеться. Весь день мне предстояло провести на открытом воздухе. Вчера еще было солнечно и тепло, а сегодня с утра небо хмурится, дождик накрапывает, холодный северный ветер ломится в окна. Вот вам и разгар весны: середина мая, а на термометре всего 8 градусов тепла! Б-р-р-р...

Выхожу из лифта и замечаю: на столике, около окна дежурной, стоит маленькая банка с водой, а в банке что-то шевелится. Подхожу ближе: две рыбки, одна из которых лежит на дне банки, не живая, а вторая — еще борется за жизнь. Она держится у поверхности воды из последних сил, еле-еле шевелит плавниками, и жадно хватается ртом воздух.

— Настя, — спрашиваю я у дежурной — откуда здесь взялась эта банка? Смотри, одна рыбка лежит на дне вверх брюшком, и вторая тоже может погибнуть. Жалко-то как...

— Не знаю, кто принёс и давно ли. Я пришла на дежурство в 8 часов утра, банка с рыбками уже была здесь.

Вдруг мне стало душно. Расстегнула верхнюю пуговицу кофточки, вышла из подъезда: дышать стало легче. В голове молоточком стучала мысль: «А как же рыбка? Ведь она сама не может выбраться из тесной банки. Её жизнь полностью зависит от человека. Кто ей поможет, если не я?»

Вернувшись в подъезд, взяла банку с рыбками и принесла к себе домой. Вспомнила, что когда была маленькой и училась в начальной школе, у нас был аквариум, и мой папа заботился о рыбках. У нас жили маленькие рыбки, разноцветные гуппи. Аквариум стоял на окне и папа каждую неделю менял часть воды на свежую, которую отстаивал специально, чистил дно и стенки аквариума, чтобы в прозрачной воде можно было любоваться рыбками. Моей обязанностью было кормить гуппи два раза в день. Мне очень нравилось

наблюдать, как они ловко хватают сухие пластинки корма, а потом, сытые, весело гоняются друг за другом. «Если прислушаться, то можно даже услышать их тоненький, прозрачный смех!» – так я говорила своим подружкам.

Моего папы нет с нами уже 10 лет, но память о том, чему он учил, как заботился о нас, как бережно относился ко всему живому, что его окружало, сохранилась. И светлые воспоминания сегодня вновь ожили благодаря маленькой рыбке. Наша память устроена так, что крошечная деталь, как волшебный клубок из сказки, может увести нас в приятные воспоминания прошлого, и это помогает найти силы для добрых дел в настоящем.

Живую рыбку я выловила ложкой, что было совсем не сложно, так как она почти не двигалась, и пустила в трёхлитровую банку со свежей водой. Воду взяла питьевую, купленную в магазине и разбавила ее «суточной», предназначенной для полива цветов. Я читала, что все живые существа, даже те, что не умеют говорить, общаются между собой каким-то особым способом, что всё живое на Земле связано между собой, и когда кому-то хорошо, то и тем, кто рядом, тоже становится хорошо, и наоборот. А раз так, то и мои цветы будут рады, что помогли рыбке своей «цветочной» водой.

Рыбка скользнула вглубь банки, потом поднялась к поверхности воды и... распустила плавники. Теперь я смогла рассмотреть её лучше. Какая она оказалась большая и красивая... Чёрная, на боках с золотисто-жёлтыми чешуйками, блестящими при электрическом освещении, с «шапочкой» на голове и двумя рожками над глазами, с длинным хвостом, похожим на прозрачный шлейф. Тельце у нее короткое, похожее на яйцо. На спине – высокий чёрный плавник, возвышается, словно парус корабля. И вся кажется мягкой, будто бархатной.

Интересно, что это за порода и как надо правильно ухаживать? Спрошу-ка я у Интернета. Так-так, по описанию подходит... вуалехвост, ЗОЛОТАЯ РЫБКА, из семейства карпов. Получается, что золотые рыбки – это маленькие карпы? Но золотые рыбки, на мой взгляд, должны быть золотого цвета, или оранжевого-красные, а у меня – чёрная. Смотрю другой сайт про рыбок. Там нахожу ответ: золотые рыбки бывают разного окраса, даже пятнистые и один из редких окрасов – чёрный.

— И как же тебя, золотая рыбка, назвать? Без имени жить нельзя, раз ты теперь член семьи. Может быть Чёрный бархат? Ты кажешься мне похожей на бархатный кусочек ткани. Или Майя, потому что попала к нам в мае? Подумаю об этом позже, а сейчас мне пора собираться — сказала я.

Рыбка несколько раз нырнула к дну банки, потом проплыла по кругу, поднялась к поверхности воды и еще раз опустилась, стала «клевать» дно банки. «Да она же есть просит» — предположила я!

Теперь, когда рыбка могла дышать кислородом, растворённым в воде, и ей не надо было всё время «висеть» у поверхности, для жизни нужна была еда... А чем кормят таких рыбок? Специальным кормом, наверное. У меня в запасе было еще 15 минут, а рядом с домом недавно открылся отдел для рыбаков. Решила я попытать счастья и говорю:

— Если, ты ЗОЛОТАЯ РЫБКА, то может быть и волшебная? Раз тебе суждено было выжить, тогда постарайся сделать так, чтобы я смогла найти тебе корм.

С этими словами я поспешила в магазин «Рыбачок»: вдруг там продают не только удочки, лески, и крючки для ловли рыб, но и корм.

В глубине магазина, за прилавком, возвышались красные щёки продавца.

— Да Вы что, дамочка у нас только снаряжение для ловли рыб и прикорм для приманки! – прогремел хриловатый голос.

И тут я вспоминаю, что папа кормил одну из рыбок, живущих в аквариуме, красными червячками. Хранились они на нижней полке холодильника, в мокрой тряпочке. Я никогда этот рыбий корм в руки не брала, не могла решиться. Но папа не боялся. Он говорил, что натуральная еда всегда полезней сухарей и консервов. Позже я узнала, что из этих червячков-мотылей появляются... комары! Это было целое открытие: комары, которые летают по воздуху, появляются из червячков, живущих в воде! Мотыль – личинка комара. Оказалось, что комар, который надоедает нам всё лето, лишь претворяется безобидным червячком в молодости, так говорил мне папа.

И я спросила у краснощёкого продавца, есть ли у них в продаже мотыль.

Он взглянул на меня, свирепо округлил глаза, взмахнул руками, словно отмахиваясь от назойливого комара, и прохрипел:

— Да что вы пристали. Мотыль, крупный, для насадки на крючок, чтобы ловить карпов. Вам не подойдёт.

Вот это да – ловить карпов! Родственников моей спасённой рыбки!

Я не сдавалась, так как было жалко мою голодную рыбу, и ответила продавцу:

— Порежу мотыля на части, и тогда моя рыбка сможет его съесть.

— Я не продаю поштучно! Только по 10 грамм, а это дорого — 30 рублей.

— Хорошо, — согласилась я. — Беру. Вот вам 30 рублей.

Широкие красные руки продавца протянули мне совсем маленький кулёчек из газетной бумаги.

— Спасибо вам!

Радостная, я прибежала домой, и развернула покупку. «Мотыли» оказались небольшими, очень подвижными. Они стали выползать из развёрнутой газеты во все стороны. Я положила газетку с мотылём в пластиковую коробочку. На удивление, страха и брезгливости, как в детстве, не было! Было

желание спасти, накормить рыбку. Двух самых шустрых червячков-мотылей я взяла пальцами и опустила в банку. Изгибаясь, словно в танце, они стали медленно опускаться на дно. Но, к моему огорчению, рыбка не обратила на них никакого внимания...

Мои старания оказались напрасными? Может, эта рыба не ест живых мотылей и ей нужен сухой корм? Но сегодня мне уже не удастся купить такой, надо дожидаться понедельника.

Рыба плавала в банке с водой, червяки-мотыли подпрыгивали на дне — всё, что я могла, сделала. Теперь пора уходить.

— Счастливо оставаться, рыбка! Если ты хочешь быть живой, и не умереть от голода, то придётся тебе съесть эту еду, — сказала я, уходя, и помахала рыбке рукой. Та, словно поняла, вильнула своим шлейфом-хвостом, и поплыла... на дно.

Вечером, когда я вернулась после мероприятия, в банке мотыля не было. Рыбка весело приветствовала меня, плавая вверх-вниз и распуская свои плавники.

— Молодец, рыбка! Всё съела! Давай-ка, попробую тебя кормить, как это делал мой папа.

Я достала из холодильника пакетик с мотылём, взяла одного в правую руку, левой постучала по горлышку банки. Рыбка подплыла к поверхности, и я поднесла руку с червячком к самой воде. Раздался слабый всплеск, рыбка подпрыгнула и... ап! мотыль оказался у неё во рту. «Ловко получилось» — изумилась я. Следующий мотыль упал с пальца в воду, но не успел погрузиться глубоко, как рыбка поймала его и проглотила. С третьим мотылём рыбка стала играть: схватив с пальца, проглотила, потом выпустила его изо рта, а потом опять поймала. И так несколько раз. Словно кошка с мышкой играла рыбка с мотылём! Оказывается, золотые рыбки умеют играть не только с другими рыбками, но и червячками, с камушками на дне, с растениями в аквариуме, и даже с руками человека, когда они счастливы и довольны. Чёрный бархат — жив, сыт и поэтому доволен, он в безопасности в моём доме. Может быть, теперь он даже счастлив, по своему, по рыбки.

Спасая одну жизнь, спасаешь весь мир, так гласит древнее изречение. Жизнь любого, будь то человек или животное, уникальна, и наш долг беречь и заботиться о тех, кто встречается на нашем жизненном пути.

Оглянись вокруг: может быть именно сейчас кому-то нужна твоя помощь!

Екатерина Курочкина

ЗАКАТНОЕ СОЛНЦЕ

Синеголовые не прятались. Возможно, они не знали, что надо прятаться. Но, как оказалось, им это было ни к чему — их макушки прекрасно сливались с окружающими кустарниками и камнями — зелёными, голубыми, бирюзовыми и чёрными. Вечно прищуренные глаза и крепко сомкнутые губы делали их неотличимыми даже для нас, красноголовых. Чего я никак не могла понять, так это за что нам такая несправедливость: нас-то было прекрасно видно хоть с равнины, хоть из реки, хоть с высоты небес, где и таилась главная опасность.

Мама не знала ответа на этот вопрос. Лазая под папортниками, она озвучила только следствие: «Поэтому нас так и мало». Нас и правда было совсем немного, десять, может, пятнадцать. Я спросила нашего главного — но он вообще не захотел говорить на эту тему, как будто боится, что кто-то поумнеет. И мне ничего не оставалось в итоге, как пойти к самим синеголовым и спросить у них.

Конечно, этого делать было нельзя. Во-первых, одна. Во-вторых, путь лежал через луг, спрятаться негде. Ну и в-третьих, даже самые маленькие знают, что синеголовые — другие, а значит, опасные, злые, жестокие и по нашему не понимают. Но мне так хотелось знать! И я уже спрашивала у земли, у нашего главного источника знаний. А земля только сердцем в ушах отдавалась. Ничего вразумительного. В общем, так я оказалась на краю зарослей.

Выбор тактики был невелик — либо бегом, либо пытаться прятаться. Трава высокая, можно было бы и попытаться. Это было бы ужасно долго, а провести ночь вне своей норы было совершенно невыносимо, и я решила на другой вариант. Внимательно присмотревшись к краешку неба, который был мне виден, убедилась, что он чист и бросилась вперёд.

Я успела удивиться тому, что нет никакого нападения, почти добежала до другой стороны. Но когда до кустарника было рукой подать, услышала

торжествующий клёкот, ощутила ветер на спине. Это был конец, я прекрасно понимала и кинулась в сторону, сворачиваясь клубком.

Лишь отсрочка гибели, большая птица, выше меня раза в три, сидела на земле, глядя на меня то одним глазом, то другим. Начала спокойно приближаться, понимая, что никуда я не денусь. Я смотрела на её лапы, ожидая. Ведь ей было достаточно вытянуть шею, бежать было бесполезно.

И в этот момент из кустарника выскочил синеголовый. Потом ещё один. Потом ещё трое, и семеро, и дальше я сбилась со счёта. Я увидела, как они начали бегать вокруг птицы и дёргать её за перья. Было чёткое ощущение, что она никак не могла их разглядеть. Вертелась на месте, оборачивалась в те стороны, откуда доносился смех — а синеголовые при этом смеялись! — и по мере того, как трава вокруг усеивалась серыми и чёрными перьями, в её глазах рос ужас. Я уже смогла разглядеть розовое брюхо хищницы, когда она жалобно вскрикнула и прыгнула в небо, спасаясь от маленьких, невидимых и очень неприятных врагов.

— Спасибо! — воскликнула я. И тут же вспомнила, что они не понимают меня. Но один из них, заманивая меня дальше, в их владения, ответил:

— Будь с нами! Закатное солнце, ты прекрасна!

Шагая между чёрными и бирюзовыми камнями, огибая голубые и зелёные кустарники, я держала за руки сразу семь синеголовых. Оказывается, меня ждали. Оказывается, у меня есть имя. И мало того, я поняла, что красноголовый — это не тот, кто прячется под паспортником. Это тот, кого уважают синеголовые.

Владимир Вишневский

*Стереть с лица Земли
хоть бы слезы...*

* * *

...А где раки зимуют, нам ведомо.
А на Родине — там, где и мы...
Где и недра, и мысли разведаны,
Где всегда нам хватало зимы.
Где история — с географией,
Где и рыбка, и пруд без труда...
Где способность краснеть не утратили
Только раки, — и то лишь к о г д а...

* * *

В том, что на пике Север ледовит,-
Едва ли в этом Юг кто обвинит.
Но что Восток, алея, слабоват, -
Конечно, в этом Запад виноват.

* * *

...Пусть меня поправят товарищи,
чей инстинкт для нас основной:
остаемся мы самой читающей
великой страной!..

телефон

* * *

Печален образ: Рыцарь не при деле.
Страною не опознанный герой...
О как же бодро з д е с ь помолодели
Склероз, маразм, мигрень и геморрой!..

Из цикла «ТРЕНДОСТИШЬЯ»

НАЧАТЬ С ХОРОШЕГО... НЕТ, ЛУЧШЕ НОВОСТЕЙ!..

* * *

Невинности уж нет, ни в коем разе.
Любой из нас хоть раз пробит по Базе...

* * *

Тренд, возможный лишь в нашенском веке-
Обращаться к убийцам: "Коллеги!.."

* * *

Взрастила новонабожность столица:
Припарковаться — и перекреститься.
И — укрепиться верой в Богу\Душу, -
Авто — по возвращеньи — обнаружив...

* * *

...Но ведь придется ж как-то умирать.
А что, на упрежденье проиграть...
Пора на вырост э т о проиграть —
по-режиссерски чисто, не кошмарясь...
Как если б — из реальности изъять:

Реальный стишок

Еще в сознании лежу,-
ага, реально догораю.
Слит жизнью, устарев морально...
И лишь одним себя грузу —
не тем что тупо умираю,
а тем что столько подвожу.

* * *

Ты мне Родина, пусть и не мать,
Ты моя УМОМНЕПОНЯТЬ...
На едином твоём аварийном,
на пространстве уже Объятной,
полигоне для МЧС —
наша жизнь как «легенда учений»...
Как реалити «Танцы с граблями».
Поле, минное поле чудес...

* * *

Приносим извинения свои

За

временно разрушенные семьи,
перемещение гнезд эвакуатором,
за подтопление крыши в отчем доме.
За нахождение временное в коме.
За веерность, за точечность, за то, что
душевный жар недолокализован.

За то что пожару присвоена
не та категория сложности.

(Практически он подДтушен)

Простите нас, если дышите.

Мы вас услышали.

Ваше SOS Ваше SOS Ваше SOS

очень важно для нас

важно для нас для нас —

рать.

*

...Да, россиянин: в шоке не бываю...

Стихи из нулевых, 7-го года

...Во как СЕГОДНЯ —

не чайники, а продвинутые начальники,
актуальные наши докладчики,
разрешенные барабанщики, —
как насобачились эти ребята
быть с XXI столетием запанибрата,
вслушайтесь, как говорят-то,
как имеют Е г о в виду:

Это мы освоим уже (еще) в 07-м году.

А это вот будет обеспечено

в 08-м году, как и намечено.

И о 9-м годе — в том же мужском роде.

Тем более что уже в начале 10 года

в Москве и области улучшится погода —

по программе проекта .Единая Природа..

И это — новое проявление

не только атмосферного давления!..

А не далее, как в 12-м

всем нам будет модернизация.

А в 13-то году многим станет уже вмоготу.

А в 14-м — так нам и надо! —

Всем нам будет Олимпиада.

И в награду за Первородство,

как победа в единоборстве —

Нам обломится Полуостров.

А к 15-му году заживем — и не зная броду.

...Если честно и горько — я и сам к 16-му году

выйду и пойду на Коду.

А там и 17-й год неотвратимо — грядет.

* * *

Утром кофе лишь налью,

Мыслью голову неволю:

«О, кому продать бы долю?!..»

Долю горькую свою...

Стада уж боле не пасутся мирно

...Классик наш не самый скучный, —

Мог сказать бы «Ай да Кушнер!»:

«Разве этот день ве\о\сенний

Не внушает опасений?..»

Чем дальше в век, тем меньше и тем больше,

чем дальше в XXI-ый, тем — о боже!..

Уже любая точка — н е в о з в р а т а.

(Как жили, нам не жить уже, ребята!)

Да, в двадцать-нервном — по неумолчанию —
 тотальна, экстремальна и глобальна,
 Жизнь поголовна и процессуальна,
 летальна, техногенна и онлайнна.
 И — ничего, что не было б чревато —
 царит Его Чреватость Техноген.
 И это означает например:
 пора отправить безвозвратно в ретро —
 оно наивно как фигура речи:
 «Казалось бы, ничто не предвещало...»
 позавчерашне, как литературно! —
 «Казалось бы, ничто не предвещает»!..
 Казалось — не покажется уже.
 Все предвещает в с е. И даже больше.
 Все что угодно предвещает в с е.
 ...Казалось бы, все было хорошо...
 Но тут вошел коммерческий директор.
 Ну а за ним — налоговый инспектор.
 Казалось бы — ну вот уже ... так нет...
 Тут подскочили любящие люди.
 Пожарные, экологи, УБЭП...
 Казалось, штиль и гладь, буйки на месте...
 Но тут нехстати всплыли синхронистки.
 ...Осталось лишь цитировать свое:
 «Тут я заснул, но было уже поздно...»
 Нет времени на медленные танцы.
 Спасибо, снято, вот и санитары...

* * *

однажды
 всенепременно
 и не обязательно при
 жизни

Александр Локтев

ВЕСЕЛО — О ГРУСТНОМ И НЕПОНЯТНОМ

(этюды с натуры из больничной палаты)

Волею судьбы суждено мне было попасть
 в одно из московских глазных отделений. Не
 думал-не гадал, что захочу написать об этом.

Предлагаю вниманию читателя несколько этюдов.

ЭТЮД ПРО НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

Ранним утром в день госпитализации я вышел из подъезда дома, прошёл 30 метров и вспомнил, что забыл кое-что взять с собой. Развернулся и направился обратно. Только я подумал, что само по себе возвращение — нехорошая примета, как в довершение всего дороге мне пересекла ... чёрная кошка. Делать было нечего, я лишь успокоил себя надеждой, что сразу две нехорошие приметы нейтрализуют одна другую: минус на минус дают плюс. Увы, этого не случилось, и на следующий день в ходе операции её пришлось завершить лишь наполовину.

Вот я теперь и думаю: на обстоятельства операции народные приметы, конечно же, повлиять не могли. И значит, они были не виновниками случившегося, а лишь предупреждением о грядущих неприятностях. И значит, не надо пытаться при виде чёрной кошки на пути вашего следования пересечь ей дорогу раньше, чем она вам. Просто надо морально подготовиться к предупреждению.

ЭТЮД ПРО «СКАЗКИ ВЕНСКОГО ЛЕСА»

В первую же ночь в больничной палате на четверых очень быстро выяснилось, что все три мои соседа — отъявленные храпуны. Х-р-р-р! — не-

слось из одного угла. Тпррр! — отвечало эхо из другого. А мажорное стоккато-какафонии «Храповицкая» завершало лёгкое пьяно, напоминавшее птичье пение: Фю-ить-ха-ха. Нестройное сначала, исполнение постепенно было скорректировано спящими исполнителями, и как только кончал один, музыкальную фразу подхватывал другой. А я лежал, не в силах заснуть, и вспоминал две названные выше народные приметы. И тут, некоторое время спустя, стройность исполнения вдруг напомнила мне чудный австрийский фильм об Иоганне Штраусе, где мелодия его знаменитого вальса «Сказки Венского леса» родилась от того, что композитор водил своей тростью о прутья забора и слушал цоканье копыт лошади его экипажа. И в долговременно травмировавшей меня последовательности «Х-р-р-р — Тпррр — Фю-ить-ха-ха» я вдруг услышал ... божественную мелодию Штрауса! Под неё блаженно и заснул, как говорится, без задних ног.

Воистину, не можешь изменить обстоятельства — измени своё отношение к ним!

ЭТЮД ПРО «ВАС ЗДЕСЬ НЕ СТОЯЛО...»

Больничная столовая. Чтобы не стоять в очереди на раздачу, я прихожу к концу обеда. На раздаче наливают суп и выдают второе одинокому мужчине. За ним становлюсь я. И больше нет никого. Мужчина медленно отходит от раздачи с тарелкой супа в руках. Раздатчица наполняет ему же второе и наливает суп в мою тарелку. И тут, с выпученными глазами, влетает в столовую некая особа и, еле переводя дух, говорит мне, что она ... занимала очередь за мужчиной, который только что отошёл. Я протягиваю ей налитую для меня тарелку супа, и она, успокоившись, берёт её, прихватывает моё второе и отчаливает, супердовольная, хлебать свой обед.

Вообще-то, по моим наблюдениям, очередь, как порождение «реального социализма», — весьма своеобразный, живой организм, сродни толпе, но с гипертрофированным чувством справедливости. И эту справедливость призвано обеспечить правило, устанавливаемое популярным паролем «Кто последний — я за вами» с последующими эмоциональными разборками типа «Вас здесь не стояло». В больнице это особенно смешно, ибо стояние в очереди в столовую и процедурный кабинет — единственное занятие ошалевших от безделья пациентов: читают книги очень немногие.

ЭТЮД ПРО ПРИВЫЧКУ, КОТОРАЯ «СВЫШЕ НАМ ДАНА»

Полагаю, не на пустом месте родилось жутко информационное объявление, висящее на двери общественной ванной комнаты глазного отделения. Вот оно дословно:

*Уважаемые пациенты!
Ванной комнатой категорически запрещено
пользоваться как туалетом!!!
Администрация*

Прочитав его, я решил удовлетворить своё загоревшееся любопытство: что именно в ванной комнате могло спровоцировать отдельно взятых пациентов на использование несложного оборудования не по назначению. Заглянул в ванную комнату и удовлетворил: кроме душа на меня призывно смотрело не отличимое по внешней форме от унитаза ... ординарное биде. Видать, рефлекс сработал с задержкой включения мозгов пациента, а потом ... было уже поздно!

ЭТЮД ПРО СУПЕРМАТРАЦ

Речь идёт то ли о новой разработке РОСНАНО, то ли о спешной попытке импортозамещения усилиями ещё какой-то не менее успешной фирмы, но главное: спать на таком матрасе — точно то же, что и на доске. Попытка же спать на двух таких матрасах равносильна попытке спать не на одной, а на двух досках. Уверен, что авторы этой без преувеличения пионерской разработки на своём ноу-хау не спят! Медсёстры же с грустью констатируют, что эти матрасы — новые и единственные поставки в больницы этого выкидыша российской медтехники XXI века.

Но выход можно найти из любого положения. После безуспешных попыток заснуть в первую же ночь знакомства с суперматрасом я к середине ночи догадался свернуть шерстяное одеяло в несколько слоёв и подложить между матрасом и простынёй, благо топили в больнице отчаянно, так что даже под пустым пододеяльником спать было жарко.

Впрочем, не так всё плохо, как написано. Справедливости ради, следует отметить, что описанный (от слова описАть!) суперматрас — прекрасное средство от пролежней: попробуй-ка пролежать на нём долгое время в одной позе! Воистину, жизнь такова, что из всего можно извлечь хоть какую-нибудь пользу. Например, не многие догадываются, что лучшее средство от кашля — слабительное: попробуй, кашляни!!!

На этом кончаю. Хочу лишь сказать, что в итоге, после многомесячных усилий офтальмологов, сложный мой глаз прозрел! Да и стоило ли сомневаться: на свет в конце тоннеля с очевидностью заранее указывали белоснежные «тапочки» чёрной кошки, которая в самом начале моего повествования пересекла мне дорогу. О них я вспомнил, когда посмотрел на мир другими глазами:

Ценить за счастье

Мой оптимизм, поярче брызни!
 Мои читатели, внимание:
 Невзгоды нам даются в жизни
 Судьбою, как напоминание —
 Ценить за счастье их отсутствие,
 Но не сдаваться на заклятие.
 Примите стих мой, как напутствие
 Для крепкого запоминания!

Александр Локтев

Михаил Стародуб

ДЯДЬКА ФЕОФИЛ, КОТОРЫЙ ЖЕНИЛСЯ НА КУКЛЕ

сказка

Один мальчик рос не по годам предусмотрительным. Решил он с раннего детства, что когда вырастет, обязательно женится на кукле (с неистощимой батареей в глубинах спины).

— А что же... — мысленно рассуждал этот мальчик, — вынул батарейку, и все. Тишина и покой обеспечены. Никто на тебя не ругается, не напрягает просьбами, вопросов лишних не задает. Очень удобно. А когда соскучишься, придет время посуду мыть, в магазин за покупками сбежать, постирать, или убрать в комнатах — вставишь батарейку на место.

— Неистощимых батареек не бывает! — заметил профессор Балаболов, квартира которого находилась по соседству.

— Так сконструируйте ее, — просит мальчик. — Ведь вы ученый с мировым именем. Постарайтесь, господин профессор! Что вам стоит?

— Задача, конечно, любопытная... — задумался профессор. — Эврика! Изобрел! — похвастался через несколько месяцев профессор Балаболов.

— Bravo, господин ученый! — обрадовался мальчик.

— Зачем вам понадобилась неистощимая батарейка? — спросил профессор.

Мальчик рассказал.

— Вот как... — задумался ученый. — В таком случае, молодой человек, вы можете получить две неистощимых батарейки, но с условием: одна из них — в кармане рубашки — станет частью вашего организма. Так будет справедливо. Вас тоже можно будет выключать, удалив источник питания, и включать, вставив батарейку на место.

— Если я кому-нибудь это разрешу... — сжимая кулаки, подумал мальчик, который с детства был рослым и сильным. — Согласен! — вслух сказал он. — Давайте скорее на что-нибудь меняться!

Выменял мальчик две неистощимых батарейки на всякую полезную всячину.

— Одна батарейка навсегда останется с вами, другая — для практических опытов. Храните личную — в боковом кармане рубашки, рядом с сердцем, — строгим голосом предупредил профессор.

— Рядом с сердцем, это не опасно? — на всякий случай спросил мальчик.

— Математические вычисления утверждают, что для здоровья угрозы нет, — пожал плечами профессор. — Можете убедиться сами, — говорит он, протягивая пачку мелко исписанных листов.

— Спасибо, я вам верю, — ответил мальчик, раскладывая батарейки по карманам. — Посмотрим, как оно будет, — довольно усмехнулся он, — главное, что эти батарейки — неистощимые.

— Даю честное слово профессора Балаболова! Будьте осторожны... — сказал профессор, — берегите батарейки от сырости.

Мальчик был упрямым: если когда-нибудь что-то решал, то уж исполнял непременно!

Стал он взрослым дядькой, нашел самую нарядную и красивую куклу в нашем городе и женился. Начали они жить-поживать так, как дядька задумал в детстве. Если кукла обижалась, не соглашалась, или спорила, дядька сразу вынимал батарейку, отключая свою новенькую жену, и она замирала на месте. А включал, когда становилось без нее скучно.

Прошло несколько лет. Однажды кукле надоело такое обращение, и она запретила трогать на спине батарейку.

Кто-нибудь подумает: тут и сказке конец? А вот и нет, ошибка!

Как-то вечером повздорили дядька и его жена из-за какого-то пустяка. Дядька начал громким голосом говорить грубости, возмущенно топнул ногой. Его жена-кукла даже заплакала от обиды (хотя в комплекте обеспечения изделий ее типа и класса, такая способность не была предусмотрена). Ей стало так горько и беззащитно, что слезы брызнули сами собой. Оба удивились, а дядька еще и огорчился.

— Хочешь, я попрошу прощения? — неожиданно для самого себя решил дядька.

— Да, — кивнула головой она, но плакать не перестала.

— Не плачь! — топнул второй ногой дядька (но уже совсем не страшно, тихонько топнул).

— Буду, — всхлипнула его жена.

— По инструкции куклы не должны плакать... — строго сказал он, и понял, что забыл, как надо просить прощение... что следует делать в таких случаях! — Слезы могут быть опасными для твоего механизма. Что если он начнет ржаветь? — вздохнул дядька.

— Не могу остановиться...

— Вдруг, что-нибудь сломается?

— Пусть ломается! — крикнула она так отчаянно, что у дядьки защипало в глазах.

— Удивительно... — смог еще произнести дядька. И все... голос больше не слушался.

Когда горько плачущая жена обняла дядьку, уткнувшись ему в плечо, он совсем растерялся. Одна тяжеленькая слезинка капнула ему на грудь. Туда, где в боковом кармане рубашки хранилась личная неистощимая батарейка.

Сверкнула молния! — и... дядька, отключившись, замер на месте.

В доме наступили тишина и покой.

Множество дней дядька стоит, как вкопанный, не смотря на то, что его жена-кукла придумала дядьке красивое имя Феофил, а себя мысленно называет Катенькой. По понедельникам Катенька заново стирает и гладит свою и дядькину одежду. Трижды в день моет и без того идеально чистую посуду. В остальное время смотрит старые фотографии. К вечеру, всхлипнув, начинает тихонько плакать.

Скоро дядька Феофил покрылся пылью, в некоторых местах появилась паутина. Катенька взяла влажную тряпку, чтобы протереть грязь. Из бокового кармана рубашки выпала, покотившись по полу неистощимая батарейка (точно такая — была у Катеньки!). Подняв ее, удивленная Катенька увидела, что батарейка испорчена: потемнела, а в некоторых местах обуглилась.

Потянувшись, Катенька достала из глубин спины личную неистощимую батарейку. Вложила ее в карман мужниной рубашки. Услышав глубокий вдох, успела обрадоваться: Феофил включился.

СТЁПА И СПЛОШНЫЕ ХЛОПОТЫ

сказка

Господин по имени Стёпа всего опасался.

А ну, как с утра обрушится ливень с ветром, грозой? Или случится наводнение? Заодно произойдет авария и перекроют электричество...

Или, наоборот, что, если ударит солнце, начнется страшная жара? А воду как раз в доме отключат...

В конце концов, почему бы не припожаловать снегопадам? И неважно, что на дворе середина лета. Природа непредсказуема: однажды может случиться всё, что угодно.

Наконец, вдруг утро попросту не наступит? Никогда-никогда. Причина выяснится позже, но, ясное дело, это уже будет вполне неинтересно Стёпе и остальным людям.

И, хотя утро до сих пор наступает, а серьёзные катаклизмы раз за разом обходят стороной, господин нервничает, волнуется. На всякий случай замирает от страха: вдруг он споткнётся на ровном месте? Упадёт и сломает что-нибудь важное? Застрянет в лифте, опоздает на работу, потеряет кошелек, или ключи от дома? Что, если заболит и даже умрёт? Но не сразу, а сначала попадёт под дождь с грозой и снегом, застрянет в лифте, сломает ногу и потеряет кошелек.

А ещё господину не нравилось собственное имя. Стёпа.

— Топать по улицам «Стёпой» неперспективно. Буднично как-то. То ли дело — жить-поживать Александром, Михаилом или Антоном! Личности с такими звучными именами — в центре внимания. А это привлекает удачный случай или любовь. С правильным именем не пропустишь даже что-нибудь вкусненькое или приятное!

В очередной раз, думая об этом, господин возвращался с работы. И увидел перед входом в магазин бездомного щенка. На удивление симпатичного малыша.

— Какой же ты грязный! — поморщился господин (а щенок начал лупить хвостом по пыльному асфальту). — Хотя, ясное дело, умыться-то тебе и негде! — понимающе вздохнул Стёпа (а малыш заблестал веселыми глазами). — Ты, конечно, голодный?

Щенок радостно чихнул, кивнув головой, а Стёпа рассмеялся, настолько это получилось забавно.

— Подожди меня здесь, куплю тебе колбасы! — решил он.

Щенок замер. Глаза его широко раскрылись. Попятившись с тротуара, он демонстративно уселся посередине широкой асфальтированной дороги, на проезжей её части, продолжая тарашиться на Стёпу карими, бездонными глазами. Впрочем, улица была пустынной, псу ничто не угрожало.

Стёпа вошел в магазин, мысленно рассуждая о том, что собака в доме — сплошные хлопоты! И каждодневная ответственность за судьбу четвероногого приятеля: сделай прививки, дважды в день накорми, столько же прогуляй, исполни прочее непредсказуемое. А когда перекроют электричество и случится долгожданная авария? А если обрушится, наконец, дождь с грозой? Собака начнет скулить от страха или даже выть и лаять, а соседи — браниться...

Кошмар!

Чтобы не думать об этом, Стёпа решил, по возможности, скорее накормить щенка и идти по своим делам.

— Если можно так выразиться... — соображал он, выбирая тяжеленький, пахучий пласт колбасы, — ... «утешить» ничейного пса и с чистой совестью поспешить домой.

Выйдя из магазина, Стёпа обомлел... щенок, корчился на асфальте, а машина, которая его зацепила...

— Сбить живое существо и не заметить!? — промелькнуло в голове.

...щенок кричал, а машина уже отъезжала, подмигивая задними габаритными огнями. Крик был вполне человеческий, так мог бы кричать ребёнок. Народ шёл мимо, никто не торопился на помощь.

Под ногами у щенка — лужа крови.

Раздрав коробку из мусорного контейнера, стоящего возле магазина, Степа осторожно уложил пса на картонку.

— Зачем ты такой невезучий, пёс! — мысленно возмущался Стёпа, жмурясь от чужой боли и пронзительной жалости. — И что же теперь нам с тобой делать?

В ветеринарной лечебнице сказали, что у щенка, видимо, сломаны задние лапы и хвост.

— Дворняга с улицы? Ничейная? — спросил молоденький доктор с аккуратной — волосок к волоску — треугольной бородкой. — Можно вылечить, если найдётся тот, кто это оплатит.

С сомнением оглядев Стёпу, доктор строго сжал губы, клинышек бородки смешно прыгнул вверх.

— Значит, усыпим, чтобы животное не мучилось...

— Нет! — удивляясь себе, произнес Стёпа. — Я оплачу лечение.

— А потом? — спросил доктор.

— Не ваше дело! — впервые в жизни решительно сказал Степан. И даже слегка топнул ногой (так ему понравилась собственная непреклонность).

Пожав плечами, доктор ушёл.

— Кажется, мне всегда хотелось иметь собаку... — пытался убедить себя Стёпа. — Впрочем... — рассудил он, — заберу пса домой, чтобы подлечить. А потом найду, куда его пристроить.

Стёпа оплатил лечение, а на другой день забрал щенка из лечебницы. Пришлось срочно взять отпуск за свой счёт «по семейным обстоятельствам».

Оказалось, что щенку повезло на раны, ушибы и микропереломы. Сломанный хвост ему купировали (то есть, проще сказать «отчекрыжили» в клинике), осложнений после операции не было. Через три дня пёс уже стоял на лапах.

Стёпа прочитал в интернете, что «у собак раны заживают быстро». Что доктора советуют «есть мясо, рыбу, орехи, печень, яйца, геркулесовую кашу и свежие фрукты для того, чтобы поврежденные ткани скорее затягивались».

Сходив в магазин, он купил все необходимое. Мясо, рыбу и добрый ломоть печени щенок съел с большим аппетитом, от фруктов, яиц и орехов отказался.

— Видимо с непривычки... — рассудил Стёпа, в свою очередь, хрустя яблоком, — не может у бездомного пса быть склонность к такого рода еде. Для него это недоступная роскошь.

Стёпа решил назвать пса Капучино. Во-первых, щенок был цвета кофе с молоком. Стёпа обожал капучино, напиток в белой фарфоровой чашке с нежной и вкусной пенкой, которую за пару минут можно взбить миксером. Ну, и, во-вторых, самое главное, это имя казалось достаточно звучным, в меру солидным. Хозяин собаки с именем Капучино всегда будет в центре внимания.

К сожалению, через несколько дней пришлось имя сменить. Щенок, здоровея на глазах, оказался настолько резвым, с таким восторгом мотался из комнаты в кухню и обратно (с забинтованными лапами и защитным послеоперационным воротником-воронкой на шее!), что благородное имя из четырех слогов ему явно не подходило. Как-то само собой Степа стал звать его Кузей.

— Рано или поздно собака подрастёт, — надеялся Стёпа, — доктор, кстати, уверял — лапы у Кузи большие — пёс вырастет крупным. То есть, представительным. И перестанет резвиться. Ужас! — пришло в голову Стёпе, — пёс большой, квартира маленькая, какое неудобство! Крупная собака — прирученный зверь. Это сила, энергия, независимый характер. Придётся подстраиваться, менять образ жизни. Не придётся! — мысленно произнёс Стёпа. Впрочем, произнёс не очень уверенно.

Прошло две недели.

На лохматой Кузиной спине, над коротким обрубочком хвоста, топорило несколько длинных шерстинок, которые раскачивались при ходьбе. Возникало сходство с павлином, но карикатурное, смешное и трогательное одновременно.

На шее торчал воротник-воронка.

Кузя ел жадно и без меры, отъедаясь за прошлую беспризорную жизнь. Пузо его подозрительно разбухало, доставая до пола, лапы казались короче живота. На удивление скоро живот уменьшался, сжимаясь до правдоподобных размеров.

Еда преобразовывалась в энергию! Пёс начинал носиться из дальнего угла кухни — в дальний угол комнаты. Притормаживая, скользил по паркету, трудно, с усилием преодолевал скольжение, и, развернувшись, мчался назад.

Так не меньше пятидесяти раз: рыча, лая и повизгивая, цокая когтями, будто сказочный карликовый скакун. Стёпа хохотал до слёз.

Заканчивались собачьи скачки примерно одним и тем же. Подойдя к ближайшему стулу, пёс замирал. С большим достоинством, подняв лапу, исполнял аккуратную лужу! Стёпа стыдил его, бежал за тряпкой, удивляясь тому, что не может всерьёз злиться. Видимо оттого, что послеоперационный воротник-воронка всё ещё громоздился на собачьей шее, придавая бодрому псу вид странный, даже страдальческий.

Отправляясь с собакой на улицу, Стёпа не пользовался лифтом. Шёл с пятого на первый этаж пешком. Кузя восторженно лаял в предвкушении прогулки. Это служило сигналом: соседские ребята появились из множества дверей, будто поджидали Степана и Кузю.

— Раненый лохмач! — кричали со всех сторон. — Пушистик! Кузя!

За две недели у Кузи и Степана появилось множество друзей. Каждый хотел угостить, а потом погладить Кузю.

... Прошло полгода.

Однажды летом, в нестерпимую жару, Степан решил, что надо бы искупать Кузьму Кузьмича, который вырастал здоровущим псом. Морда его вытянулась, Кузьмич стал похож на доброго четвероногого крокодила.

Для начала запустили в ванну воды. Потом началось мытьё с мылом. Когда шерсть опала, Кузьмич похудел, как сдувшийся шарик. Здесь отключили электричество (видимо, произошла авария). А через несколько минут перекрыли воду.

Думаете, кто-нибудь огорчился?

Степан принёс электрический фонарик. Пёс начал шлепать правой передней лапой по донышку ванной. Летели брызги по сторонам, в глаза. Жмурились Степан и Кузьма Кузьмич (пёс продолжал ударять лапой!), оба были счастливы.

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК»

№ 9, 2016

альманах

Координатор *Д.Б.Гвилава*

Главный редактор *В.З.Черняк*

Редакционная коллегия:

Ж.И.Голубицкая, Л. Л. Адлина, Н. В.Днепровская,

М.М.Стародуб, Т.В.Шипошина

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов

Подписано в печать Формат 60×90¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ.л. 10,0.
Тираж 300 экз. Заказ № .

